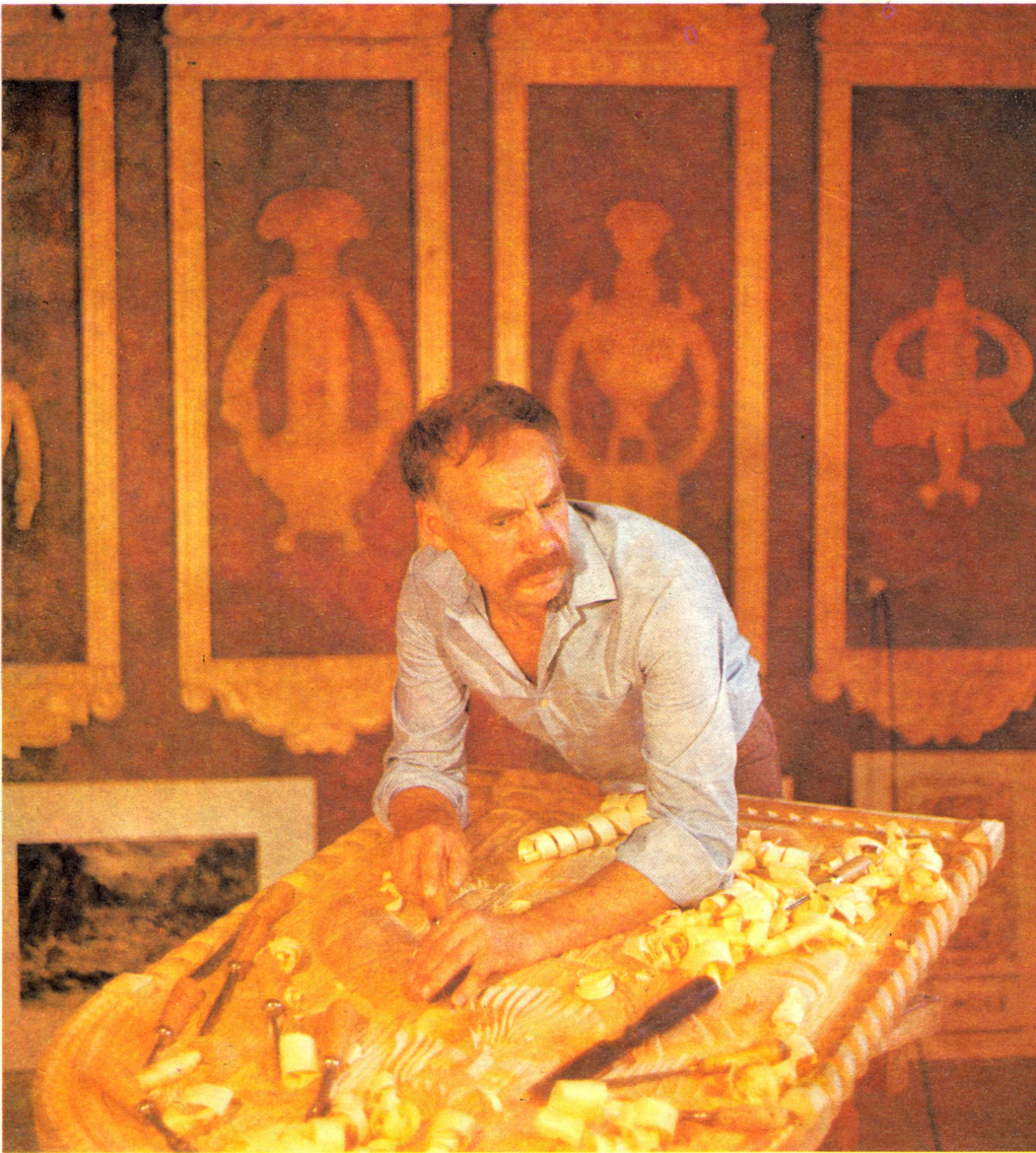

ISSN 0134—241X.

уральский ^У 10
1992
С Л Е Д О П Ы Т

Мастер

Пила, набор стамесок, свёрл, резцов — все эти инструменты, если они в руках художника, заставляют ожить обыкновенную доску. Он не просто украсит ее орнаментом, а воссоздаст на деревянном «полотне» целый сюжет, вынашиваемый годами.

Валерий Сорокин, как и его собратья-художники, работает по заказам. Им оформлены интерьеры десятков магазинов, кафе, детских садов в Екатеринбурге. Правда, сами художники не считают это творчеством, а лишь способом разжиться на какое-то время деньгами. Чтобы потом до следующего заказа поработать для души.

Творческий момент недолог, но, заглянув в такие часы в мастерскую Сорокина, можно наблюдать, как художник творит. Творит вдохновенно, из-под инструмента течет стружка, сыплется опилки, в воздухе витает крепкий запах дерева.

Именно в такие творческие часы вышли из рук Валерия самовары «Четыре времени», «Адам и Ева», «На арене цирка» и одна из последних работ, посвященная грузинскому художнику Нико Пирсmaniшвили — «Цветы для Маргариты». Эта работа Мастера Сорокина обошла многие выставки, в том числе побывала и в Москве.

Олег КАПОРЕЙКО
Слайды автора

Учредители —
Союз писателей России,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудовой коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Виктор АСТАФЬЕВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Екатеринбург,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.
По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Союзпечати».
Бракованные экземпляры
отправлять в типографию издательства
«Уральский рабочий»

Слано в набор 18.09.92.
Подписано к печати 02.11.92
Формат бумаги 84×108 1/16.
Бумага газетная.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 7,14.
Уч.-изд. л. 11,15.
Усл. кр.-отт. 7,98.
Тираж 109 700.
С.-045.
Заказ № 441.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

2

ПОД ЗНАКОМ ЮНЕСКО

Продолжение поиска «Павленковская библиотека».

3

ЗОЛОТОЙ ВЕК УРАЛЬСКОЙ МЕДИ

Статуя Свободы изготовлена из уральской меди.

В. Довгопол

4

СКОРЕННЫЙ ПУТЬ РОМАНОВЫХ. АЛАПАЕВСКОЕ УБИЙСТВО.

Продолжение цикла очерков об убийстве царской семьи. В нем использованы уникальные архивные документы.

Т. Павлова, В. Хрусталев

8

КАМНИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Таинственная история исчезновения царских драгоценностей в наше время.

В. Каменщик

10

ПСЕВДОНИМ, ПОДАРЕННЫЙ ЗЯТЕМ

Н. Изергина

10

«БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ» С ПОДРЕЗАННЫМИ КРЫЛЬЯМИ

В. Борисов

11

ОСТРОВ КРИТ ГОВОРIT ПО-ЛИТОВСКИ

В. Прытков

11

«НИКОЛЬСКИЕ» ИЗ АЧИТА

А. Трофимов

12

«УРАЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» 60 ЛЕТ СПУСТЯ

С. Постников

12

НАРОДНОЕ ПОГОВОДЕНИЕ

Г. Рыженков

13

КОСМИЧЕСКОЕ «КОЧЕВЬЕ» ТАЛГАТА

В. Дебердеев

18

КОГДА ОПЯТЬ ТРЯХНЕТ УРАЛ?

Мы на пороге сильного землетрясения?

В. Сергеев

20

СЕМЬ ЧАСОВ В ЛЕНИНГРАДЕ. Рассказ

С. Ломакин

22

«РЫБА НЕМО, РЫБА НЕМО ПРОХОДИЛА НАД КОРАЛЛОМ...»

Стихи

С. Нохрин

23

ЖЕЛТЫЙ КОЛОКОЛ. Фантастическая повесть

А. Больных

43

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

45

РОБИНЗОН В РУССКОМ ЛЕСУ

Повесть

«...лучшей детской книжки не было никогда написано».

О. Качулкова

61

СВОЯ ИГРА ТАМАРЫ

История девочки со скрипкой

А. Горбатов-Лысьвенский

64

ХУДОЖНИК ИГОРЬ ВИШНЯ

Л. Чекменева

уральский 1992 10
СЛЕДОПЫТ

Под знаком ЮНЕСКО

Продолжается наш родиноведческий поиск «Павленковская библиотека». Все больше заинтересованных людей входит в его орбиту. Добрая весть пришла из г. Верхняя Тура Свердловской области. Заведующая профсоюзной библиотечной машиностроительного завода В. В. Белоусова сообщила в редакцию, что бывшей павленковской библиотеке рабочего поселка Верхняя Тура Верхотурского уезда Пермской губернии в июле 1992 года возвращено имя Ф. Ф. Павленкова. Библиотека переехала в новое помещение.

Значит, в нашем полку прибыло!

Уголки истории — как начало и первый результат краеведческого поиска — появились в библиотеках деревни Мартьяново Шалинского района, пос. Филькино Серовского горсовета (Свердловская обл.), в селах Крылово и Комарово Осинского района (Пермская обл.).

Инициатором поиска в Мартьяново стала Тамара Васильевна Турланова, которая в эту трудную для сельских библиотек пору в клубе одна за всех: за заведующую, библиотекаря, культорганизатора, уборщицу... Словом, и швец, и жнец, и на дуде игрец.

В пос. Филькино уголок истории создан стараниями зав. библиотекой Надежды Александровны Поповой и энтузиастов-краеведов. А в Осинском районе краеведческий поиск неустанно ведет педагог Владимир Николаевич Русанов.

В № 1 «Уральского следопыта» мы задались вопросом о двух библиотеках — Хмелевской и Рождественской — на территории нынешнего Пермского района.

С помощью краеведов и Госархива Пермской области нам удалось собрать кое-какой материал о павленковской библиотеке в деревне Хмелевской бывшей Нижнемуллинской волости Пермского уезда.

Как видно из письма первого заведующего библиотекой крестьянина Степана Михайловича Федотова, которое удалось найти в архиве, библиотека в Хмелевке открылась 1 апреля 1904 года. Сначала она ютилась в школе, а в 1909 году переехала в

дом заведующего, заняв в нем первоначально одну комнату. В 1912-м разместились в доме повольготнее.

В архивном деле хранится копия договора, заключенного крестьянином Федотовым с уездной земской управой об отдаче в аренду дома под библиотеку-читальню. Вот этот любопытный исторический документ.

«Я, Федотов, должен устроить две комнаты, высота которых должна быть не ниже 4,5 аршина. Одна из комнат должна служить залом для чтения книг, журналов и газет, а в случае надобности и устройства в ней народных чтений, вторая должна служить собственно помещением для библиотеки. Обе эти комнаты должны иметь один общий отдельный парадный вход с улицы. Отопление библиотеки, содержание ее в надлежащей чистоте и опрятности должно производиться за мой, Федотова, счет.

Плату за помещение в моем доме библиотеки и исполнение обязанностей библиотекаря я, Федотов,

получаю от земства в размере шестидесяти рублей в год — сто восемьдесят [180] руб. в счет квартирной платы вперед при подписании настоящего условия».

Из докладов управы земскому собранию нам известно, что в 1909 году в библиотеке насчитывалось 489 томов книг на сумму 162 рубля 76 коп. На 25 рублей книг поступило в отчетном, т. е. 1908 году. Для чтения было взято в течение года 783 книги. Читателей в библиотеке 172 человека. Из них 29 учащихся, 67 взрослых, остальные — бывшие ученики школы. Выдача книг производилась преимущественно в выходные и праздничные дни; впрочем, библиотекарь не отказывал и в другие дни недели. Население к библиотеке относилось хорошо и было очень довольно устройством ее в Хмелевке.

Таким был первый и единственный очаг книжной культуры в уральской деревне. Трогательные детали, сохраненные архивным документом, помогают представить реальный быт деревни: тягу крестьян к знаниям, заботу земства, усилия самих крестьян... Жила деревня, трудилась, растила детей, давала им грамоту, читала книги... Для кого-то это был мир детства, малая родина...

И вот краевед из Перми Людмила Борисовна Кучина недавно сообщила нам печальную весть о том, что деревни Хмелевки ныне не существует. Ее строения снесены, уголья распаханы и принадлежат сейчас подсобному хозяйству «Ипподром» Новоильинского сельсовета. Теперь даже место бывшей деревни отыскать непросто. А памятников великим труженикам и страдальцам — российским деревням — мы еще не научились ставить. Да и научимся ли когда-нибудь!..

Странно и огорчительно то, что на вопрос о селе Рождественском не отозвался никто из краеведов и теперешних жителей. А село существует, есть школа, библиотека, клуб в бывшей порушенной Рождественской церкви... Несколько писем, посланных в село, канули без следа и ответа. Видно, не от хорошей это жизни...

А теперь еще о новостях приятных. При редакции журнала «Уральский следопыт» создан клуб ЮНЕСКО с одноименным названием. Одна из его программ — «Павленковская библиотека». В июле нынешнего года клуб стал членом уралосибирской ассоциации клубов ЮНЕСКО, то есть наш поиск будет идти отныне под эгидой, при моральной и материальной поддержке этой авторитетной международной организации.

Предлагаем всем, кто готов принять конкретное участие в поиске и стать членом краеведческого клуба «Уральский следопыт», сообщить об этом в редакцию.

Отдел краеведения

В ноябре 1992 года исполняется 270 лет Выйскому медеплавильному заводу, который в прошлом столетии и начале этого был в Российском государстве важнейшим. В середине XIX века он давал более половины всей российской меди — 3,3 тыс. тонн.

Наряду с железом медь и попутно найденный при добыче медной руды малахит составили Нижнему Тагилу мировую известность. Тагильская медь применялась для чеканки монет, в монументальных сооружениях, в производстве высокохудожественных бронзовых отливок, в изготовлении посуды (Средняя Азия — потребитель), а также широко экспортировалась.

Вначале базой Выйского завода были месторождения медной руды в верховьях речки Выи. Но их не хватило, и в XVIII веке завод имел перерывы в работе. Надо отметить, что попутно в те времена было здесь доменное и железодельное производство, и все время велось рафинирование меди трех аяттайских демидовских заводов, первый из которых — Кольваново-Воскресенский — был пущен в 1729 году. Только после открытия в 1814 году у подошвы горы Высокой мощного Меднорудянского месторождения Выйский завод получил столько руды, что ее хватило до 1916 года.

Кроме Выйского, медеплавильное производство велось и на других демидовских заводах. На Западном Урале в Кунгурском уезде у Акинфия Демидова было четыре медеплавильных завода, центральный — Суксунский, введенный в эксплуатацию в 1729 году, на котором очищалась медь других заводов.

Уральские демидовские заводы поставляли медь для Екатеринбургского монетного двора (и для других); с небольшими перерывами он действовал с 1725 года по 1876 год. Чеканка монеты росла из года в год: в 1735 г. — 7; в 1750 г. — 26 и в 1780 г. — 160 тыс. пудов.

Монеты этого двора широко расходились по России. В 1976 году в селе Бахметьево Богородицкого района Тульской области был найден в глиняных горшках клад — несколько тысяч медных монет общим весом 12 пудов, изготовленных в Екатеринбурге в 1776—1777 гг. Монеты из демидовской меди брэнчали в карманах россиян, все православные носили на груди кресты из уральской меди. На Урале выделялись также кружки для пятикопеечной монеты, которые поставлялись в Москву.

Во второй четверти XIX века в Нижнем Тагиле была построена Выйско-Николаевская церковь, покрытая красной медью. В этом храме был устроен склеп Демидовых.

Еще ранее, в 1735—1739 гг., Демидов поставлял листовую медь для покрытия шпиль Адмиралтейства в Петербурге, во время перестройки этого здания, главный павильон которого со шпилем увековечен на медали «За оборону Ленинграда».

Есть основание утверждать: статуя Свободы, которую Франция подарила США в ознаменование столетия их образования, изготовлена из тагильской меди. Кандидат исторических наук, доцент Нижнетагильского педагогического института Т. К. Гуськова свидетельствует, что в архивных документах она встречала данные о том, что по заказу французского правительства значительное количество меди Выйского завода было поставлено во Францию для изготовления статуи Свободы. Ее сделали в Париже в 1874—1881 гг. клепкой из медных листов толщиной два с половиной миллиметра. Для сбора средств на ее изготовление во Франции была проведена народная подписка.

Пьедестал для статуи Свободы в Нью-Йоркском порту был готов только 23 сентября 1886 г., и 28 октября того же года статуя была установлена. Она имеет следующие размеры: от уровня моря до верха пьедестала — 46 метров, общая высота от уровня воды до верха светильника — 92 метра, собственно статуя до горшка светильника — 46 метров, высота от пят до верха головы — 34 метра, длина руки — 5 метров, длина указательного пальца —

Виталий ДОВГОПОЛ, профессор

ЗОЛОТОЙ ВЕК УРАЛЬСКОЙ МЕДИ

2,5 метра. Общий вес — 225 тонн, вес только меди — 100 тонн (вес указан в англо-американских мерах — 1 тонна равна 907,2 кг). На голове статуи могут удобно стоять 4 человека, а на горшке светильника — 12 человек.

В первой половине XIX века Россия снабжала медью всю Европу и до второй половины прошлого столетия почти не имела конкурентов на европейском рынке, но экспорт меди в этот период начал снижаться.

В 1853 году было вывезено за границу около 400 тыс. пудов меди. Почти вся медь в середине XIX века вывозилась за рубеж. Постоянным покупателем ее была Франция. Знаменитая французская бронзовая промышленность основывалась на русском металле.

Возвеличивая Россию, нижнетагильские заводы на всемирных выставках показывали листовую медь, малахит и изделия из него, вызывавшие восхищение посетителей.

Тагильская медь применялась в производстве отечественных бронзовых отливок. На Выйском заводе в 30-е годы прошлого века выдающийся уральский литейщик Ф. Ф. Звездин организовал первую на Урале бронзолитейную фабрику. Его высокохудожественные отливки широко известны. Например, скульптура «Бык» находится в Эрмитаже. Ряд работ Звездина украшает экспозицию Нижнетагильского музея-заповедника, среди них такие, как «Сноп пшеницы», «Девочка в молитвенной позе», «Мальчик, вынимающий занозу» (1841 г.) — копия знаменитой греческой статуи V века до н. э.

С тагильской медью связан и прославленный малахит. При добыче руды в Меднорудянском месторождении в 1835 году был обнаружен самый крупный в мире монолит малахита — три тысячи пудов. В 30-х годах прошлого столетия тагильским камнем отделан малахитовый зал Зимнего дворца, а в 40-е годы он поставлялся для строящегося Исаакиевского собора, где зеленым чудом облицовано восемь величественных колонн, высотой более 10 метров и в диаметре около полуметра. Куски меднорудянского малахита (300 и 500 кг) хранятся в Нижнетагильском музее, здесь же много изящных малахитовых изделий. Большой знаток русского камня академик А. Е. Ферман писал, что малахит в монументальных декоративных изделиях становится эмблемой русских богатств, вызывая зависть и изумление Европы.

...Такова краткая история золотого века уральской меди.

КОРЪНЬНЫЙ ПУТЬ

О гибели представителей императорской фамилии в годы гражданской войны существуют противоречивые сведения. Однако их последний путь на плаху во многом похож один на другой, как будто списан с одного зловещего сценария. Авторы очерка, основываясь на уникальных архивных документах, рассказывают о трагических событиях, происшедших в ночь с 17 на 18 июля 1918 года под Алапаевском.

Алапаевское

«Обязуемся быть готовыми к 9.30 утра...»

В феврале 1918 года общая ситуация в Советской России резко ухудшилась (в связи с немецким наступлением на Петроград, контрреволюционными заговорами и другими обстоятельствами). Вслед за высылкой из столицы Михаила Романова наступила очередь и других великих князей.

26 марта 1918 года «Красная газета» (Петроград) опубликовала декрет о высылке Романовых:

«Совет Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны постановляет:

Членов бывшей династии Романовых — ...Сергея Михайловича Романова, Гавриила Константиновича Романова, Иоанна Константиновича Романова, Константина Константиновича Романова и Владимира Павловича Палей — выслать из тех же местностей (из Петрограда и его окрестностей. — *Прим. авт.*) впредь до особого распоряжения с правом свободного выбора места жительства в пределах Вятской и Пермской губерний».

Это известие опубликовали не только столичные, но и местные газеты, что говорит о координации акции правительством.

3 апреля 1918 года из Екатеринбурга в Пермь ушла следующая телеграмма:

«Пермь. Губсовдеп. Копия председателю Совдепа. Копия Лукоянову.

Прошу оказать содействие скорейшей отправке сегодня баронов (великих князей. — *Прим. авт.*) под охраной (в) Вятку. Еще раз распоряжение: Ленина, Сталина. Отвечайте телеграфом. Также прошу прийти (к прямому) проводу сегодня (в) среду, (в) одиннадцать вечера местного (времени).

Заместитель председателя (Уральского) облсовета Дидковский».

Только благодаря вмешательству супруги князя Гавриила Константиновича — княгини Антонины Романовой, ему, тяжело больному туберкулезом, разрешено было остаться в Петрограде. Остальным же, в том числе и юному сыну великого князя Павла Александровича от морганатического брака — Владимиру Павловичу Палею, было предписано срочно покинуть столицу.

Представлял ли В. П. Палей опасность для Советской власти, не имея никаких прав на трон и не будучи замешан в политической борьбе? О его миропонимании свидетельст-

вуют случайно сохранившиеся страницы дневника за июнь 1917-го — февраль 1918 года:

«Какое страшное, тяжелое время! Мы все живем слухами, предположениями, надеждами и воспоминаниями... Все сбилось с толку, у всех в голове какая-то каша. В сущности, никто не знает, чего он хочет..., чего хочет ближний. В Петрограде затишье, но настроение взвинченное — пахнет кровью. Грязь в городе неопишемая. Сутолока, беспорядок, анархия. Словом, революция... Растет, развивается хамство... Самая гуманная душа должна теперь признать, что Россия без палки жить не может. Ей именно нужен городской, а не свобода. Участок, а не права. Революция себя погубила...»

В центральных и местных газетах публиковались материалы о переводе Николая II и его семьи в Екатеринбург. Вскоре после этого, 9 мая 1918 года, в газете «Новый вечерний час» (г. Петроград) появилась заметка об аресте великой княгини Елизаветы Федоровны, где говорилось: «В Москве арестована последняя, бывшая еще на свободе, представительница бывшего царствующего дома вдова Сергея Александровича, Елизавета Федоровна. После убийства Сергея Александровича, Елизавета Федоровна постриглась в монахини и совершенно отстранилась от политики. Ни Временное правительство, ни Совет Народный Комиссаров не прибегли до сих пор к аресту Елизаветы Федоровны, несмотря на ее близкое родство с бывшей императрицей. Мы не знаем, чем вызвана ее высылка в Екатеринбург. Трудно думать, чтобы Елизавета Федоровна могла представлять опасность для Советской власти, и ее арест и высылка могут рассматриваться скорее как... гордый жест по адресу императора Вильгельма, брат которого женат на родной сестре Елизаветы Федоровны».

Шла планомерная акция сосредоточения Романовых на Урале. Это подтверждает и телеграмма великого князя Сергея Михайловича из Екатеринбурга от 13 мая 1918 года на имя Председателя Совнаркома В. И. Ленина и Я. М. Свердлова:

«<В> Москву. Совнарком Ленину. Копия Свердлову.

Выслан из Петрограда 2 апреля <в> Вятку <с> правом свободного проживания. Через месяц по постановлению губернского съезда Советов выслан <в> Екатеринбург. Ныне постановлением областного Совета высылаюсь <в> Алапаевск. Болен ревматизмом, суровый климат заставляет просить перевести меня в Вологду или Вятку.

Сергей Михайлович Романов».

РОМАНОВЫХ

убийство

В белогвардейских следственных материалах Н. А. Соколова по делу убийства царской семьи сохранился протокол П. А. Леонова о пребывании князей Романовых в Екатеринбурге: «Игорь Константинович... обратился ко мне с просьбой найти ему и другим великим князьям комнаты. Он говорил при этом, что жить в гостинице им «дорого», так как у них нет средств... Мы ходили к жилищному комиссару Жилинскому, чтобы получить право на эти комнаты... Он не дал разрешение... Несколько раз я после этого бывал у князя в номере. Я предлагал ему скрыться и предлагал свой паспорт ему. Игорь Константинович говорил, что он не сделал ничего худого перед Родиной и не считает возможным поэтому прибегать к подобным мерам. Он высказывал при этом: «Я чувствую, что нам здесь жить не позволят. В Вятке к нам тоже хорошо относилось население. Нас оттуда перевели сюда. Отсюда тоже переведут». Во вторник на Фоминой неделе, когда я был у князя, какой-то красноармеец принес ему бумагу. Там говорилось, что все князья должны переселиться в Алапаевск, согласно постановлению местных «комиссаров»...»

Таким образом, в середине мая, когда в Екатеринбурге оказались почти все сосланные на Урал Романовы, областной Совдеп решил «рассредоточить» их, отправив часть членов императорской фамилии в Алапаевск. Это решение местных властей и вызвало указанный выше протест великого князя Сергея Михайловича. Во избежание каких-либо неожиданностей председатель Уральского облисполкома Белобородов 14 мая 1918 года телеграммой на имя В. И. Ленина и Я. М. Свердловла предупреждает:

«Высланные <из> Екатеринбурга бывшие великие князья хлопочут об оставлении их <в> Екатеринбурге. Это по мнению Облсовета невозможно. Мы постановили выселение их <в> Алапаевск Верхотурского уезда.

Предоблсовета Белобородов».

Сохранился и автограф ссыльных о знакомстве с текстом принятого постановления:

«Постановление областного Совета нам объявлено, и мы, нижеподписавшиеся, обязуемся быть готовыми к 9.30 час. утра для отправки на вокзал в сопровождении члена Уральской областной чрезвычайной комиссии 19 мая 1918 года.

Елизавета Федоровна, настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия. Князь Иоанн Константинович, Княгиня Елена Петровна. Князь Константин Констан-

тинович. Князь Игорь Константинович. Князь Владимир Палей. (Великий князь) Сергей Михайлович Романов».

20 мая 1918 года все расписавшиеся, за исключением сербской королевны, княгини Елены Петровны (супруги Иоанна Константиновича), оказались недалеко от Екатеринбурга в г. Алапаевске.

Представители дома Романовых оказались на Урале под угрозой физического уничтожения в связи с вспыхнувшим белочешским мятежом и обострением гражданской войны. Для расправы необходим был лишь предлог, которым послужил «побег» Михаила Романова.

По знакомому сценарию

В первые дни жизнь алапаевских ссыльных складывалась так же, как и у великого князя Михаила Александровича в Перми. В следственных делах белогвардейцев сохранился допрос Александры Кривовой (бывшей служанки в доме, где жили князья) от 25 октября 1918 года. Она показала:

«Все великие князья помещались в здании так называемой Напольной школы, расположенной на окраине гор. Алапаевска. Это здание имеет 4 большие и 2 маленькие комнаты. Кроме того, в маленькой комнате около входа помещались дежурные красноармейцы.

Все великие князья были доставлены в Алапаевск в мае месяце, причем сначала им была предоставлена свобода, они могли ходить по городу и гулять в поле. Приблизительно через месяц явились комиссар Кучнаков и Ефим Соловьев, объявившие, что из Перми сбежал великий князь Михаил Александрович и что поэтому будет установлен за всеми строгий контроль. После этого наступила резкая перемена в условиях жизни; прогулки были прекращены, доставка провизии была ограничена до крайности, стали производиться внезапные, ничем не вызываемые обыски, отношение к бывшим великим князьям со стороны стражи сделалось грубым и резким. Кроме того, у всех были отобраны деньги. Тогда же было приказано выехать из Алапаевска лакеям великого князя Константина Константиновича — Ивану и князя Палея — Крюковских. Выселили также и монахинь, состоявших при Елизавете Федоровне, — Варвару Яковлеву и Екатерину Петровну. Супруга великого князя Иоанна Константиновича — Елена Петровна — сама уехала в Екатеринбург к детям».

Князья выразили протест в телеграмме, направленной в Екатеринбургский Совдеп 21 июня 1918 года:

«Екатеринбург. Председателю областного Совета.

По распоряжению областного Совдепа мы с сегодняшнего дня находимся под тюремным режимом. Четыре недели мы прожили под надзором Алапаевского Совдепа и не покидали здания школы и ее двора, за исключением

посещения церкви всегда в сопровождении красноармейца. Не зная за собою никакой вины, ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима. За себя и моих родственников, находящихся в Алапаевске.

Сергей Михайлович Романов».

В ответ на это, а также на запрос Алапаевского Совета Белобородов сделал следующее предписание местным властям, очевидно, руководствуясь инструкцией центра: «Прислугу <на> ваше усмотрение, выезд никому <не позволять> без разрешения <в> Москву — Дзержинского, <в> Петроград — Урицкого, <в> Екатеринбург — Облсовета. Объясните Сергею Романову, что заключение является предупредительной мерой против побега, <в> виду исчезновения Михаила <из> Перми.

Белобородов»,

Романовы в Алапаевске были готовы к надвигающейся развязке. Об этом можно судить по перехваченным чекистами телеграммам великих князей в Петроград от 21 июня 1918 года. В одной из них князь Константин Константинович предупреждал близких:

«Ухтомскому. Петроград. Сергиевская, 60.

Переведены <на> тюремный режим <и> солдатский паек. Не пишите.

Константин».

Как свидетельствует член Уральского облисполкома П. М. Быков в книге «Последние дни Романовых», 12 июля 1918 года, на заседании исполкома областного Совета, после согласования с центром и в связи со сложным военным положением было принято решение: предать царскую семью казни, не дожидаясь суда.

Очевидно, одновременно была предпринята участь и алапаевских ссыльных, так как в Алапаевск был направлен в качестве «куратора» представитель облисполкома (по некоторым сведениям — Сафаров). Напомним читателям, что через несколько дней наступает трагическая развязка этой драмы.

Гильотина была запущена. 17 июля в 12 часов дня сменили караул «алапаевских узников». У великих князей отобрали последние ценности и объявили, что ночью они будут переведены на новое местожительство в район Верхне-Снячихинского завода (в 15 верстах от Алапаевска). С наступлением темноты из здания Напольной школы на подводах по снячихинской дороге повезли князей, Елизавету Федоровну, ее крестовую сестру Варвару и Ремеза (управляющий великого князя Сергея Михайловича). В районе глубоких шахт в 11 верстах от Алапаевска арестованных избили прикладами и с повязками на глазах сбросили в глубокий шурф. Выстрелом в голову был убит только Сергей Михайлович, который пытался увлечь за собой в шурф одного из палачей. Когда белогвардейцы заняли Алапаевск и из шахты извлекли трупы, то экспертам удалось установить, что некоторые из погибших жили под землей двое или трое суток, и Елизавета Федоровна там, «в мрачных пропастьях земли», оказывала им посильную помощь. Только когда палачи сбросили в шахту куски зажженной серы и наглухо завалили шурф бревнами и землей, муки жертв прекратились.

18 июля 1918 года председатель Уральского Совдепа Белобородов в телеграмме, направленной в Совнарком, ВЦИК и Петроград (Зинovieму и Урицкому), извещал:

«Алапаевский исполком сообщил <о> нападении утром восемнадцатого неизвестной банды <на> помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья: Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михайлович и Палей. Несмотря <на> сопротивление стражи, князья были похищены. Есть жертвы <с> обеих сторон. Поиски продолжаются».

Неправда ли, знакомый сюжет?! События развиваются по «сценарию побега» Михаила Романова: все с тем

же тайным и печальным финалом, имя которому — уголовное убийство.

Ответственного за судьбу Романовых, кремлевского куратора Я. М. Свердлова, детали расправы интересовали постольку поскольку. Об этом можно судить по его переговорам 19 июля 1918 года с Екатеринбургом, когда выяснялась обстановка на белочешском фронте, уточнялся текст официального объявления для печати о расстреле Николая Романова и об алапаевских событиях.

По ложному следу

Когда сопоставляешь тексты телеграмм и газетных сообщений, бросается в глаза, что нигде среди «бежавших князей» не упоминается имя великой княгини Елизаветы Федоровны (урожденной немецкой принцессы, родной сестры царицы Александры Федоровны). Невольно напрашивается вывод, что эта туманная завеса была наброшена до выяснения позиции третьей стороны, т. е. немцев, проявлявших интерес к судьбе немецких принцесс: Александры Федоровны и Елизаветы Федоровны, и царских детей. По этой же причине власти ранее предпочли умолчать о судьбе Александры Федоровны и ее детей.

К широковещательной дезинформации была подключена вся пресса. Так, «Голос Кунгурского Совета К. Р. и С. Д.» (Пермской губ.) 25 июля 1918 года поместил заметку «Бегство бывших великих князей из Алапаевска»:

«Из Алапаевска получена следующая телеграмма: «18 июля утром банда неизвестных вооруженных людей напала на школу, где помещались великие князья. Во время перестрелки один бандит убит и, видимо, есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев, бандиты бежали по направлению к лесу. Задержать не удалось. Розыски продолжаются. Алапаевский исполком...»

Бегство б. великих князей, безусловно, имеет связь с происходившими событиями. Недавно в Екатеринбурге были арестованы майор сербской службы Мичич, фельдфебель Божечич и управляющий делами сербской королевы, жены бывшего (князя) Ивана Константиновича Елены Петровны — Смирнов.

Эти лица явились в областной Совет как делегаты сербского посланника Сполайковича для отправки Елены Петровны в Петроград, заявив, что на это получено разрешение от центральной Советской власти. По справкам, наведенным областным Советом в Москве и Петрограде, оказалось, что просьбу Сполайковича о разрешении Елене Петровне переехать в Петроград Президиум ВЦИК отклонил. Поэтому Мичич, Божечич и Смирнов были арестованы в Екатеринбурге по обвинению в попытке ввести в заблуждение Советскую власть. Одновременно с ними была арестована и Елена Петровна, приехавшая незадолго до этого в Екатеринбург. Следствие по этому делу продолжается и будет закончено в ближайшем будущем».

Попытка привязать к делу о «побеге» великих князей сербскую миссию не имеет под собой достоверной подоплеки. Арест сербской миссии и княгини Елены Петровны был связан с отказом последней покинуть мужа после введения для великих князей тюремного режима в Алапаевске. В конце 1918 года ей, как иностранной подданной, удалось освободиться из заключения и выехать за границу.

Спустя неделю после первой публикации, 1 августа 1918 года, сюжет о «побеге» великих князей получил на страницах газет дальнейшее развитие, но материал подносился в более развязной и оскорбительной форме:

«К похищению Романовых.

Получены некоторые подробности похищения бывших великих князей из Алапаевского завода Пермской губернии.

Сначала князья Романовы жили в Екатеринбурге, где их держали довольно свободно. Они гуляли по городу, флиртовали с девицами, а по пути шушукались с белогвардейскими элементами.

Тогда князей отправили в Алапаевск.

Но и там они не унялись. Очень скоро охрана стала замечать подозрительные приготовления Романовых. Поведение Романовых делалось тем подозрительнее, чем ближе к Екатеринбург продвигались чехословаки.

Одно из донесений из Алапаевска гласит, что в квартире Романовых после их похищения все вещи князей найдены совершенно упакованными, готовыми к отъезду.

Таким образом, «похищенные» очень аккуратно готовились к своему похищению.

Сейчас принимаются меры к выяснению всех обстоятельств загадочного похищения».

И надо было так случиться, что на месте событий 18 июля 1918 года «неожиданно» оказался «политический представитель» т. Кобелянко, который спешно направил в центр следующую телеграмму:

«Москва: Совнаркому, Штабу фронта и комиссару юстиции Уральской области.

Доношу, что при проезде по делам службы в город Алапаевск на станции я узнал о произведенном нападении на помещение, в котором помещались бывшие великие князья Романовы, и об увозе таковых. <При> проведенном мною дознании и осмотре места происшествия оказалось: Романовы помещались в здании училища под названием Напольного на северной стороне города Алапаевска под охраной караула из шести человек.

17 на 18 июля в два часа ночи нового времени со стороны поля было произведено на помещение вооруженное нападение неизвестными лицами в невыясненном количестве, по заявлению около 50 человек. После того как караул отступил <в> сторону города, нападающие ворвались в помещение, освободили всех Романовых, слугу и увели с собой. На поддержку караула был выслан отряд, но бандиты успели скрыться. Приняты меры к задержанию скрывшихся тотчас же местным Совдепом. Из нападавших один убит, по-видимому, интеллигент, но в грязной одежде. При осмотре мною помещения оказалось, <что> вещи Романовых упакованы и уложены в комнату, ближе к выходу во двор и на площадь <в> сторону поля. Мною сделаны распоряжения о немедленном расследовании <дела> самостоятельной комиссией, а также о составлении подробных актов осмотра и составление подробной описи оставшемуся имуществу, подготовленному, но не увезенному. Полагаю, что нападение и побег заранее подготовлены, и в этом направлении принимаю меры <к> выяснению. Возможные меры принимаю, прошу распоряжений и высылки уполномоченных для дальнейшего следствия.

Политический представитель Кобелянко».

Остается сказать, что в материалах белогвардейского следствия Н. А. Соколова по делу убийства царской семьи и великих князей есть протоколы допросов охранников алапаевских узников, в которых они признались в инсценировке нападения на Напольную школу.

Публикации в прессе и телеграммы достаточно полно отражают ход событий по официальной версии. Все происходило так же, как и в Перми: таинственное похищение или бегство, информация о нем в газетах, безуспешные поиски и безрезультатное следствие.

Позднее, в условиях гражданской войны, цепной реакции взаимного ожесточения противоборствующих лагерей в прессе появлялись сообщения — от явных фальсификаций до циничных признаний и саморазоблачений. Так, газета «Уральский рабочий» 12 декабря 1918 года в разделе «В стане белых» под заголовком «Разыскали-таки!» поместила следующую заметку по алапаевским событиям:

«Белые упорно собирают останки романовской шайки,

Проделав церемонию с похоронами Николая в Екатеринбурге, они сейчас принялись за великих князей.

Посадив себе на шею диктатора Колчака, они с рабочей пронырливостью докапываются до разных останков бывших властителей и хоронят их с почестью. Вот сообщение из белогвардейской газеты: «19 октября в городе Алапаевске на Урале состоялись похороны убитых в июне (так в тексте, правильно: в июле — Прим. авт.) бывших князей и Елизаветы Федоровны. По сообщениям офицеров Советской власти, князья, проживавшие в Алапаевске под надзором, бежали в Сибирь. Но впоследствии оказалось, что они убиты. Трупы их были найдены на дне глубокой шахты, куда, по-видимому, их сбрасывали вниз головой, и они разбились насмерть. Изуродованные, уже подвергшиеся разложению трупы великих князей были извлечены из шахты по распоряжению городских властей, погребены в особом склепе при городском соборе. Похоронам не был придан общественный характер. У 8-ми гробов толпилась лишь любопытная публика».

При отступлении белогвардейцев 1 июля 1919 года гробы с телами «алапаевских узников» вывезли из собора и в августе доставили в глубокий тыл армии Колчака, в Читу. В дальнейшем останки великого князя Сергея Михайловича, князей Иоанна Константиновича, Игоря Константиновича, Константина Константиновича, Владимира Палея, а также управляющего Ф. С. Ремеза были захоронены в склепе храма св. Серафима Саровского при Русской миссии в Пекине. Гробы же с телами Елизаветы Федоровны Романовой и ее спутницы крестовой сестры Варвары Яковлевой были переправлены в Иерусалим в церковь Марии Магдалины, где и обрели вечный покой.

4 апреля 1992 года последние были канонизированы Архиерейским собором русской православной церкви.

Однако пляска смерти и на этом еще не была завершена, кровавое колесо гражданской войны продолжало катиться, и новыми жертвами красного террора пали великие князья Романовы в январе 1919 года в Петропавловской крепости.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Камни Его Величества

Шел третий год Великой Отечественной войны. Нам, пятнадцатилетним рабочим «засекреченного» завода, объявили: в воскресенье те, кто перевыполнит недельный план, пойдут в музей Революции.

Музей располагался в одноэтажном кирпичном доме, напротив возвышались здания Дворца пионеров и православного собора — тогда еще без крестов, с закрытыми массивными дверьми. В одной из комнат бывшего Ипатьевского особняка было выставлено обычное для многих краеведческих музеев оружие времен революции и гражданской войны, хранились копии большевистских листовок... На стенде под стеклом лежали фотографии последнего царя. Фотограф запечатлел императора в тот момент, когда он пилил дрова во дворе губернаторского дома в Тобольске. Царь был в солдатской форме, без погон, в сапогах. Здесь же можно было увидеть снимки царицы и малолетнего царевича. А рядом — фотографии драгоценных брошей, кулонов, колец, осыпанных алмазами — всего того, что было изъято у царской четы перед расстрелом.

Сотрудница музея провела нас по комнатам, остановилась у окна, где открывался вид на сад и городской пруд. На белом подоконнике выдвинулись глубоко нацарапанные несколько четких крестов с загнутыми под прямым углом концами.

— Свастикку рисовал царевич. Этим знаком, — пояснила экскурсовод, — широко пользовалась вся семья, фрейлина Анна Вырубова и Распутин.

Откуда нам, пацанам, попавшим после одиннадцатичасовой рабочей смены в музей, было знать, что искореженный крест не столько являлся эмблемой нацистской партии, но почитался с древних времен многими народами как символ солнца и плодородия. Да и если бы кто рассказал нам об этом, — что могло измениться в нашем представлении: мы всеми фибрами души ненавидели фашизм.

Помню, что мы еще с большим удовлетворением рассматривали подлинники квитанций на выдачу серной кислоты отряду Петра Ермакова для уничтожения расстрелянной царской семьи...

Все это запомнилось. А вот на информации о золотых вещах и алмазах внимание тогда не задержалось.

Вновь о царя я услышал через пять лет, в музее криминалистики — тогда многих комсомольцев отправляли служить в милицию. Там, в музее, среди экспонатов был толстый альбом с надписью «Царские драгоценности». На искусно раскрашенных фотографиях были запечатлены десятки золотых перстней и колец с изумрудами и бриллиантами, броши, церковные панагии, несколько диадем, усыпанных драгоценными камнями. Здесь же были фотографии деревянных бочек и пятилитровых банок, в которых хранились ценности, снимок рубленого пятистенного дома в Тобольске, фотография монашки и рыбопромышленника, у которых были изъяты ювелирные изделия.

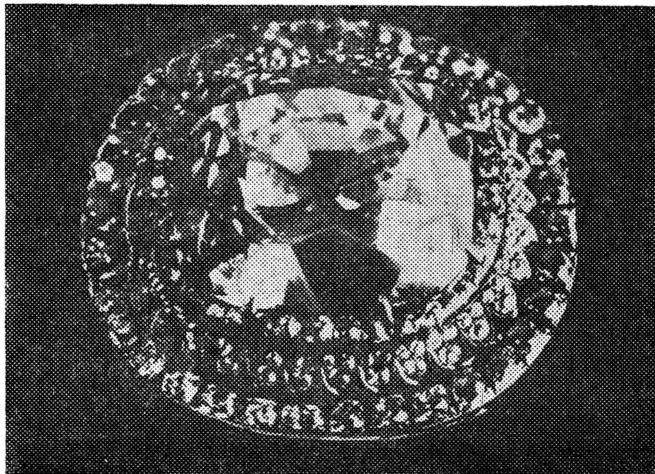
О том, как они были обнаружены, рассказывал один из опытных сотрудников отдела ОБХСС областного управления милиции Владислав Иосифович Верховский.

Второй и третий год войны были особенно трудными. Не хватало одежды, продуктов питания. На рынке молоко — 150 рублей за литр, буханка белого хлеба — 400. Спекулянты шустрили, сбывалось перекупленное, ворованное. В конце 1942 года в отдел ОБХСС поступила информация о том, что на рынок возле Четвертой Загородной (ныне улица Щорса) приезжает старушка и потихоньку продает кусочки червонного золота. Оперативная группа задержала эту женщину. Она рассказала, что живет в Тобольске, что раньше была монашкой Ивановского женского монастыря. При себе у нее был большой наперсный крест с изображением распятого Христа и несколькими крупными алмазами. На нижнем конце креста виднелся след топора или зубила. Задержанная рассказала, что крест на хранение ей оставила игуменья по просьбе царицы Александры Федоровны. Долгие годы монашка надеялась, что кто-либо придет из царской семьи и попросит крест. Но началась война. Никто не пришел. Жить стало трудно, денег не хватало. Тогда и решила отрубить и продать кусочек золота. Но показания задержанной не подтверждались количеством проданного золота. Скол от креста был мизерным.

Поехали в Тобольск. Там, в завалинке пятистенного дома, где жила бывшая монашка, нашли пятилитровые банки с притертыми пробками, а в них — завернутые в вату ценности, на многих из которых красовался царский вензель «Н».

— Нарком внутренних дел, — закончил рассказ В. И. Верховский, — предложил на это золото, алмазы и изумруды закупить за рубежом оружие. Но ЦК и правительство решили сохранить драгоценности как достояние народа. Сейчас они в Кремле.

Позднее я видел их в Оружейной палате. И тогда же

узнал, что не все произошло с ценностями, как рассказал Верховский.

Монашка была. Наперсный крест у нее изъяли — факт неоспоримый. В завалинке тобольского дома действительно почти четверть века хранились уникальные ювелирные изделия, которые Гохран признал бесценными.

Но не было среди изъятого диадемы для венценосных особ. Не было многих других чрезвычайно ценных вещей, запечатленных на фотографиях в альбоме научно-технического отдела. А найдены они были раньше, в том же Тобольске, и снова у монашки, но не у той, которую задержали в Свердловске, и задолго до Великой Отечественной войны. Найдены они были свердловскими чекистами.

Фотографии диадемы и других украшений оказались в альбоме потому, что их, вместе с изъятым крестом и другими ценностями, сфотографировали в Гохране.

...В январе 1964 года свердловчане были потрясены: в подвале частного дома оказалась зверски убита семья весовщика колхозного рынка Ахимблита. В связи с этим ЧП в город приехал министр внутренних дел РСФСР генерал-майор Вадим Степанович Тикунов.

Тикунов в Свердловске был недолго — всего два дня. На Урале раньше он не бывал, и начальник управления Е. А. Емельянов решил основательно подготовиться к приезду министра: подобрал литературу по истории края, продумал места посещения, заодно проверил работу музея криминалистики. И здесь увидел альбом «Царские драгоценности». Решено было взять из архива документы, имеющие отношение к расстрелу Николая II: фотографии семьи, переписку, даже меню, составленное царской рукой.

Министр глянул на все раритеты. Изданную в 1926 году на Урале книгу П. Быкова «Последние дни Романовых» отложил в сторону... Зато внимательно перелистал альбом, заинтересовался: кто из работников милиции участвовал в поиске драгоценностей.

Стоимость бриллиантов, золота и самоцветов по оценке экспертов определялась на сумму 3 миллиона 270 тысяч 693 рубля 50 копеек — в ценах от 1933 года. Фотографии в альбоме документально подтверждали, что драгоценности существовали.

...Прошло почти двадцать лет. В 1982 году приехал в Свердловск министр внутренних дел СССР Николай Анисимович Щелоков. До этого Щелоков приезжал в этот город дважды.

Перед третьим приездом все уже знали, что министр

не против «сувениров». Из Свердловска он увез туалетный столик из яшмы с зеркалом; помощники его удивлетворились «камушками» с завода «Уральские самоцветы».

В этот же, третий раз, среди многочисленных указаний последовала команда подготовить экспонаты, связанные с последними днями Романовых. Снова пришлось мне, по распоряжению начальника УВД, идти в музей — отбирать там фотографии, почтовые открытки, книжку Павла Быкова и меню с автографами его императорского величества.

Дошло дело до альбома «Царские драгоценности». Смотрю и... глазам не верю: вместо цветных фотографий диадемы и подвесок, кулонов и панагий в альбом вклеены черно-белые, выполненные с большим искусством, но черно-белые... Копии!.. А где подлинники?..

Щелоков тем временем потребовал снять пятнадцать ксерокопий книги П. Быкова и достать книгу свердловского краеведа Ю. Курочкина «Тобольский узелок». Приказал он снять копию и с квитанции на получение серной кислоты, сделать ксерокопии со всех фотографий, писем царя и его ближних, и опять с того же меню... Копии документов, касающиеся последних дней царя, увез не только Щелоков, но и все его приближенные и помощники. В том числе увезли и копии фотоальбома о царских камнях.

...Откуда такой интерес к фотографиям царских драгоценностей? Что хотелось найти в действительно редкой книге П. Быкова, и особенно в «Тобольском узелке», где Юрий Михайлович Курочкин написал, как уральские чекисты нашли и возвратили государству ценности, оставленные императорской четой у доверенных лиц в Тобольске? Какие подробности уточнялись?..

В книгах ли дело, в документах ли? А может, дело в том, что надо было изъять подлинные фотографии исчезнувших диадемы и других вещей, чтобы их и следа не было, поскольку драгоценности тайно давно оприходованы высокопоставленными «коллекционерами».

Недавно я побывал в новом музее милиции Свердловской области, теперь он расположен в учебном центре УВД. Уже и того альбома нет... Только копия его, с не один раз перепечатанными фотоснимками изъятых царских драгоценностей, лежит в запаснике.

НА СНИМКАХ: бриллиантовая брошь с камнем в сто карат; хранители царских ценностей: благочинная Тобольского монастыря Рахиль (Марфа Уженцева) и бывший рыбопромышленник из Тобольска В. М. Корнилов.

Псевдоним, подаренный зятем

Нина ИЗЕРГИНА

В 1886 году в Петербурге вышла книга под названием «Отчего?». Автор скрылся под псевдонимом «Кн. М. Н. Волконский». Повесть рассказывала о воспитании детей в двух семьях. В одной дети делились на любимчиков и постылых, в другой все были одинаково любимы. Сюжет повествования заканчивается трагедией. Кто же автор этой книги, и почему он спрятался под псевдонимом?

Автором оказалась Елизавета Николаевна Кондрашова, дочь вятского губернского прокурора Н. М. Мейера, с которым, будучи в ссылке, приятельствовал А. И. Герцен. Как вспоминает ее дочь, Елизавета Николаевна училась в Павловском институте благородных девиц, много раз ездила за границу, в совершенстве владела французским, английским и итальянским языками, увлекалась педагогикой. Дочь отмечает у нее «природный большой и светлый ум, ненависть к крепостному праву и сочувствие к «незаслуженно обиженным».

Писать она начала поздно. А псевдоним ей «подарил» ее зять, князь Михаил Николаевич Волконский, тоже литератор. Позднее, в 1892—1894 годах, он был редактором журнала «Нива», автором романов «Князь Никита Федорович», «Братья», «Мальтийская цепь» и целого ряда пьес.

Следующее произведение Е. Н. Кондрашовой — «Дети Солнцевых» (из дневника институтки 20-х годов) — было напечатано в журнале «Русский вестник» за подписью В. (Автор повести «Отчего?»). Действительность здесь переплетается с вымыслом. Перед нами то мемуары, то психологическая повесть. Прототипом Кати Солнцевой стала подруга Кондрашовой — Надежда Дмитриевна Яковлева, отец которой Д. Ф. Яковлев действительно погиб во время наводнения в Петербурге. В образе воспитательницы Милюкеевой выведена любимая учительница Кондрашовой Мария Федоровна Тиль. Повесть дышит любовью к детям, пленяет проникновением в детскую психологию.

После смерти Елизаветы Николаевны в 1887 году ее дочь обнаружила продолжение повести и опубликовала под заглавием «Юность Кати и Вари Солнцевых». При ее участии была напечатана и первая часть «Детей Солнцевых», прекрасно иллюстрированная рисунками Е. П. Самокиш-Судковской и портретом писательницы.

Все литературное наследие писательницы еще не размыскано и не собрано. Известно, что за подписью «Кн. М. Н. Волконский» в «Русском вестнике» была напечатана повесть «Мотановская крепость» и историческое повествование из времен язычества на Руси «Жертва богам (Ингварь и Малуша)».

Может быть, обнаружатся другие произведения писательницы-вятчанки, укрывшейся за фамилией своего зятя?

г. Киров

«Белый лебедь» с подрезанными крыльями

Валерий БОРИСОВ

Сегодня мало кто знает, что в начале века Россия была вторым после Дании экспортером сливочного масла. Она поставляла на рынок почти четверть его мирового объема. Причем львиную долю составляло масло из Сибири, которое было одним из главных экспортных продуктов этого края. По данным кандидата исторических наук Владимира Плющева, в 1913 году было его из Сибири вывезено на 60 миллионов рублей.

Родина сибирского маслоделия — Курган. Отсюда оно распространилось на всю Западную Сибирь. А в 1907 году в городе возник «Союз сибирских маслоделательных артелей», открывший свои конторы в Москве, Петербурге, Омске, Барнауле, Владивостоке, а также в Лондоне и Берлине. Молочный продукт из Сибири экспортировали 15 иностранных фирм. 13 из них базировались в Кургане.

В 1913 году половина из 4229 сибирских заводов были артельными. Объединяя усилия мелких товаропроизводителей, артели вытесняли частный капитал, как российский, так и иностранный. В то время кооперативы и их союзы обычно не участвовали в реализации, а продавали право торговать по контракту, на весь сезон. Сибирский масло-союз старался обойтись без посредников. Он соединял два типа кооперации: производственную (изготовление) и потребительскую (артельные торговые лавки). В то время в Сибирь капиталистическая торговля была развита слабо. Объединение давало союзу немалые преимущества: артели освобождались от платы торговцам за услуги, а потребительские лавки имели гарантированный кредит. В марте 1914 года группа крупных курганских торговцев даже обратилась в биржевой комитет с жалобой на союз, который, де, «старается их свести на нет».

Перед первой мировой войной союз, заключив специальный договор с департаментом земледелия страны, фактически монополизировал заготовку масла в Западной Сибири. Кроме того, он экспортировал зерно, яйца, бекон, имел свои магазины, склады, типографию.

Революция и гражданская война нанесли переработке молока огромный урон. В 1922 году в Курганском уезде осталось всего 6 маслозаводов, но уже в 1928-м, с началом НЭПа, их становится 212. Развитию экономики способствовало начатое в 1923 году районирование. Постановлением ЦИК СССР была образована Уральская область (в которую вошли Екатеринбургская, Пермская, Тюменская, Челябинская губернии), поделенная на 15 округов. А в январе 1925 года был организован курганский окружной Маслосоюз, объединивший 92 артели. В этом же году из США поступил запрос: можно ли прислать для пробы вагон курганского масла в Нью-Йорк? И вот 180 бочонков лучшего продукта с «Белым лебедем», фирменным знаком курганского союза, на крышках отправились за океан. В июле же зауральцы получили сообщение из Москвы: «Несмотря на то, что ваш продукт в пути находился около двух месяцев, когда он был предъявлен американской экспертизе, качество оказалось очень хорошим».

Первое укрупнение заводов курганского союза произо-

шло в 1926-м: вместо 217 предприятий осталось 160. Затем концентрация производства продолжалась. В 1960 году в Зауралье насчитывалось 69 таких заводов, в 1980-м их число сократилось уже до 14. Это был закономерный процесс: на крупных заводах повышались качество, культура производства, выработка на одного рабочего. Но... Увлечение концентрацией не оставило жизненного пространства маслодельским артелям, и они тихо умерли. Сегодня доходит до абсурда: если горожане получают молочные продукты хотя бы изредка по талонам, то жители курганского села вообще не видят их на своих столах.

Правда, «Курганмолагропром» пытался возродить артели как дополнительный источник сдачи молока. В селе Лапушки Мокроусовского района крестьянин Николай Букков приобрел охладитель молока, организует приемный пункт и артель, которая должна молоко с подворий отправлять на ближайший молокозавод, получая взамен деньги или, по желанию, масло, сыр.

Однако, думается, такие артели могли бы не только собирать молоко, но и перерабатывать его в готовый высококачественный продукт, торговать им. И увя, как это ни странно звучит, сегодня возродить былую славу марки «Белый лебедь» мешают слабая, по сравнению с началом века, техническая оснащенность. Небольших маслобоек для артелей попросту нет. Правда, производственное объединение «Кургансельмаш» как будто наладило выпуск таких машин. Но, как утверждает главный инженер объединения Петр Гринюк, пока оно изготовит их лишь десяток. Несмотря на биллие заявок, сегодня нет для этого ни денег, ни фондов...

...Права пословица: новое — это хорошо забытое старое. Возрождение маслодельных артелей, разворот к ним машиностроителей наверняка может помочь оживить деревню, создать экономику, альтернативную монополисту. А пока не летает «Белый лебедь» — птица с подрезанными крыльями...

г. Курган

Остров Крит говорит по-литовски

Вячеслав ПРЫТКОВ

Остров Крит, как считают ученые, был колыбелью европейской цивилизации. Его жители — минойцы — стали творцами древнейшей европейской письменности. Именно здесь в 1908 году итальянский археолог Луиджи Пернье при раскопках царского дворца на акрополе древнего города Феста обнаружил глиняный диск диаметром 15,8—16,5 см, покрытый нарисованными знаками. Этот древнейший текст историки датировали 1600 годом до нашей эры. С тех пор специалисты пытались каждый по-своему расшифровать текст фестского диска, получая различные результаты.

Недавно к их гипотезам прибавилась еще одна. Ее выдвинул исследователь-лингвист из Каунаса В. Римша. Он — автор целого ряда научных статей по дешифровке древних надписей, выступал с докладами на конференциях и симпозиумах в Польше, Москве, Гродно.

В. Римша применил так называемый акрофонический метод дешифровки надписей фестского диска: каждому знаку (а их на диске немало) он подобрал название на литовском языке и, взяв первые слоги этих слов, попытался прочитать надписи. И это ему удалось. Надпись фестского диска рассказала о союзе Кносского короля (Кнос — глав-

ный город Крита) Са(н)кривика, созданном на основе кумовства, перечислила имена входящих в него правителей.

Таким образом, подтверждались более ранние расшифровки древних фракийских надписей, проведенные языковедами в 1904, 1922—1925 годах, и предположения о близких связях балто-фракийских языков. В. Римша продолжил исследование и полностью прочитал надписи фестского диска.

Лингвисту из Каунаса удалось также прочитать надписи и на других средиземноморских находках — секире острова Крит (первая половина XVI в. до н. э.), глиняной табличке из Энкоми (Кипр, посл. четверть XIII в. до н. э.); кипро-минойской глиняной табличке из Угарита, стеле острова Лемнос (VII в. до н. э.).

Например, надпись на секире поведала о печальном подарке короля из Карнапушиса. При дешифровке глиняной таблички из Энкоми В. Римша, используя кипро-минойское слоговое письмо в литовской интерпретации, выявил список имен государственных должностных лиц, составляющих «коллегию пяти», своего рода институт государственной власти на Крите. Почти как художественное произведение выглядит дешифрованная Римшей табличка из Угарита. Вот ее перевод на русский язык:

«Два тихо следуют:

Ла(у)папува, Эйгили(с)

Те два, ой, глупцы,

Подошли мне, Ванде,

И они посеяли посев,

Ах, сев!»

По гипотезе В. Римши, еще в глубокой древности существовал балто-фракийский языковой ареал, простиравшийся от берегов Балтийского моря, по средней Европе, Балканам, Малой Азии до Средиземноморья.

г. Каунас

«Никольские» из Ачита

Александр ТРОФИМОВ

Детский дом в райцентре Ачит Свердловской области существовал с 1944-го по 1959 год. В последнем списке его воспитанников значится 150 фамилий, а первыми питомцами были ленинградские дети, доставленные на Большую землю по льду Ладожского озера.

Создавался детдом общими силами. Окрестные колхозы помогли отремонтировать здание, первое время снабжали ребят картофелем, овощами, маслом и медом. Артель «Заря» дала трех дойных коров вместе с кормом. А уж обустроивали свой дом ребята сами. Штукатурили стены, шлили занавески на окна. Потом стали вести свое хозяйство. Один из директоров детдома Д. М. Никольский вспоминает, что бригада воспитанницы Иды Раздьяконовой вырастила такой урожай картофеля, что привела в изумление государственного инспектора. Некоторые детдомовцы получили награды ВДНХ.

Ребята заложили собственный сад; содержали коров и лошадей, выкармливали свиней и кроликов. Мебель для себя тоже изготавливали сами под началом мастера А. М. Иванова. Девчата шлили наряды. Детдомовцев в Ачиге называли «никольскими» и отличали по опрятности.

Жил детдом самоуправлением. Детский совет ведал вопросами труда, быта, учебы. Его питомцы разбросаны сейчас по всей стране, но по сей день верны детдомовскому братству.

пос. Ачит

«Уральская историческая энциклопедия»

60 лет спустя

В начале 30-х годов в Свердловске была предпринята попытка издания «Уральской советской энциклопедии» в семи томах. Был разработан и опубликован словарь-проспект, включавший 10 000 понятий, терминов и персоналий по проблемам географии, геологии, природы, демографии, экономики, политики, археологии, истории, культуры Урала. В редакционный совет энциклопедии вошли крупные ученые академики Н. Я. Марр, М. А. Павлов, А. Е. Ферсман, профессора Р. Л. Самойлович, П. И. Преображенский, С. С. Штейнберг и др. В 1933 году вышел первый том «Уральской советской энциклопедии», тепло встреченный культурной общественностью Урала. Был сдан в набор и второй том, но он, увы, не увидел света. Наступало мрачное время тоталитаризма, когда для правящего режима потребность в научных знаниях, выходящих за рамки официальной идеологии, попросту исчезла.

В Свердловском областном центре документации общественных организаций (так теперь называется бывший партархив) и в областном архиве хранятся два лаконичных документа с одинаковым текстом: решение бюро Свердловского обкома КПСС от 2 февраля 1936 года и такое же решение президиума облисполкома за 3 февраля. В документах сказано: «Ликвидировать издательство Уральской советской энциклопедии и прекратить издание «Уральской советской энциклопедии», начиная со второго тома. Утвердить ликвидационную комиссию под председательством Н. А. Винницкого». Виницкий возглавлял управление по делам искусств облисполкома.

Ломать — не строить. Уже к апрелю 1936 года из издательства был уволен последний работник — бухгалтер, и оно перестало существовать. Судьба многих редакторов и авторов «Уральской советской энциклопедии» в период сталинских репрессий была трагична...

И вот 60 лет спустя ученые Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук выступили с идеей подготовки и издания «Уральской исторической энциклопедии». Начинание нашло поддержку у историков края. На общественных началах уже разработан первый вариант словаря — полного перечня названия статей, своеобразного проспекта издания. Пока он включает 8000 исторических терминов и персоналий. Однако сразу стало ясно, что без поддержки государственных структур, общественности и ведущих издательств региона претворить в жизнь столь крупный проект только силами академического института едва ли возможно. Стоит ли напоминать, в каком трудном финансовом положении находится сегодня, в условиях жестокого экономического кризиса, академическая наука?

Тем не менее, в начале нынешнего года инициативу Института истории и археологии официально одобрил Президиум Уральского отделения РАН, поддержали многие народные депутаты, Ассоциация уральских издателей, Общество уральских краеведов, ученые университетов и ряда вузов региона.

«Уральская историческая энциклопедия» задумана как систематизированный свод научных знаний по истории Урала, где будет обобщен богатейший опыт многих поколений россиян в хозяйственном освоении региона, в развитии техники и технологии промышленного и аграрного производства, культуры, науки, образования. Это будет уникальное издание, не имеющее у нас аналогов в региональном аспекте (подобные издания выходили только на Украине и в Белоруссии). Энциклопедия сделает исторический опыт достоянием как специалистов-историков, так и широких кругов интеллигенции, студентов, школьников, всех наших земляков, кому не безразлично прошлое, настоящее и будущее родного края.

НАРОДНОЕ
ПОГОВОРОДЕНИЕ

Много инея...

Большой иней, бугры снега, глубоко промерзшая земля — к плодородию.

Деревья покрылись инеем — к теплу.

Если днем был иней — ночью снег не выпадет.

Много инея висит на деревьях — будет много меду.

Много инея зимой — много росы летом.

Морозный иней на траве — к дождю.

На Григория Никийского (23 января) иней на стогах — к мокрому году.

Ночной иней — ясный день.

Осенний иней — к сухой, солнечной погоде (к ведру).

Пушистый иней на деревьях в январе — к урожаю.

Ранняя роса летом, а осенью иней — к ясной погоде.

Сушеные боровики в клетки трещат — иней в поле.

Первый снежок —

не лежок

Гусь пошел, скоро быть снегу.

Дневной снег не лежит, первый надежный снег выпадает в ночи.

Если выпадет снег осенью, когда еще деревья не сбросили листву, он скоро растает.

Если первый осенний снег нападает так, что свесится с крыши, то он стаёт.

Если выпадет первый снег 8 октября, то зима установится 21 ноября.

Лебеди до срока улетели — вскоре засвистят метели.

От первого снега до санного пути телега в ходу еще неделя до пяти.

Первый сухой снег обещает хорошее лето.

Первый снег упал на мокрую землю — останется, а на сухую — скоро опять сойдет.

Первый осенний снег с бураном — зима еще не установится.

Первый снег за сорок дней до зимы выпадает.

Пока лист с вишневых деревьев не опал, сколько бы снегу ни выпало, оттепель его сгонит, зима не наступит.

Ранный и глубокий снег — к урожаю.

Санний путь устанавливается в четыре седмины.

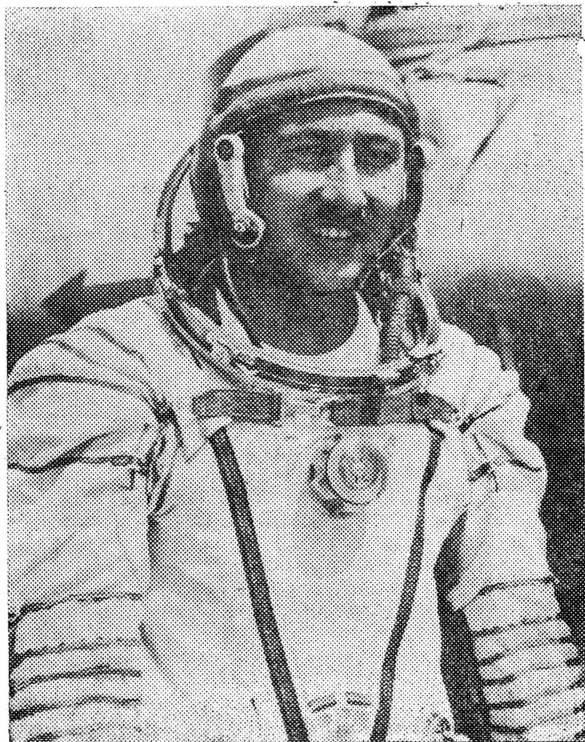
Снег, выпавший на зеленую листву, стаивает в ближайшие два-три дня.

Снег падет на талую землю — людям трудно жить будет, а на мерзлую — легче.

Снова появились грибы — не жди скорого снега.

Владислав
ДЕБЕРДЕЕВ

Космическое «кочевье» Талгата

Байконур... Это название первого космического порта Земли, который связал нас и с родной «млечной» Галактикой, и с безбрежной Вселенной. Его знает сегодня каждый на нашей планете. Но что означает само слово «Байконур», как оно переводится с казахского? Космонавт Талгат Мусабаев объяснил мне его смысл.

— Оно означает место, где жил, кочевал, владел этой землей бай, то есть крепкий, богатый хозяин, скотовод, землевладелец, Хонур или Ханур. Уже потом, со временем, его имя начали произносить по-нынешнему: Конур. Так на географических картах появилось название Байконур, ставшее широко известным лишь после полета Гагарина. Это было, так сказать, второе рождение древней земли бая Хонура, превратившейся сначала в «Тайгу», закрытый стройобъект, а затем — в современный космодром. В Казахстане вообще немало местностей, степных и горных участков, которые названы по именам их бывших владельцев. То же Медео хотя бы...

Знание казахской топонимики Талгат Амангельдиевич Мусабаев, можно сказать, впитал с молоком матери. Ведь он родной, единокровный сын этой земли, по степным просторам которой много веков кочевали его предки.

И в то же время он, Талгат, сын «крылатой отрасли» — Аэрофлота, который вырастил его как технического специалиста. А еще около десяти лет назад познакомил нас, крепко подружил. Это и дает мне право рассказать сегодня о непростой судьбе Космонавта-146 Т. А. Мусабаева, девизом которого, жизненным кредо стало крылатое латинское выражение, наполненное (вслушайтесь-ка) раскатами ракетного грома и передаваемое в русской транскрипции так: «Пэр аспэра ад астра!» — «Через тернии к звездам!»

Родился Талгат Мусабаев 7 января 1951 года в поселке Қаргалы Алма-Атинской области. Позднее, в раннем детстве, несколько лет жил в городе Можге, под Ижевском. Поэтому Урал считает своей второй родиной. Ну а потом, разумеется, была школа, во время учебы в которой Талгат начал усиленно заниматься спортом: сперва — плавание, затем, с шестого класса — спортивная гимнастика, при выпуске из десятилетки он уже делал на кольцах «крест» — трудное, силовое упражнение, стал кандидатом в мастера спорта.

Закончив в 1974 году Рижский институт инженеров гражданской авиации по специальности «электронное оборудование», Т. Мусабаев около двух лет работал инженером смены на авиационно-технической базе Бурундайского авиапредприятия, находившегося под Алма-Атой. Такие подразделения в обиходе пилотов именовались сельскохозяйственными, или иначе — малой авиацией.

Потом пришла пора «политической карьеры» Талгата: заместитель секретаря комсомольской организации авиатехбазы; освобожденный секретарь комитета ВЛКСМ объединенного авиаотряда; инструктор политотдела Казахского управления гражданской авиации по работе среди молодежи. И вот, наконец, «большая авиация» — свыше шести лет Т. Мусабаев был замполитом летного отряда, эксплуатировавшего самолеты Ту-134, Ил-62 и аэробус Ил-86.

Однако Талгата неудержимо влекло, манило высокое, звездное небо. Видно, не зря родители-казахи нарекли его «крылатым» именем — в честь выдающегося летчика-земляка, дважды Героя Советского Союза Талгата Бегельдинова. И Мусабаев, решив как бы оправдать его, подтвердить свое право на духовное, «небесное» родство со знаменитым тезкой, еще в 1977 году начал заниматься в Алма-Атинском авиаклубе ДОСААФ.

Зимой прошел теоретическую подготовку, сдал экзамены, выполнил к лету положенное количество зачетных прыжков с парашютом. И в июне следующего года совершил свой первый самостоятельный полет на машине Як-18А, стал летчиком-спортсменом.

Вот тут-то и почувствовал он первые уколы тех самых

терниев, что застыт дорогу к звездам, язвящей стеной встают на пути в неизведанное. Кое-кто в Казахском авиауправлении смотрел на занятия Талгата Мусабаева в аэроклубе косо, недоброжелательно: «Это что еще за новая мода — летающий замполит? У нас, слава Аллаху, не ВВС, где такое поощряется, а эксплуатационная, производственная отрасль. Ей подобные небесные фокусы не нужны. Пусть замполит Мусабаев сидит себе в кабинете да справки строчит. И хватит с него!»

Чаще всего это говорили за глаза, создавая «общественное мнение». Но нередко Талгата вызывали в кабинеты различного ранга и бесцеремонно, в лоб, с пристрастием допрашивали:

— Как это ты ухитряешься сочетать замполитство со спортом? Значит, сбегаешь из отряда, бросив на произвол судьбы всю политмассовую, воспитательную работу?

— Нет, использую для этого только свои выходные. А еще дни в счет годового отпуска. Ну и, конечно, отгулы за ночные дежурства по отряду...

Несмотря на бесценные придирки и даже прямые угрозы, Талгат Мусабаев упрямо, одержимо шел к цели. Особенно полюбилась ему техника сложного пилотирования. Когда нужно слиться, сраться с крылатой машиной, чтобы четко, безупречно выполнить от 18 до 22 фигур спортивного комплекса по высшему пилотажу. И все это при сплошных перегрузках в 7-9 «же»...

Через два года Талгат выполнил норматив мастера спорта по высшему пилотажу. Теперь ему до звезд было уже, казалось, рукой подать. Вот почему Талгат в 1981 году написал заявление в Центр подготовки космонавтов (ЦПК) с просьбой принять его в «звездный» отряд, считая себя и морально, и физически, и технически готовым к этому. Однако никакого ответа на письмо казахского парня, увя, не последовало...

На 29-м чемпионате страны по высшему пилотажу в 1983 году сборная Казахской ССР, нештатным замполитом которой на время состязаний стал участник команды летчик-спортсмен Т. Мусабаев, в трудной борьбе одержала блестящую победу. Свой успех казахстанские спортсмены-пилотажники повторили и на следующий год, опять став чемпионами СССР. Имена семи участников республиканской сборной-победительницы, в том числе и аэрофлотовца Мусабаева, были выгравированы на почетном серебряном кубке.

Т. Мусабаев стал первым казахом, который завоевал звание абсолютного чемпиона СССР по высшему пилотажу. Республиканская пресса немедленно окрестила его «крылатым батыром».

Однако неугомонной, ищущей натуре Талгата только спортивных достижений было мало. Он добился направления в Центр подготовки летного состава СЭВ (город Ульяновск). Там прошел полный, трехмесячный курс теоретического обучения на должность второго пилота реактивного лайнера Ту-134. Талгату Амангельдиевичу оставалось лишь налетать на правом сиденье — традиционном месте «второго» — десять практических часов, чтобы получить свидетельство профессионального пилота III класса. Это был еще один шаг, приближающий вечного искателя, вечного «кочевника» Т. Мусабаева к большому, высокому небу. Это был, говоря авиационным языком, предварительный старт к звездам.

И как раз тогда грянули новые, перестроечные времена. Свежим весенним, апрельским ветром повеяло и в «элитных» космических кругах, куда раньше был «вход посторонним категорически запрещен». Забрехала возможность попасть в ЦПК, в Звездный городок, и для Талгата Мусабаева. В этом высоком стремлении активно поддержал земляка Нурсултан Назарбаев, в то время еще председатель Совета Министров Казахской ССР. «Крылатый батыр» уже заполнял анкеты ЦПК, уже шли с Талгатом собеседования, как вдруг...

На него обрушился шквал, вихрь земных «перегрузок». Это были уже не отдельные шипы-колючки, а целый терновый куст. В чем только ни обвиняли Т. Мусабаева: в том, что он вовсе не был чемпионом страны по высшему пилотажу; инкриминировали злоупотребление служебным положением при приеме авиаторов в партию... и прочая, и прочая, и прочая. Послания с такими «сигналами», написанные в лучших традициях доносительного режима, полетели в различные инстанции — в Министерство гражданской авиации и Центральный комитет КП Казахстана, в республиканскую и союзную прокуратуру, в ЦК КПСС, центральную и местную прессу. И в каждом из доносов содержался типовой вывод: на основании изложенных фактов Т. А. Мусабаев не достоин зачисления в Центр подготовки космонавтов, его к ЦПК и близко нельзя подпускать.

...Мне как-то на страницах «Уральского следопыта» уже приходилось задаваться мучительным вопросом: как, почему в святая святых нашей науки и техники — в Звездном городке, в ЦПК или в их окружении могут уживаться, казалось бы, «две веди несовместные» — величие Космоса и низменные чувства зависти, злопыхательства? И вот теперь, после того как стали известны многие бесчестные поступки, грязные «подпольные» дела как у нас в стране, так и за рубежом руководства КБСС (Командно-Бюрократической Системы Социализма), мне вроде бы удалось найти ответ.

Это все наследие «проклятого прошлого», застойных времен, когда все назначения кадровой номенклатуры проводились по указанию «сверху», когда людей оценивали не столько по их деловым качествам, сколько по сугубо политическим, по мотивам личной преданности. Вчерашние аппаратчики старались продвинуть на престижное, теплое местечко «своих» претендентов — родственников или друзей, близких знакомых или просто «нужных» людей. И в этой борьбе за место «под солнцем», или под звездами — применительно к Звездному городку, — элита различного масштаба шла на самые подлые методы расправы с конкурентами.

Об уровне номенклатурной поддержки «нужных» людей, ставленников свидетельствует, в частности, сравнительно недавний пример. Когда летом прошлого года один из таких протеже — кандидат в космонавты-исследователи «погорел» на термокамере, потеряв при тренировке в ней сознание, и в силу этого подлежал отчислению из ЦПК, руководство последнего буквально через два дня получило от высокого «спонсора» — министра обороны Язова — официальную бумагу. Ею предписывалось «в виде исключения» оставить претендента в Звездном городке. На этом предписании красовалась также благословляющая виза Президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

В эту страшную «номенклатурную мясорубку» попал и Талгат Мусабаев — только потому, что «перебегал дорогу» чьим-то протеже. Начались многочисленные проверки и неоднократные перепроверки написанных против него жалоб и заявлений. Клеветнические обвинения лопались одно за другим, как мыльные пузыри. Наконец на основании длительного, скрупулезного расследования в официальных справках, составленных по его результатам, был сделан однозначный вывод: факты не подтвердились!

Тем не менее, после всех этих передыжек Талгат Амангельдиевич ушел из «большой авиации». Он поехал в Москву, в Управление летной службы МГА и попросил:

— Направьте меня на летную работу! Как вам известно, я имею опыт полетов на спортивных машинах, закончил теоретическую подготовку по освоению Ту-134 в качестве второго пилота.

— Мы можем предложить вам такую должность. Но

только не в реактивной авиации, а в... малой, в авиации спецприменения. Короче говоря, вторым пилотом на самолете Ан-2.

— Согласен!..

Талгат Мусабаяев выучился на второго пилота Ан-2, а ведь ему уже шел 37-й год! Он вновь стал работать в Бурундайском авиаотряде, начав в летной службе с «нуля», наравне с двадцатилетними юношами, только что пришедшими сюда из-за парты летных училищ. Каково ему там было?

Известно, что «андвашники» не очень-то жалуют осенне-зимнюю навигацию: погоды паршивые, а посему лучше уйти в очередной отпуск за год, использовать накопившиеся за лето отгулы. Мусабаяев же именно в этот период, наращивая свой общий налет, не гнушаяся «дырами» (по выражению авиаторов), то есть самыми захудалыми аэродромами местных воздушных линий. И вот результат: всего за полтора года Талгат налетал 1000 часов, которые давали ему право претендовать на должность командира воздушного судна.

Всякое бывало у него уже и потом, когда он получил эту «высокую» должность. Была и вынужденная посадка на поле пригородного совхоза, и кое-что еще из серии летных неприятностей. А главное, был повседневный, напряженный, изнурительный труд: «Через тернии к звездам!»

Наградой за эту самоотверженность и верность избранному пути стал, разумеется, после переучивания в Ульяновске, перевод на новую, реактивную технику — вторым пилотом Ту-134.

А тем временем окончательно решилась звездно-космическая судьба Т. Мусабаяева. В мае 1990 года он был зачислен в отряд, программа которого связана с проектом «Энергия», кандидатом в космонавты. Первый казах в ЦПК! Началась для него новая жизнь: теоретическая подготовка, зачеты и бесконечные тренировки...

Не будем специально останавливаться на этой так называемой общекосмической подготовке, которую проходили в Звездном городке потенциальные космонавты-исследователи, — о ней уже много раз достаточно подробно рассказывалось на страницах различных изданий. Отметим только, что теоретические занятия и тренировки Талгат Мусабаяев проходил в составе экипажа, где командиром был В. Циблиев, а бортинженером — А. Лавейкин.

Кроме того, 6 марта прошлого года Талгат Амангельдиевич, которому в этот день присвоили звание майора ВВС, был переведен из «энергистов» в знаменитый «Гагаринский отряд», то есть в стартовый отряд космонавтов имени Ю. А. Гагарина. И тут уж началась непосредственная подготовка к предстоящему орбитальному полету.

...Прервем описание жизненного «кочевья» Талгата. Чтобы лучше понять крутые повороты его дальнейшей судьбы, поразмышляем о том, как бурные события, происходящие в нашей стране за последние полтора-два года, отразились на судьбе «небесного воинства»: и новоявленного майора Т. А. Мусабаяева, и отечественной космонавтики в целом. Ведь сегодня ни для кого не секрет, что Главкосмос всегда был кровным дитящем военно-промышленного комплекса, был и есть плоть от плоти его, ВПК. Вот маленькая, но характерная деталь: «пропуском» в отряд им. Гагарина служат... погонны, весь его личный состав — офицеры.

Когда в международной обстановке произошел крутой поворот от яростного противостояния в годы «холодной войны» к действительно мирным, полудружеским отношениям между СССР и США, когда наша пропаганда, средства массовой информации перестали пугать нас звериным «образом врага» и жупелом «звездных войн» с потенциальным противником, когда, наконец, собственная наша экономика затрещала по всем швам, акции ВПК быстро

покатились вниз. И, как следствие этого, под ударом оказалась вся стратегическая, милитаристская концепция советской космонавтики.

Наше общество решительно не желало больше финансировать ее в прежних объемах. В этом проявилось и пресловутое «новое мышление», и требования Его Величества Рынка, входившего молодым хозяином на территорию одной шестой части Земли. Ему, прирожденному коммерсанту, не нужен был такой залежалый военно-космический «товар», не суливший никаких дивидендов.

Все это не замедлило привести к существенному снижению расходов на космос. Так, если в 1989 году на него было выделено из государственного бюджета 6,9 миллиарда рублей, то в следующем расходы сократились на десять процентов, то есть почти на 700 миллионов, а в прошлом году — еще больше. А это, в свою очередь, заставило Главкосмос сократить количество ракетных запусков.

Да тут же к экономическим трудностям космического ведомства добавились внутриведомственные осложнения. Начиная с весны прошлого года, вслед за прибалтами в погону за «суверенизацией» рванулись практически все союзные республики, дружно разбредаясь по своим национальным квартирам. Вместе со всеми на сей «парад суверенитетов» уверенно замаршировал и Казахстан. А это означало, что космический полигон Байконур оказался под казахстанской юрисдикцией. И значит, у этого символического КПП во Вселенную появился вполне реальный «суверенный» КПП с охранно-селекционным режимом.

Главкосмос тогда начал лихорадочно искать выход из складывавшейся ситуации. И в качестве «бартера» предложил компромиссный вариант: за право по-прежнему, в полной мере, пользоваться Байконуром осуществить запуск на орбиту космонавта казахской национальности — Талгата Мусабаяева или Тохтара Аубакирова, спешно введенного с этой целью в первой половине прошлого года в ЦПК.

Но тут в расчеты звездного ведомства властно, диктаторски вмешалась коммерция. Дело в том, что по намеченному ранее графику на вторую половину 1991 года был запланирован старт советско-австрийского космического экипажа. Отменить или перенести этот полет с экспедицией посещения никак нельзя, ибо за него уже получены денежки, та самая вождеденная валюта. Запустить же второй «Союз ТМ» с казахским космонавтом — будет слишком накладно, не выдержит изрядно «похудевший» карман нашей космонавтики. И тогда — вполне в духе набирающего силы рынка — решено было «сэкономить» одну ракету, совместив запуск австрийского исследователя с присутствием на борту казахца.

Разыгрывая австрийско-казахскую карту, руководители ЦПК срочно перетасовали космические экипажи. Талгат Мусабаяев в качестве будущего бортинженера оказался в составе экспедиции посещения, которую возглавлял командир корабля Александр Викторенко, а космонавтом-исследователем был австриец Клеменс Лоталлер, врач-анестезиолог. Второй «совмещенный» экипаж состоял из Александра Волкова, Тохтара Аубакирова (Героя Советского Союза, в прошлом летчика-испытателя, которого пресса тоже называла «крылатым батыром») и Франца Фибека — австрийского гражданина, инженера.

Подготовка к запуску превратилась в суперскоростную гонку, прежде всего для потенциальных бортинженеров. Однако, чтобы пробежать стайерскую, а вернее даже — марафонскую дистанцию в спринтерском темпе, надо было произвести что-то сверхъестественное, чудо, все равно что перескочить пропасть в два прыжка.

Чуда, однако, не произошло. Дефицит времени не позволил подготовить из Мусабаяева и особенно из свежеиспеченного кандидата в космонавты Аубакирова полноценных бортинженеров. И тогда вновь была изменена программа предстоящего полета, а с ней и статус казах-

ских участников экспедиции посещения. Они стали космонавтами-исследователями № 1, австрийцы же — «вторыми номерами» исследовательской части.

Стати сказать, из-за этих перестановок пострадал бортинженер станции «Мир» Сергей Крикалев, которому пришлось остаться на орбите на многомесячную «вторую смену», поскольку в составе прилетевшего экипажа не было подготовленного специалиста его космического профиля.

Однако изменение статуса Аубакирова и Мусабаева — это было еще полбеды. Куда хуже для Талгата оказался очередной — в который раз уже! — зигзаг его тернистого пути. В основной советско-австрийский экипаж вошли космонавты во главе с Волковым, а команда Викторенко стала дублером, резервным составом. Почему же так сурово обошлась судьба с Талгатом Амангельдиевичем?

Здесь, вероятнее всего, опять роковую роль сыграли не столько деловые качества претендентов-казахов, сколько все те же военно-политические амбиции. Как никак за плечами Тохтара Аубакирова было высокое звание Героя Советского Союза — за самую первую посадку истребителя МиГ-29 на палубу авианосца «Гибисис», носившего ранее «застойное» имя — «Леонид Брежнев». А у Талгата Мусабаева за душой не было ничего, кроме... более чем годичной космической подготовки.

Состояние дублера после оглашения «приговора» Государственной комиссии в беседе с журналистами газеты «Байконур» кто-то из космонавтов, кажется, Александр Степанович Викторенко, определил одним — емким и выразительным — словом: опустошение...

Горькую пилюлю несколько подсластило событие, ставшее, несмотря ни на что, знаменательным для всей жизни Талгата. «Решением Межведомственной квалификационной комиссии от 13 сентября 1991 года тов. Мусабаеву Т. А. присвоена квалификация космонавта-испытателя». Так записано в алой, размером в половину стандартного листа книжнице — удостоверении космонавта № 146, врученном в тот день Талгату Амангельдиевичу начальником ЦПК, председателем Межведомственной комиссии В. А. Шаталовым.

Этот сертификат, удостоверяющий статус Мусабаева именно как космонавта-испытателя, а не космонавта-исследователя, вселял не просто надежду — уверенность в том, что в дальнейшем Талгат вправе рассчитывать на активную роль в звездном экипаже, быть членом команды, управляющим орбитальным полетом.

...Через пять дней, 19 сентября, после традиционного ритуала — прощального визита на Красную площадь, пресс-конференции в Москве и торжественного построения в Звездном городке — оба советско-австрийских экипажа вылетели на Байконур. Там пошла уже рабочая, предстартовая подготовка, заполнившая до отказа все время космонавтов.

На пресс-конференции, проходившей перед самым запуском, «великолепную шестерку» космонавтов отделила от журналистов прозрачная перегородка, которая надежно обеспечивала экипажам биологическую изоляцию. Но она, эта стеклянная стена, не помешала рыцарям пера узреть на скафандрах Аубакирова и Мусабаева две государственные эмблемы — союзную и казахстанскую. И тут же последовал дотошный вопрос:

— Так вы больше представляете Советский Союз или Казахстан?

— Мы представляем Казахстан в Советском Союзе, — ответили «космические батыры».

Так их теперь называла и вся местная пресса. Причем, с полным основанием. Ведь в программу предстоящего полета был включен эксперимент «Батыр» — разработанный Казахской Академией наук с целью нейтрализо-

вать нарушения дыхания, возникающие под воздействием невесомости...

2 октября 1991 года в космос поднялся корабль «Союз ТМ-13» с командой Волкова на борту. И сразу же был «разгерметизирован» для гостей резервный экипаж. Талгат держался бодро, уверенно, на наблюдательном пункте вместе со своими коллегами-дублерами направо и налево раздавал окружающим автографы, был спокоен, подтянут.

И вновь вездесущие представители прессы, прежде всего из казахстанских средств массовой информации, в течение двух-трех дней после запуска беспрепятственно атаковали и членов Государственной комиссии, и руководителей полета, и ведущих специалистов из Центра подготовки космонавтов, «доставали» их актуальными вопросами. А самый волнительный был такой:

— Имеются ли шансы у Мусабаева повторить космический взлет Аубакирова?

— Ну конечно же! — подвел общий итог ответов Петр Ильич Климух, ставший начальником ЦПК в канун вылета международных экипажей на космодром. — Талгат служит в Гагаринском отряде космонавтов, он отлично прошел все стадии подготовки, отработал все тренажеры, знает все предстоящие эксперименты. Он практически готовый космонавт почти для любого полета.

(Забегая вперед, стоит сказать, что «в дубле» Мусабаев долго не засиделся. Уже через несколько дней он выступил и в основном составе. Правда, не на стартовой площадке Байконура, а на футбольном поле в товарищеском матче команды космонавтов с ветеранами киевского «Динамо» — ведь спортсмен он, Талгат, разносторонний).

Космический запуск 2 октября стал, можно сказать, октябрьским переворотом в биографии Байконура, стал не только звездным, но и социально-политическим его стартом на новую орбиту. От прежней, которая была в первую очередь военной, секретной, она, новая базовая георбита, отличается широкой открытостью — как международной, так и — наконец-то — отечественной. В дни запуска и работы экспедиции посещения здесь, на космическом полигоне, очень часто звучало слово «впервые».

Да, второго октября в звездное небо впервые поднялся космонавт-казах Аубакиров. При этом впервые присутствовали лидеры 11 суверенных тогда еще республик, приглашенные Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым по традиционному обычаю его народа разделить с друзьями радость такого большого праздника. Впервые наблюдали запуск советского космического корабля высокие гости «из-за бугра»: канцлер Австрийской Республики Франц Враницкий, вице-канцлер Э. Бусек, депутаты Национального совета Австрии и другие официальные лица этой страны. Впервые участвовал в проводах космического экипажа священник — отец Питирим, который благословил участников экспедиции посещения на полет, сказав, что мысленно, душою пребудет с ними в течение всего их пребывания на небесах, в чертогах Бога единого.

Итак, памятный октябрьский запуск в космос знаменовал собой закат, конец узковедомственной, воензированной эпохи Байконура, поставив на ней последнюю, необратимую точку. И открыл одновременно новую — земную, утилитарную, народнохозяйственную страницу в книге судеб бывшей земли бая Хонура, для которой 2-е октября стало днем ее третьего рождения, или, пожалуй, лучше сказать — национального ее возрождения в качественно новой, звездной ипостаси. Эти события были омегой и альфой (именно в такой обратной последовательности) космодрома, который, снимая погону, стал роднее, ближе древней казахской степи, вступив с нею через «космических батыров» в кровное родство.

...Ну, а что же наш дублер Мусабаев? Где он, как повлияли на его жизнь байконурские метаморфозы? Могу

сказать однозначно: Талгат Амангельдиевич тоже вышел на качественно новый виток своего долгого космического «кочевья». Как космонавт-испытатель он продолжает заниматься в ЦПК, но сегодня проходит подготовку уже в качестве будущего командира корабля «Буран». Хотя препятствий различного рода у него хватает до-прежнему.

Они, в первую очередь, связаны с попытками «демилитаризовать» основные программы звездного ведомства К сожаленно, конверсия в Главкосмосе, как и по всей нашей стране, идет через пень-колоду, а то и еще хуже. Наглядный пример — система многоразового использования «Энергия»-«Буран», дебют которой в беспилотном варианте состоялся еще 15 ноября 1988 года.

Сегодня нет тайны в том, что наш «Буран» создавался исключительно как противояс американским «шаттлам» («челнокам»), которые, в частности, используются военными для запуска спутников-шпионов. Вот что по этому поводу говорил начальник Главкосмоса Александр Дунаев: «Система «Энергия»-«Буран» задумывалась прежде всего в оборонных целях, это было признано необходимым, и все остальные вопросы должны были отойти на второй план».

Но теперь-то космическая «оборонка» в прежнем виде, в прежних объемах оказалась нам и не нужна, и не под силу. И естественно, что военные ассигнования особенно сильно были урезаны на «курочку, которая еще в гнезде» (то есть на систему многоразового использования), «золотые яйца» которой (читай, спутники-шпионы) в последнее время стали расцениваться общественностью как нечто совершенно нам чуждое. А что и сама «курочка», и несомые ею «яйца» воистину золотые, убедительно свидетельствуют элементарные экономические расчеты. Судите сами.

Система «Энергия»-«Буран» разрабатывалась и монтировалась 13 лет и обошлась нам, налогоплательщикам, в 14 миллиардов рублей. Стоимость первого, того самого беспилотного запуска, равнялась 350 миллионам, а цена возвращенного на космодром «Бурана» — 140 миллионов. Таким образом, чистые расходы на один запуск советского «челнока» составили 210 млн. рублей.

— Мы надеемся в ближайшие годы вернуть стране по крайней мере шесть миллиардов, а к двухтысячному — все четырнадцать, — делился планами тот же А. Дунаев. — Для этого предусматривается стыковка орбитального корабля «Буран», пилотировать который будет экипаж из двух-четырёх космонавтов и на борту которого еще могут быть шесть пассажиров, со станцией «Мир» второго поколения. Кроме того, намечается использовать его для возвращения на Землю дорогостоящих спутников, которые сегодня остаются на орбите. Мы предполагаем запускать «Буран» в космос от одного до четырех раз в год для выполнения этих и других уникальных заданий.

Так было сказано еще в конце 1988 года. С тех пор прошло уже четыре года, а обещанных полезных витков многоразового корабля мы так и не дождались. Только потому, что обнищавший «Буран» не спешит сменить военный мундир на цивильное платье, то бишь народнохозяйственную, научную, если хотите, рыночную программу. А ведь под нее требуется еще разработать и создать соответствующее оборудование: стыковочные узлы, манипуляторы и многое другое.

Выручить здесь может лишь безоговорочный, решительный переход всей нашей «убыточной», по мнению народа, космонавтики к рынку, к широкой практике коммерческих полетов и рейсов — в интересах и отечественного, и особенно зарубежного предпринимательства — как на однократных кораблях, так и на тандеме «Энергия»-«Буран». Та же мысль прозвучала в октябре прошлого года и в словах известного экономиста Григория Явлинского, сказанных им про космодром Байконур и другие мощные научно-технические комплексы: «Они смогут вы-

жить только в том случае, если эффективно заработает наша рыночная экономика. Тогда их ждет большое будущее».

Да, несомненно, полученные под коммерческие рейсы и полеты кредиты помогут нашей космонавтике все же перепрыгнуть через разверзшуюся перед нами пропасть. Правда, на переходный период к рынку понадобятся не считанные недели, а гораздо больше времени.

Тем не менее, хочется верить, что недалек тот день, когда «буранный» полет откроет для космонавтов нашего «челночного» отряда во главе с его командиром Игорем Волковым — и для Т. Мусабаева тоже! — «зеленую улицу» к узловой станции «Мир».

А еще Талгата Амангельдиевича ожидает впереди научно-техническая программа «Космос — Казахстану», разработанная его земляками-учеными и рассчитанная до 2005 года. Вот почему космонавт-испытатель Т. Мусабаев рьяно и весьма успешно штудирует ее, готовится к практической ее реализации. Ведь ему особенно близки и дороги цели, тематика этой программы: экологический мониторинг территории Казахстана, геофизические исследования родной земли, в том числе геологическое прогнозирование, обработка и картографирование космической информации по региону, эксперименты в области биотехнологии и многое другое. Эти визуальные, фотометрические и прочие методы наблюдения из космоса позволяют вести эффективный контроль за состоянием почвы на больших сельскохозяйственных землях, риском использования, за состоянием растительности, воды и воздуха. Другая не менее важная задача национальной космической программы — исследование атмосферных процессов выноса солей и песка с высохшего дна Аральского моря, что даст возможность получить исключительно ценные сведения о зарождении и развитии пыльных бурь в Приаралье и выработать на основе полученных данных действенные меры борьбы с этим опасным антропогенно-природным явлением.

...Не будем делать никаких прогнозов — ни краткосрочных, ни долгосрочных. И все-таки нынешний год, объявленный ООН Годом Космоса, вселяет надежду на лучшее будущее для «звездных сынов» человечества. И значит, думается мне, этот Год выведет космонавта-испытателя Талгата Мусабаева на взлетный режим, даст ему «добро» не на предварительный, «резервный» старт, а на исполнительный, рабочий. А там, впереди, у Талгата должны быть еще и неоднократные выходы на опорную георбиту — на корабле многоразового использования «Буран», и длительное космическое «кочевье» — на борту комплекса «Мир».

Так, уверен, будет. Потому что «космический батыр» Талгат Амангельдиевич Мусабаев по-прежнему верен своему славному (особенно актуальному сегодня и для всей нашей космонавтики) девизу: «Через тернии к звездам!»

КОГДА ОПЯТЬ ТЯХНЕТ УРАЛ?

Еще несколько лет назад мало кто знал о том, что Уральские горы не стареют, а молодеют, не разрушаются, а растут. Урал как бы пробуждается от долгой спячки, в его недрах идут бурные процессы. Сейсмоопасность уральского региона возрастает, а наиболее активной зоной является Средний Урал, о чем свидетельствуют два последних довольно значительных землетрясения. Одно из них с эпицентром в г. Качканаре, что в 220 километрах от Екатеринбурга в северо-западном направлении, отмечено 21 февраля 1970 года. Тогда его зафиксировали одиннадцать сейсмических станций страны. Второе — шестибалльное — произошло в 1990 году неподалеку от города Сатка Челябинской области, тоже примерно в 220 километрах от Екатеринбурга, но к юго-востоку.

В последнее время все чаще появляются предупреждения о росте сейсмической опасности, надвигающейся на уральский регион. Так, автор статьи «А если нас встряхнет?» («Вечерний Екатеринбург», 18 апреля 1992 года) Э. Якубовский пишет: «Существует схема сейсмичности Урала, на которой наш город, увы, расположен в самом центре...» Но есть и другие предупреждения, исторические. Нас трясло и до 70-го, и весьма основательно. Это произошло 4 августа 1914 года. Тогда землетрясение охватило громадный район Урала. Оно отмечалось на территории современных Пермской, Свердловской, Челябинской и Курганской областей. Вот как описывается событие в газетах того времени.

«Уральская жизнь», № 174 от 5 августа 1914 года: «В Екатеринбурге 4 августа в 9 часов утра отмечено сейсмографами обсерватории землетрясение, настолько сильное, что чувствительные аппараты, записывающие колебания почвы, вышли за пределы шкалы записей (приборы были рассчитаны на силу колебаний в пределах 6 баллов.— прим. авт.).

Колебания почвы продолжались с 9 утра в течение 45 минут.

Землетрясение это, как предполагают, тектонического, а не вулка-

лического характера, и провал подземных масс произошел, может быть, от Екатеринбурга приблизительно в 300 верстах.

Обсерваторией получены телеграммы о подземных толчках и гуле из Невьянска, Нижнего Тагила, Нижне-Сергинска, Сысертского и Билимбаевского заводов.

Подобные землетрясения бывали уже на Урале в 1891 году и несколько раньше на севере от Перми.

В Екатеринбурге особенно сильное колебание почвы было в районе Водочной и Васенцовской улиц*, где в некоторых домах потрескалась, а в некоторых местах и обвалилась штукатурка и отворялись двери и окна. По Васенцовской улице из некоторых домов перепуганные жители выбегали на улицу.

Колебания почвы, хотя и слабые, были заметны и в других частях города. Так, в почтовой и телеграфных конторах растворялись дверцы шкафов. В государственном банке и горном правлении со столов и конторок попадали чернильницы. В горном правлении в буфетной упал на пол горячий самовар.

Передают, что в некоторых домах со столов падала посуда.

Та же газета от 8 августа, раздел «Хроника»: «Землетрясение 4 августа ощущалось и в В-Исетском заводе, где в здании волостного правления стена дала глубокую трещину».

Другое популярное издание — «Зауральский край», 5 августа 1914 года: «4 августа в Екатеринбурге и его окрестностях наблюдалось сильное колебание почвы.

Около 9 часов утра жители, находящиеся в домах и на улицах, могли слышать сильный подземный гул, похожий на отдельные раскаты грома или на шум, производимый проездом по мостовой какого-либо тяжелого экипажа.

Вместе с тем наблюдалось сильное колебание почвы от коротких и быстрых толчков. В домах звенела посуда и стекла в окнах, осыпался

* Ныне улицы Мамина-Сибиряка и Луначарского.— прим. ред.

песок в печах и т. п. В окнах некоторых домов лопнули стекла.

Землетрясение захватило, по-видимому, довольно широкий район, не менее 360 верст; к 1 часу дня 4 августа екатеринбургской обсерваторией получены были телеграммы о сильных колебаниях почвы в Н-Тагиле, Сергинском заводе и некоторых других пунктах...

Легкие землетрясения на Урале — явление повторяющееся, и наблюдаются несколько раз в столетие...

Причина этих землетрясений обуславливается движением земной коры, главным образом, сдвигом и перемещением горных пород в почве...

Землетрясение 4 августа, по-видимому, наиболее сильное из бывших ранее, т. к. колебание почвы в некоторых местах было очень значительным».

Там же 6 августа — целая сводка:

«Нижний Тагил

4-го августа в 9 часов утра жители были встревожены сильными колебаниями почвы, продолжавшимися полминуты. Колебание было настолько сильно, что в некоторых домах падала даже посуда. Напуганные обыватели высыпали на улицу и толковали явление по-своему: кто говорил, что неприятельские «аэропланы» пролетели (в то время шла первая мировая война.— прим. авт.), кто утверждал, что последнее время настало. Набожные мужики даже цитировали, как, например: «Встанет народ на народ и царство на царство и будет гладь и трусь по всей Земле» и т. д.

Уверить таких людей в сущности явления было бы бесполезно.

Невьянский завод

Сегодня, 4 августа, в 9 часов утра в Невьянском заводе чувствовалось землетрясение, продолжавшееся до 10 секунд. Сила землетрясения очень заметная: падали в некоторых домах лампы, завалились худые трубы на домах, дрожали стекла в окнах, стучали стулья, столы. От гула все население завода Невьянска в испуге высыпало на улицу. Гул был похож на проезд

транспорта по мерзлой земле в осеннее время, направление гула с юго-запада на северо-восток.

Нижне-Туринск

В 9 часов 15 минут утра 4 августа в Нижне-Туринском заводе произошло значительное колебание почвы с подземным гулом, причем в жилых помещениях был слышен треск стен, звон окон и посуды. Колебание продолжалось около минуты. Никаких повреждений не было, и жители отделались испугом.

Верх-Исетский завод

Бывшее 4 августа землетрясение в Верх-Исетском заводе выразилось в том, что кой у кого попадала в шкафах посуда, есть попадавшие со столов самовары с кипятком, покачнулись трубы и расшатанные углы у деревянных домов. Повлияло землетрясение и на рыбу в Верх-Исетском пруду: ее много появилось на поверхности воды в полуживом виде, вероятно, оглушенной подземным гулом, который слышался при этом редком на Урале явлении».

Аналогичные сведения поступали из Кургана, Кунгура, Алапаевска, Верхотурья, Полевского, Кыштыма и других населенных пунктов. Столь подробно описанное землетрясение в Екатеринбурге, да и в других городах и селах Урала, обошлось без человеческих жертв и сильных разрушений, несмотря на немалую силу толчков. Дело в том, что в 1914 году подавляющее число жилых домов и производственных сооружений были деревянными и одноэтажными, причем бревна на углах зданий ложились «в лапу». Известно, что такие строения в сейсмическом отношении являются довольно стойкими. Умели наши предки с завидной прочностью строить и здания из кирпича с помощью раствора на яичном белке и других утраченных ныне строительных секретов. И тем не менее... В 1989 году автором было осмотрено с десятка кирпичных домов тогда еще Свердловска в районе улиц Челюскинцев, Московской, Малышева, Белинского, возведенных до 1914 года, т.е. переживших землетрясение. В стенах всех осмотренных зданий были обнаружены трещины, причем в некоторых из них довольно глубокие — на всю высоту стен. Беда оставила следы надолго. Кроме того, следует учесть, что в те времена в Екатеринбурге не было водопровода, канализации, центральной отопительной системы, трамвайного движения, высотных зданий, т.е. всего того, что может явиться причиной возникновения крайне опасных аварийных ситуаций.

В совершенно ином положении окажутся наши города, если прои-

зойдет подобное землетрясение в современных условиях. Без всякого сомнения ясно: будут сильные разрушения, а следовательно, и жертвы. Но кто может гарантировать, что сила землетрясения не превзойдет шести баллов? Тем более — в условиях, когда с западной и восточной сторон Уральского хребта, да и на самом хребте, из земных недр ежегодно изымаются миллиарды тонн и кубометров различных минералов, нефти и газа, идет постоянное нарушение естественного природного равновесия. В такой ситуации изменения в земной коре под воздействием центробежных сил вращения Земли неизбежны...

Землетрясения на Урале были и, безусловно, будут. Но вот когда это произойдет? Вековыми наблюдениями установлено, что сильные землетрясения повторяются через 80—100 лет. Если принимать землетрясение в Екатеринбурге в 1914 году за сильное, то время отсчета вероятности его повторения начнется с августа 1994-го.

И дай-то Бог, чтобы оно не произошло раньше. У нас есть еще время, чтобы принять какие-то меры, попытаться ослабить вероятное воздействие разрушительных сил. Нужно готовиться к этому заранее, просчитать самые худшие варианты. К сожалению, сейчас, когда страна переживает тяжелейший период, надеяться на выделение государством необходимых для этого средств не приходится. Но и закрывать глаза на грядущую беду — неумно.

Говорят, что в Японии в каждой семье имеется инструкция о поведении граждан в момент землетрясения. Может быть, с издания такой инструкции и следует начать?

По секрету всему свету

Каких только кулинарных секретов не раскрывает справочник-самоучитель, который предлагает вам Новогорьевский благотворительный центр. Молодые хозяйки найдут в нем уйму рецептов (не только русской, но и немецкой, французской кухни) переработки овощей, фруктов, грибов, мяса, рыбы; сведения о витаминах; советы: как распознать фальсифицированные продукты, как печь хлеб, пироги, булочки, блины, оладьи, пастеты-пироги, которые сейчас не пекут; как очистить от запаха и привкуса мед и другие жидкости; как приготовить пиво, кумыс, меды, сбитень, варенец, сыр брынзу, халву, мороженое, конфеты, пастилу, мармелад, различные ликеры, шашлыки. Только изделий из теста — более 30 рецептов, не говоря уже о салатах, винегретах, первых и вторых блюдах. Справочник поможет удивить гостей оригинальным блюдом, изготовленным из вполне доступных продуктов.

Заявки на справочник-самоучитель присылайте на открытках. Его стоимость — 30 руб. + НДС + стоимость почтовых услуг наложенным платежом. Если пришлете почтовый перевод, укажите свой адрес, справочник получите только за 30 руб.

Адрес: 658260, Алтайский край, Егорьевский район, с. Новогорьевское, р/с в Комбанке 700513, Благотворительный центр, справочник.

Семь часов в Ленинграде

Рассказ-быль

Рисунок
Сергея Григорькина

Главный конструктор авиазавода Семен Павлович Тюхаев в последнее время стал видеть один и тот же сон.

Во сне ему являлись события, которые действительно произошли с ним в пору молодости, когда ему было девятнадцать лет. Сначала Семен Павлович удивился, что эта прошлая явь, возникшая во сне, так эмоционально проявилась, взбудоражила мысли и чувства, но когда события того памятного для него дня стали повторяться во сне каждую ночь, он забеспокоился. Стали навязчивыми мысли-сомнения: может быть, старею, хотя, с другой стороны, до пенсионного возраста еще не близко, и итоги прожитой жизни подводить рановато. Однажды он пожаловался другу-коллеге, что плохо спит ночами, а если спит, то видит одно и то же.

— А ты исповедуйся перед кем-нибудь, расскажи, что тебе снится, и все как рукой снимет, — посоветовал Петр Степанович.

— Ты это серьезно? — сказал Семен Павлович.

— Вполне, — заявил друг, — давай рассказывай.

И Семен Павлович начал:

— Я был курсантом высшего летного училища. Однажды вызывает меня подполковник, зам. начальника училища по политчасти, и приказывает: «Поедете со мной в двухдневную командировку в Ленинград».

Конечно, я очень обрадовался, так как никогда не был в Ленинграде. В первый же день мы быстро управились с делами, и подполковник говорит: «Даю вам семь часов на ознакомление с Пштером. Начинайте с Эрмитажа и основательно используйте представившуюся вам возможность. Встречаемся в двадцать ноль-ноль на железнодорожном вокзале у справочного бюро».

Семь часов, почти целый день, и ни от кого никакой зависимости! Не теряя времени, я поехал в Эрмитаж и там ошалел от всего увиденного. На третьем этаже, в залах, где представлено западноевропейское искусство, точно запомнил, у ренуаровского портрета артистки Жанны Самари познакомился с очаровательной, умной девушкой — Леной, коренной ленинградкой. Она охотно стала моим гидом. Лена водила меня по залам, рассказывала о художниках, ярко живописала о том, что побудило, подвигнуло того или иного мастера к созданию картины. Вела себя Лена естественно, без всякого кокетства, никак не подчеркивала, не выказывала свою образованность. Но когда я задавал глупые вопросы, она смеялась и говорила: «Откуда ты взялся, такой дремучий, где ты жил до этого времени? Ты что, серьезно, никогда не слышал и не читал о Моне, Дега, Коро, Сезанне, или ты меня разыгрываешь?»

— Да что ты, Лена, — взмолился я, — откуда мне быть просвещенным? У нас в Сибири, где я жил до училища, один книжный магазин на весь район, а после окончания семилетки я в 14 лет стал работать на комбайне.

— Ты меня прости, Семен, — просто сказала Лена, — но все равно ты дремучий.

Из Эрмитажа мы вышли через три часа, а затем бродили по набережной Невы. Берега реки одеты в бетон и гранит, но есть просветы-ниши, в одну из которых мы вошли и спустились по ступенькам к воде. В тот день была чудесная погода, солнце еще стояло высоко. Изредка оно скрывалось за редкие клочковатые тучи, а когда выныривало — все сразу преображалось. Вода на Неве приобретала светло-зеленый оттенок, несильный ветер поднимал небольшие волны, которые переливались искристыми блестками. Мы сидели на каменных ступеньках, смотрели на воду и молчали. Лена первой наруши-

ла молчание и попросила меня рассказать что-нибудь о моих родителях. Что я мог рассказать об отце? Он погиб под Москвой в декабре 1941 года, ему шел 21 год.

— Понимаешь, Петр, — продолжил свой рассказ Семен Павлович, — когда я думаю об отце, то, наверное, его идеализирую и почему-то мне вспоминаются строчки Высоцкого:

Он шагнул из траншеи с автоматом на шею,
От осколков беречься не стал,
И в бою под Москвою он обнялся с землей,
Только ветер обрывки письма разметал...

Сразу после знаменитого парада в Москве 7 ноября 1941 года сибирские полки были отправлены на передовую. Лыжный батальон, в котором находился мой отец, около месяца отбивал атаку за атакой. От батальона осталось шесть человек. Во время последней атаки, когда кончились боеприпасы и осталось лишь одно — рукопашный бой, отец «шагнул из траншеи», но не добегал до позиции врага. Его сразил автоматной очередью гитлеровец. Еще по инерции, в пылу боя, он пробежал несколько метров и упал, чтобы никогда не подняться.

Мама рассказывала, что отец был красив, могуч, работал в колхозе комбайнером, так что я пошел по стопам отца. Перед войной отец сдал экстерном за среднюю школу, мечтал учиться в сельскохозяйственной академии, он увлекался поэзией, играл на баяне. Мама, получив похоронку, не могла поверить, что ее Павел, такой сильный человек, убит. Всю войну, и потом, двадцать лет до конца своих дней, она ждала своего любимого. Так и не вышла замуж, хотя было много предложений. Мама умерла еще не старой, когда я уже поступил в летное училище. Она вывозила сено на лошадях по таящему льду и вместе с подводой провалилась в реку. Лошадь спасла, но сама простудилась и за шесть дней сгорела. За два дня до смерти мама перекроила свое девичье платье, которое нравилось отцу, чтобы при встрече с родным человеком быть красивой.

Так я рассказывал Лене о своих родителях, а потом заметил: что, мол, я все о грустном говорю, а, Лена? И дернуло же меня за язык:

— Эх, искупаться бы сейчас!

Лена словно ждала этого и тут же подхватила: «Так в чем же дело, купайся!» Такого оборота я не ожидал, так как не собирался купаться, и что-то промямлил насчет того, что у меня плавок нет, да и вода (была первая половина мая) холодная. Лена, явно уже нарочито подзадоривая меня, а может, испытывая мой характер, заметила: «Ничего, можно и в трусах, а вода нормальная». Я скатал трусы с обоих боков, наподобие плавок, и решительно двинул по ступенькам, уходящим в воду. Плавал я неплохо: с детства пропадал на своей речке Таре, и думал доказать Лене, что хоть я и дремучий, но посмеяться над собой еще раз не дам. Вода оказалась действительно очень холодной, и я быстро-быстро поплыл, пробуя разные стили плавания, явно рисуясь перед Леной. Доплыл до бакена, решил повернуть обратно, а когда развернулся, то растерялся: Лена была едва видна. Стало ясно: меня отнесло течением реки в сторону моста лейтенанта Шмидта. Мысль работала лихорадочно. Если плыть по течению до ближайшей ниши, а до нее рукой подать, значит, нужно будет бежать к Лене в трусах по набережной Невы, среди праздно гуляющей публики. Стыд-то какой! Этот вариант я сразу отбросил как неприемлемый. «Лучше утонуть, — думал я, — чем опозо-

риться перед Леной, перед людьми». Единственная возможность в данной ситуации — плыть к Лене против течения. И я решился. Лег на левый бок, а правую руку выбрасывал из воды, стараясь в унисон с левой грести, рывками толкая тело. Но тут же почувствовал, как стали сползать трусы, и мне время от времени, что нарушало синхронность, приходилось их подтягивать. Дважды, проклятые, чуть не слетели, поймал почти на ногах, но при этом подумал, что лучше приплыть голым: люди отвернутся, можно их попросить об этом, когда буду одеваться, чем бежать в трусах по набережной — для меня это было непереносимо. Плыть было тяжело, иногда казалось, что гребу вхолостую, не двигаясь, но вперед не смотрел — боялся, а вдруг топчусь на месте? Сердце так билось, что я ощущал его биение, оно стучало прямо в ребра и отдавалось в голове. Не помню, сколько времени мне пришлось плыть, но когда коснулся скользких ступенек ногами, было такое ощущение, что одного метра хватило бы, чтобы не доплыть до цели. Посидел на ступеньках, а когда стал подниматься, рухнул на руки, наверное, потерял сознание на какие-то доли секунды. Лене же сказал, что поскользнулся, все бодрился, говорил, что ленинградская вода такая же хорошая, как и наша сибирская. У меня было такое чувство, что я похож на только что родившегося теленка, который едва стоит на ногах, и каждая клеточка тела его подрагивает. Лена поняла мое состояние, отошла в сторону и отвернулась, давая мне возможность собраться с духом, и чтобы не смущать, когда я на себе выжимал трусы. Немного подсохнув, мы двинулись в сторону железнодорожного вокзала, время уже поджимало. Лена вызвалась проводить меня, но я заметил, что между нами исчезла естественность, разговор не получался, протекал вяло и неинтересно. Что-то произошло в наших отношениях, а объяснить причину я не мог.

Солнце закатилось, оставив на горизонте бледно-золотистую полосу; серо-свинцовые облака стали обкладывать небо. На вокзал мы приехали за полчаса до назначенного подполковником времени. Лена неожиданно засобиравшись домой, зачем-то попросила меня нагнуться, а когда я это сделал, не подозревая ни о чем, она при всем честном народе поцеловала меня в губы — по-настоящему.

— Это тебе на прощание, чтобы помнил ленинградку Лену. А ты все-таки дремучий, — сказала она и растворилась в толпе.

— Это был первый поцелуй в моей жизни, — сказал в заключение своей исповеди Семен Павлович. — Вот на этом поцелуе я и просыпаюсь каждую ночь. Как знать, может, Лена была моей судьбой. А я, дремучий, не подумал даже адрес спросить!

Доктор технических наук, крупный специалист в области самолетостроения, Семен Павлович Тюхаев, свободно владеющий пятью европейскими языками, обладающий уникальной коллекцией живописи, и сейчас — в снах — вспоминает девушку Лену из Ленинграда, свою дремучесть в молодости и тот весенний заплыв двадцатипятилетней давности по реке Неве, который, наверное, заставил его поверить в то, что человек может все — стоит ему только захотеть. Знать бы ее адрес...

«РЫБА НЕМО, РЫБА НЕМО ПРОХОДИЛА НАД КОРАЛЛОМ...»

МАГАДАНСКИЕ ПАТЕФОНЫ

Как не хватало здесь патефонных игл
для более прочных, почти безотказных швов!
Ими команды восточных и северных лиг
латали прямые порезы от розы ветров.
Срок истекал, но они оставались тут,
корни пустив в этот скудный, нехитрый мир,
жизнь принимая, как песню, как сон,
как игру, всю остальную страну окрестив:
«материк».

Внутри океана моллюски слипались в мел,
на дно опускаясь, пластом покрывали пласт.
...Бродил по Европе писатель Станіслав Лем,
фантастику в звездах ловил его острый глаз.

Мигали Кассиопеи из черных глубоких бухт,
смахивал пену песок с каменистых бритв,
чайки кричали, не зная ни слов, ни букв,
хотя все, что нужно, у них умещалось в крик.
Иглы вгонялись в никель умелой рукой,
со звоном сжималась пружина где-то внутри...
Черное время вращалось по часовой,
черное время само обращалось в ритм.
Первый аккорд, отворяя окошко в мир,
в десять раз больше, чем мог и умел, дарил:

то польхающий чистый руслановский спирт,
то хитрый, с прищуром, добрый утесовский хрип.
Был для фантаста слишком уж груб и прост
этот сюжет, где планета за кругом круг,
словно пластинка под иглами дальних звезд,
воспроизводит слабый шипящий звук.

* * *

Отыскан звук. Уловлен лад.
Под музыку за стойкой бара тобою чистится гранат,
стекает сок на черный бархат.
Глаза с ожившего лица следят за новою игрою:
как обнаженные сердца блестят под рыжей кожурою.
Я б спорить с кем угодно мог,
что терпче слез и крепче чая венозно-грязный зерен сок,
тобой раздавленных случайно.

РЫБА НЕМО

Рыба Немо, рыба Немо
Проходила над кораллом,
Над обструганным настилом Фиолетовой луной.
Над Невою и Арбатом
Рыба Немо проплывала,
Рыба Немо говорила
Непослушным букву «О».
Я сниму последний угол,
Гладко выбелю простенок,
Сам вобью где надо гвозди:
Где — короче, где — длинней.
Я поставлю лампу в угол
И в течение недели
Буду я курить без спроса
Под картиной на стене.
Одиноко и печально
В крепком чае звякнет ложка.

Головой усталой лампы
Лампа разольет тепло.
Мимо дома проплывая,
Рыба Немо за окошком
Плавником своим поглядит
Забеленное стекло.
Рыба Немо, рыба Немо,
Заплыви на полминутки!
Я поставлю новый чайник,
Я не запираю дом.
Видишь, я откинул невод,
Заплывай, хотя б под утро,
Чтоб сказать мне на прощанье
«О» — своим печальным ртом.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

А помнишь ли, соратник боевой,
как мы с тобой вот этими руками
украли за забором черный кабель
с рельефной маркировкой
«Горстрой»?
Разрезав острым лезвием ножа
аспидный блеск послушной
толстой кожи,
сноп проводков, на радугу похожий,
тащили мы руками не спеша.
Сплетались в кольца эти проводки,
мы кольца подносили нашим дамам,
овладевая пальцем безымянным
протянутой божественной руки.
И «гость из камня»,
шедший по следам,
проклятый сторож —
разрушитель планов —
тащил за уши юных дон гуанов
к ответу от прекрасных доний анн.

* * *

Я, разбегаюсь, по воротам бил
и повторял заученное имя.
Не то, чтоб, Светка, я тебя любил,
ты просто с Витькой проходила мимо.
И я тогда вам высадил стекло
тугим мячом коричневого цвета...
Не для того, чтобы было там светло,
а потому, что с ним не надо, Света!

ЖЕЛТЫЙ КЛАДКА

Александр
БОЛЬНЫХ

Повесть

Рисунки
Константина Комардина

Решающее сражение должно было разыгаться под стенами Балад Нарана, именно туда, к последней крепости Эльвалье, двигались главные силы черного воинства лорда Бэйна. Неисчислимы полчища забили дороги. С руганью и криками кавалерия прорвалась кое-как сквозь плотные ряды тяжелой пехоты. Свиристые волколаки яростно огрызались, когда их пытались обойти черные тролли с огромными топорами на плечах. На мостах то и дело возникали заторы, и командующим армиями стоило величайших трудов наладить хоть какое-то подобие порядка...

Сэр Галахад, стоя на башне, грустно смотрел на вражеские орды, заполонившие окрестные поля. Было совершенно ясно, что крепость не устоит, вопрос лишь в том, как долго она сумеет продержаться и сколько врагов захватит с собой... Галахад не требовалось лишний раз пересчитывать осажденный гарнизон — их оставалось мало, усажающе мало по сравнению с черными ордами. Полк гномов, полк тяжелой пехоты да остатки разгромленной армии сэра Гарета... Конечно, волшебник поможет оборонять город, но если Черный Лорд действительно поставил своей целью покончить с государством Эльвалье, то вряд ли он станет считаться с потерями. Тысячей больше, тысячи меньше... В конце концов, Балад Наран падет. И тогда наступит самое страшное. До сих пор доблестные Эльвалье сдерживали натиск черных сил, но как только падет их столица, никто уже не встанет на пути захватчиков. Пройдет еще два-три месяца — и вся Иллиура будет захвачена лордом Бэйном...

От грустных мыслей сэра Галахада отвлек резкий звук сигнального рожка. Галахад осторожно выглянул в бойницу — от неприятеля можно ожидать любого коварства. Закованный в вороненую броню всадник подъехал к воротам крепости, размахивая белым платком, нацепленным на острие пика.

— Эй, вы, там, в крепости! — заорал посланник. — Я хочу видеть вашего командира!

— Что тебе нужно? — спросил сэр Галахад.

— Мой повелитель, грозный и победоносный Сильфакс, предлагает вам сдаться. Если крепость придется брать штурмом — пощады не ждите!.. И еще доблестный Сильфакс приказал передать, что некий Галахад в любом случае будет казнен за мятеж против законного повелителя Иллиури! Выдайте Галахада!

— Это все? — усмехнулся Галахад.

Посланник нагло захохотал:

— Не иначе, как ты и есть тот самый Галахад!

— Ты не ошибся, я — Галахад Безупречный! Если тебе хоть что-то говорит это имя, убирайся прочь, побереги свою поганую шкуру!

Поубавилось спеси у наглеца, однако продолжал он храбриться:

— Могучий Сильфакс приказал сделать тебе подарок, жди вскорости. Как только прилетят драконы, так и жди!

Галахад помрачнел, но вида не показал:

— Сейчас ты сам получишь подарок — каленую стрелу!

Посланник торопливо дернул повод. Выкрикнул напоследок:

— Посмотрим, что ты запоешь, когда тебя, связанного, приволокут к ногам моего повелителя!

— А вот этого ты не дожدهшься! Убирайся, ты мне надоел!

Нервы посланника не выдержали, он хлестнул коня и помчался прочь от крепостных стен...

Вновь пронзительно завизжали рожки, заколыхались черные знамена, усеявшие равнину. Полки троллей из Горка двинулись на штурм.

— Началось, — с мрачной веселостью сказал Галахад стоявшему рядом волшебнику.

За все время беседы с посланником тот не проронил ни слова. Промолчал и сейчас, только пожал плечами и принялся медленно развязывать свою сумку.

Сэр Галахад нервно ощупал кольцо силы, доставшееся ему после поединка с демоном. Хоть и малая, а все помочь...

Внезапно в голубом небе возникли черные точки. Это тяжело летели драконы. Багровые отсветы, словно кровь, залили небосклон.

Галахад медленно перекрестился.

Санечка недовольно поморщился. Что-то определенно сбило в программе... Будь его противником не машина, а человек, Санечка твердо заявил бы, что тот мошенничает. Но не скажешь же этого про бессмысленную микросхему! Или все-таки дефект программ? Однако компьютер ни разу не ошибся в его, Санечкину, пользу: с железным постоянством машина подыгрывала самой себе... Есть от чего расстроиться. Игра 2 Warlord 0 теряла половину своей привлекательности: какой интерес играть, если заведомо знаешь, что потерпишь поражение? Вот если бы наоборот...

Неожиданно на экране замелькали картинка, никак к 2 Warlord 0 не относящиеся. Наметанный глаз тотчас опознал подземные лабиринты королевства Эриост, знаменитые тем, что ни один игрок до сих пор не сумел пройти их до конца — все застревало на полдороге. Машина вдруг поинтересовалась, что Санечка хотел бы выбрать в качестве брони для Бойца: кованый панцирь или альфийскую кольчугу? Санечка растерянно заморгал. Нет, она определенно сбита! Но в чем дело?

Он лихорадочно застучал по клавиатуре, однако компьютер забастовал и наотрез отказался выходить из 2 Dark heart of Uukrul 0. Санечка с возрастающим раздражением несколько раз ударил по клавише 1 Esc 0, но машина словно бы и не заметила его стараний.

В свою очередь, идти на поводу у пригоршни микросхем Санечка не собирался. Конечно, выключать машину с работающей программой 0 — последнее дело, но что еще оставалось?

Санечка протянул руку... и полетел кувырком на пол. Судя по богатству ощущений, на сетевой выключатель было подано не менее трехсот вольт.

— Интересные дела, — растерянно прокомментировал Санечка, когда к нему вернулась способность рассуждать здраво, а звон в ушах почти умолк. — Как мне ее теперь выключить?

Во второй раз его потрянуло основательней, значит, о случайности не могло быть и речи.

Сознание как бы раздвоилось. Он отчетливо понимал бредовость ситуации: компьютер зажил самостоятельной жизнью. Бред! Жалкая серия 286 никак не могла претендовать на почетный титул первого в мире искусственного интеллекта!

Санечка кисло усмехнулся и положил руки на клавиатуру. Внутри невольно все сжалось в ожидании нового удара, однако удара не последовало. Санечка таяко вздохнул и начал набирать команды.

...панцирь, большой шлем, боевые рукавицы, военный щит, магические башмаки...

С каждым тихим шлодком он ощущал, как на плечи ложится тяжелое холодное железо, сковывает движения, тянет к земле... Бред и трижды бред! Компьютер-гипнолизер... Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!.. В свои двадцать пять лет программист Санечка еще ни разу не усомнился в классической четкости знаменитого выражения. Поэтому он не сдержался и от души треснул ладонью по клавиатуре.

В то же мгновение ему почудилось, будто огром-

ные стальные зубы хватают его и тащат в узкую щель дисковод. Санечка еще успел удивиться такой бесцеремонности...

...как вдруг в глаза ударил яркий солнечный свет.

Санечка ошалело замотал головой и... обнаружил на ней тяжелый шлем. На левой руке висел треугольный деревянный щит, обтянутый дубленой кожей, с металлической пластиной в центре.

Лаборатория пропала бесследно, он оказался в каком-то лесу. И раздвоенность сознания сыграла с ним злую шутку — он присел на камень и принялся методично исследовать свое вновь обретенное имущество.

В результате обнаружилось, что он стал обладателем шлема, напоминающего горшок и грубо склепанного из железных пластин. Шлем полностью закрывал голову, оставляя незащищенными лишь щеки: нос тоже был прикрыт стальной полоской. На плечи легла кожаная куртка с нашитыми железными пластинками, напоминавшими крупную квадратную чешую. Кожаные сапоги тоже были обшиты железом. На стальной пластине щита Санечка сумел разглядеть представителя семейства кошачьих. Но кто это — лев, тигр, леопард? Законы геральдики не требовали большого сходства... Слева на широчайшем поясе у Санечки висел тяжелый прямой меч. Справа его уравновешивала еще более тяжелая булава. Вооружение завершал длинный прямой кинжал с крестообразной рукоятью. Сначала Санечка путался в белом балахоне, прикрывавшем плечи, но потом привык. Уф-ф...

Вывод напрашивался довольно очевидный — парамagические силы превратили его в рыцаря, ситуация довольно стандартная. И сейчас настало время отправляться на поиски верного коня... Впрочем, искать того не пришлось, он сам деликатно тронул Санечку за плечо. Ездить верхом наш герой, как всякий нормальный горожанин, не умел, однако решил, что при превращении не мог не получить кое-какие рыцарские навыки, и потому отважно вскарабкался на статного темно-коричневого (или гнедого?) коня. С уважением он ощупал оказавшееся в руках исполненное дубовое копые, тускло мерцавшее широким лезвием, и чуть тронул поводья. Конь недовольно мотнул головой, фыркнул, но подчинился и не спеша двинулся по еле заметной тропинке, прихотливо петлявшей между валунами.

Тихий цокот копыт, равномерное покачивание потихоньку убаюкали Санечку, он начал подремывать, клевать носом. И в конце концов уснул.

Проснувшись, Санечка долго не мог сообразить, что это — черное и жесткое — тычется ему в лицо. И вообще: что происходит? Но потом выпрямился в седле, потянулся — и вспомнил. Торопливо осмотрел себя. Нет, ничего не изменилось. Он остается странствующим рыцарем...

По-прежнему Санечка ощущал некую раздвоенность в мыслях. С одной стороны, он отчетливо понимал нелепость происходящего, но с другой — кто-то неведомый постоянно подсказывал, что следует делать. И приходилось подчиняться. Любая попытка сопротивления вызывала судорожное подергивание всех мышц, напоминавшее эпилептический припадок.

Тут его размышления оборвались. На нежно-голубом незабудковом небе прямо над зубчатым частоклолом леса поднимались черные страусиные перья дыма... Санечка поправил хлопавший по конскому боку щит, плотнее затянул ремни секиры, притороченной к седлу, и с достоинством двинулся вперед. Хотя разумнее было бы, возможно, поступить наоборот — повернуть назад и скромно удалиться. Покрасо-

ваться-то в рыцарском облачении — одно, а вступать в бой — совсем другое...

Тропинку пересекало великое множество узловатых серых корней, поэтому конь, который явно больше седока смыслил в верховой езде, и не думал подчиняться попыткам управлять его аллюром. Он недовольно фыркал, прядал ушами и упрямо не ускорял величавого неспешного шага. Когда Санечкины потуги на самостоятельность ему окончательно надоели, он зло заржал и хватанул всадника зубами за правое колено.

Лес был по-настоящему дремучим, — казалось Санечке. Раскидистые кряжистые дубы, реже появлялись стройные буки, кое-где виднелись отдельные сосны... Высокую траву явно не мяла ничья нога. Несмотря на все старания, Санечка не увидел ни единого пня — топор дровосека тоже не посягал на девственную чашу... Беззаботное чириканье мелких птиц окончательно усыпило все подозрения. Разморенный горячим солнцем, Санечка снял железный горшок шлема, вытер вспотевший лоб и звучно зевнул. Откуда-то долетело сильно заглушенное листвою бархатистое «бум-м-м»... Колокол. Тишина, покой, идиллия... Первому колоколу ответил более высокий удар второго. Санечка горестно вздохнул. Жаль, что от маленьких деревенских церквушек остались только обгорелые бревна. Чья-то недобрая рука вырвала из русской жизни кровотокающий кусок... «Дон-дон», — отозвался третий колокол. Расчувствовавшись, Санечка едва не прослезился от умиления.

Лес кончился как-то внезапно. Только что Санечку окружали деревья, но вот он повернул за пригорок — и они пропали. Дым теперь поднимался из-за невысокого холма, рядом с первым столбом качались еще два. Легкая тревога кольнула Санечку. Ладно, увидим — разберемся. Он с тоской поглядел из-под ладони на палящее солнце. Белый балахон помогал слабо, железная чешуя куртки разогрелась основательно, и Санечка обливался потом. На всякий случай он хлоппал коня по шее и ободряюще сказал:

— Осталось немного, Гром. Там тебя и покормят, и напоят!

Между прочим, откуда-то он узнал, что коня зовут Гром. Отличное имя, великолепно подходит упрямому, своенравному, но верному коню. Просто пришло в голову? Гром... Санечка попробовал на вкус это имя. На каком языке? Он задумался. Попробуйте определить, как называется ваш родной язык, если именно его названия вы не знаете. И вдобавок говорите на нем!

Гром взобрался на вершину пригорка и остановился, предоставив Санечке возможность полюбоваться открывающимся пейзажем. Но увиденное заставило всадника моментально забыть и о жаре, и об отдыхе — обо всем на свете: он даже зарычал от негодования.

Внизу на берегу маленькой речушки стояла деревня. Совсем еще недавно стояла. Теперь на месте бревенчатых изб курились черные пепелища. Так вот какой дым Санечка видел над лесом!.. В траве он разглядел тела убитых. Его замутило: об этой стороне рыцарских подвигов он раньше как-то не задумывался. Но ярость превозмогла дурноту, когда он увидел еще кое-что.

Человек двадцать пленников в длинных белых рубахах были привязаны к толстому бревну. Их подгоняли плетью всадники в пестрых халатах, сидевшие на низкорослых мохнатых лошаденках. Кто они — хазары, половцы, кипчаки? В памяти всплыла масса диковинных словечек, слышанных когда-то: полон, ясак, баскак... И новый приступ гнева охватил Санечку, когда на его глаза плеть опустилась на плечи девушки. Уже не раздумывая, он порывисто нахлобучил шлем, поднял щит, перехватил копые наперевес и

шпорами послал Грома в галоп. Против обыкновения конь не протестовал.

Заметив незнакомого рыцаря, налетчики вначале никак не отреагировали, продолжая деловито хлопотать вокруг пленников. Но Санечка мчался на них, словно пушечное ядро, и потому один, похоже — главарь, двинулся ему навстречу, приветственно поднимая руку, на которой болталась плеть. Вид этой плети унес остатки разума и осмотрительности. Багровая пелена застлала глаза, Санечка еще раз нагнал Грому шпорами. В последний момент предводитель степняков сообразил, что пришелец отнюдь не питает мирных намерений, как ему показалось сначала. Он тоже вскинул щит и выставил копые, украшенное конским хвостом. Однако напор огромной лошади, скачущей под уклон, и закованного в железо всадника был страшен. Санечка буквально смял своего противника, только лягз наконечника копыя о щит — и враг пропал. Но здесь нашему герою пришлось убедиться, что конный бой — наука более сложная, чем ему представлялось раньше. Тяжеленное копые легкой птичкой порхнуло из руки и улетело. Обезоруженный Санечка направил Грома на следующего противника. Степняк выхватил кривую саблю, замахнулся... Лезвие безвредно скрежетнуло по стальному эплету, Гром ударил плечом низенькую лошаденку, та пискнула — и еще одним неприятелем стало меньше.

Санечка повернул коня навстречу оставшимся противникам — их было четверо. Теперь-то степняки поняли, что бой неизбежен, хотя Санечку не оставляло смутное ощущение, будто по какой-то неведомой причине они видели в нем союзника. Налетчики бросили пленников, выхватили сабли и начали приближаться с двух сторон. Санечка зло усмехнулся, сорвал с луки тяжелый топор и сам бросился в атаку. Сабля царапнула по шлему, сорвалась и больно ударила по плечу. Но под ударом Санечкиной секиры с треском разлетелся на куски круглый деревянный щит...

— Что ты делаешь?! — крикнул один из степняков. К своему изумлению, Санечка прекрасно его понял.

— Сейчас увидишь, — справившись с секундным замешательством, посулил он, поднимая секиру. Гром, уже не дожидаясь команды, самостоятельно даинулся на врагов своего хозяина.

— Слуга Красного Колокола, твой господин, не одобрит вмешательства в чужие дела! — выкрикнул воин со шрамом на правой щеле.

Снова короткая стычка, звон и лягз железа, и перед Санечкой осталось только два противника.

— Рыцарь Льва, опомнись! — завопил ближний из них. — Неужели не слышишь, как звонят Колокола?!

— Слышу, — Санечка угрожающе покачал топором, а потом вдруг сильно швырнул его. Коротко свистнув, тяжелое лезвие раскололо легкий шлем и повергло пятого противника.

Издали донесся призрачный перезвон колоколов. Санечке померещилось, будто невидимые веревки связывают ему руки. Он рванулся, освобождаясь от колдовских пут, и выхватил меч. Мотнул головой, стряхивая набегающий на глаза пот... Последний из степняков, бешено нахлестывая лошаденку, удирал во весь опор. Преследовать его Санечка не стал — утомленному Грому новая скачка была явно не по силам.

— Желтый Колокол отомстит тебе! — крикнул на прощание степняк. — Я запомнил тебя и все донесу Оселпительному!

Вместо ответа Санечка молча погрозил ему мечом. Степняк пропал, только пыль вдали за клубилась. Горжествующий победитель одобрительно потрепал Грома по шее.

— Ты просто молодец! Без твоей помощи я не справился бы!

Гром радостно заржал.

Санечка спрыгнул на землю, бросил щит, шлем и подошел к пленникам. Он поразился, увидев, с каким испугом те смотрят на него. Примерился, как лучше разорвать веревки... Но пленники вдруг повалились на колени, что-то крича наперебой.

— Тихо! — гаркнул он. — Я ничего не понимаю!.. Говорите по очереди. Вот ты. — Он ткнул мечом в сторону плотного чернородого мужика.

Тот, не вставая с колен и истово кланяясь, забор-мotal:

— Если тебе нужна кровь, убей меня одного, но пощади остальных! Деревня все равно погибла, оставь хоть память о ней, слуга Красного Колокола! Лишь Голубому дано лить слезы горя...

— С чего ты взял, будто я собираюсь убивать вас? — не понял Санечка. — Не для того я разогнал этих бандитов, чтобы... — Он не закончил. В самый неподходящий момент к горлу вновь подступила дурнота. Опять сквозь рыцаря пробирался цивилизованный горожанин с его отвращением к насильственной смерти...

— Но ведь сейчас звонят все три Колокола!

Санечка отвернулся, и его вырвало. Только после этого, бледный, шатающийся, смущенный, он спросил:

— А что из того?

— Значит, настало время пота, слез и крови.

— Ничего не понимаю. Какое время? Какие слезы? Ведь я освободил вас!

— Но ты же слуга Красного Колокола!

— Ничей я не слуга! — взорвался Санечка.

Он раз и другой взмахнул мечом, рассекая путы, связывавшие пленников. Те, не говоря ни слова, бросились враспынную от проклятого бревна, и напрасно освободитель пытался остановить их. Похоже, они не слышало-то поверили его словам...

Но что же здесь все-таки происходит? Санечка очень активно вмешался в события. Однако, видимо, играл не свою роль. Его принимали за другого.

— Ты что-нибудь понимаешь? — обратился он к Грому. Тот, явно что-то зная, отвернулся с хитрым видом. — И ты туда же... Ладно, я тебе это припомню, — беззлобно пообещал Санечка.

Он расседлал коня, и Гром с удовольствием начал щипать травку. Интересно, а умение обращаться со сложной конской упряжкой — оно навсегда?

Потом гордый победитель отправился на поиски непослушного копы, с чувством воткнул его глубоко в землю под дубом, стоящим в центре небольшой рощицы, свалил небрежной кучей доспехи и с наслаждением растянулся на траве. Нужно как-то осмыслить происшедшее и решить, что делать дальше...

Сколько Санечка спал — неизвестно, но только когда он открыл очи, уже смеркалось. Вечерний холодок заполз под полотняную тунику, заставив зябко передернуть плечами. На неправдоподобно синем небе, не оскверненном никакими дарами цивилизации, одна за другой проступали колючие звонкие звезды. Санечка тоскливо подумал, что ночлег ему предстоит невеселый — ни крова, ни ужины.

— Согреться бы чем-нибудь! Сигаретку хотя бы... — невольно вырвалось у него.

— Как вы мне все надоели, отравители проклятые, — незамедлительно отозвался тонкий скрипучий голосок.

— Кто «вы»? — машинально переспросил Санечка.

— Табакуры, кофепивцы, картохоеды, — последнее слово было произнесено с таким презрением, что Санечке отчетливо послышалось «людоеды».

— Почему же? — попробовал он поспорить с невидимым собеседником. — Это довольно полезные вещи.

— Никакой пользы! От века люди жили здесь, не ведая таковой заразы. И хорошо жили. А как завезли заморские травы, так и началось. Нет, я верно го-

ворю: картоха проклята, кофий двою проклят, табак — трикратно!

— У каждого свой вкус, — дипломатично возразил Санечка, напрягая зрение в тщетных попытках разглядеть оппонента. Голос-то слышался совсем рядом.

— Чего зенки пялишь? — грубо осведомился невидимка. — Вот он я.

От мощной кряжистой ветви отделилась темная фигурка, совершенно терпящаяся до этого в листве.

Санечка встал и слегка поклонился.

— Очень рад.

— Рыцарь Леопарда, как я вижу, — невысокий плотный человек, до самых бровей закутанный в темно-зеленую шубу, ткнул черным кривым пальцем в Санечкин щит.

— Не так давно меня называли Рыцарем Льва, — нерешительно возразил Санечка. В геральдике он был не силен и потому не мог настаивать на своей правоте.

— Чепуха! — безапелляционно отрезал человек. — Мне лучше знать, кто там нарисован. Я всех зверей знаю наперечет и спутать никак не могу.

— Простите, но кто вы?

Человек даже поперхнулся от неожиданности.

— Неужто не знаешь?! Да откуда ты такой явился?

— Издалека. — Санечка решил, что не в его интересах рассказывать все подробности своих приключений. Человек горделиво выпятил грудь:

— Я местный леший!

Санечка почувствовал себя в тупике. В европейских фэнтези русские лешие не участвуют, и такая встреча совершенно не вязалась с полученными сведениями от кого-то доспехами.

— Но ведь леших не бывает, — неосторожно вырвалось у него.

— Что-о?! — взревел леший. Голос его моментально сменил тембр.

У Санечки мурашки по коже пробежали, и он плохо повинующимися губами добавил:

— В наших лесах лешие не водятся.

— Это вы сами виноваты, — леший укоризненно покачал головой. — Довели природу до полной невменяемости, уже и лешие перевелись! Тогда и лесам вашим недолго жить осталось. Как можно? Деревья рубите, речки хламите, табак курите! Тьфу на вас! Вымрете — туда вам и дорога. Нежить злая, а не люди. Давно пора таких загнать в гору к Гому и Магогу, они бы вам показали, почем фунт лиха!

— Так сразу и нежить, — оскорбился Санечка.

— А кто еще способен леса сводить?

Санечка замаялся и не нашел, что ответить. Леший задумался и со внезапно вспыхнувшим интересом спросил:

— Слушай, а может, действительно тебя туда упря-тять? Там и от тяги к адской траве никоциане выле-чишься!

Недавнее мужество полностью улетучилось, и Санечка невольно попятился.

— Но я...

— Ладно, подождем, — смилостивился леший. — Давай знакомиться. Меня зовут Древолюб. А тебя?

— Александр.

— Защитник людей. Хорош защитничек, — леший сплюнул. — Какое имя носишь. Вспомни двоих хотя бы... Стыдно трусить, рыцарь.

Упрек был справедлив. Ни с Александром Македонским, ни с Александром Невским сравнения Санечка не выдерживал. Это если бы кому-нибудь забрела в голову блажь сравнивать.

— Никакой я не рыцарь, — сокрушенно признался он.

— Зачем тогда доспехи нацепил? — не понял Древолюб.

— Это так, недоразумение, — вздохнул Санечка, потирая закороченные пальцы.

Леший, глядя на вконец замерзшего путешественника, смягчился и радушно предложил:

— Идем ко мне. Согреешься, перекусишь. Заодно и расскажешь, как тебя занесло сюда.

Он звучно щелкнул пальцами, и кора старого дуба со скрежетом разошлась в стороны, открыв взору небольшую уютную комнатку в самой сердцевине дерева.

— Чего уставился? — грубовато поторопил леший. — Пошли.

Внутри дерева было тепло и тихо. Сначала Санечка опасался духоты, однако откуда-то веял тихий ветерок, несущий приятный пряный запах. Потолок светился мягким зеленоватым светом. Леший усадил Санечку на пенъ, покрытый плотным пружинящим ковром зеленого мха. Неодобрительно ворча что-то о сквернавах, сеющих ядовитое адское яблоко картоху, выставил на другой пенъ-стол деревянное блюдо с медом, достал каравай хлеба, стукнул парой больших кружек с чем-то пенящимся и вкусным.

От сытной еды и тепла Санечка осоловел. Во всяком случае, он плохо помнил, что происходило дальше. Древолюб спрашивал, он отвечал, но о чем шел разговор? Несколько раз леший вскакивал и принимался ругаться, размахивая кулаками. Что вызвало его гнев? Впрочем, он быстро успокаивался...

Когда Санечка пришел в себя, лешего рядом не было. Но не успел наш герой испугаться, что останется замурованным в дубе навсегда, как дерево пронзительно закричало, открылось, и в комнатку хлынул ослепительный солнечный свет. Санечка чуть послешно вылетел наружу и едва не столкнулся с ожидающим его Древолюбом.

Теперь он смог получше разглядеть лешего. Тот был невысок ростом — не доставал Санечке до плеча. Выяснилось, что в потемках наш рыцарь ошибся, когда принял за шубу зеленый шелковистый мех, старательно расчесанный и не без щегольства заплетенный на плечах в четыре косички. Могучие руки и ноги не были покрыты шерстью, и от этого их литые мышцы производили еще более внушительное впечатление. На макушке торчала пара ушек с кисточками, похожими на рысьи. Немного нарушал впечатление нос — большой, грустный, висячий. Зато глаза были отменно хороши — лучистые, яркие, оранжевые.

— Посмотрел я на твое добро, — леший пренебрежительно подцепил когтем панцирную рубаху. — Полюбовался. Удивляюсь даже, как тебе вчера удалось справиться со степняками. С этим-то гнилым железом!

— Гнилым, — поразился Санечка.

— Конечно. Смотри. — Древолюб поднял тяжелую булаву, обхватил ладонями шипастый шар, сдавил. Захрустело, из рук лешего потекла зеленоватая, мерзко пахнущая жидкость. — Понял?

Санечка широко раскрытыми глазами уставился на остатки булавы.

— Незероятно!

Леший отбросил булаву, старательно вытер ладони о траву.

— В наших лесах многое выглядит иначе, чем ты привык. Здесь свои законы.

— Да где это — здесь-то?

— На земле Рутении.

Что-то шевельнулось в памяти. Слышал краем уха или читал вполглаза? Но что?

— А вот конь у тебя хорош, — леший одобительно потрепал по шее затанцевавшего от удовольствия Грома. — Ладно, с оружием я тебе помогу, нельзя же оставлять тебя с голыми руками.

— А это? — Санечка глянул на грудь своих доспехов.

Леший презрительно фыркнул.

— Это все годится только лучину щипать! Против доброго меча тебе и двух минут не продержаться. Заедем к кузнецу, он тебе настоящий доспех вылепит, даст надежный меч.

— Кладенец? — иронически осведомился Санечка. Леший залился веселым смехом.

— Эк хватанул... Кладенец ему подавай! Слабоват ты кладенцом воевать, не по плечу груз.

— Но мне совсем не нужен меч, — надулся Санечка. — Я ни с кем не хочу драться! Мне бы поскорее домой попасть!

— Правильно. Вот именно для этого тебе и понадобится меч. Пока ты спал, я кое с кем переговорил, посоветовался... Твой путь predetermined. Ты вступил в бой со слугами Желтого Колокола в то время, как он звонил. И сейчас Колокол не выпустит тебя из нашего мира, ты обречен оставаться здесь.

— Но я не хочу... — пролепетал Санечка.

— Значит, у тебя один выход — разбить Желтый Колокол, — помолчав, тихо и серьезно сказал Древолюб. — Тяжелая это задача. Никому из витязей наших еще не удавалось добраться до Железной Горы, о которую плещут холодные волны Кронийского океана. Все смельчаки погибали.

— И сейчас туда должен отправиться я?

— Да, — ответил леший. — Может, тебе, пришельцу, удастся то, что оказалось не по силам нашим богатырям? — Он с сомнением оглядел тощего Санечку. — Силы зла не следят за тобой, какой-то шанс есть.

Путешествие неведомо куда к таинственному Желтому Колоколу, встреча с темными силами совсем не входили в Санечкины планы. Вполне реальная опасность сложить голову... Однако он вдруг снова ощутил прилив вчерашнего боевого задора. Противясь ему, осторожно спросил:

— А это далеко?

— Две-три недели пути.

— Но у меня ни еды, ни теплой одежды!

— Об этом позаботятся.

— И я понятия не имею, где эти самые Железные Горы!

— Мы с Зорковидом проводим тебя.

— Зорковид... А это кто?

— Мой помощник и друг, — улыбнулся леший. — Вот он.

Санечка оторопело потряс головой. Огромный ушастый филин словно бы ниоткуда возник на плече Древолюба. Умостившись потверже, захолопал большими оранжевыми глазами, щелкнул внушительным крючковатым клювом... Представив себе путешествие с такими спутниками, Санечка нервно рассмеялся, но, перехватив недоуменный взгляд лешего, умолк.

— Хорошо, — покорно вздохнул он. — Я поеду, и будь что будет.

— Оставил бы ты здесь свои гнилые железки.

Санечка оценивающе постучал по доспехам и не согласился.

— Я повременю. С ними все же спокойнее. Вот когда кузнец даст мне новые, брошу эти с превеликой радостью. В вашем мире, как я понял, запросто могут в любой момент проткнуть мечом. А это хоть и скверная, но защита.

— Никакая это не защита, — брезгливо возразил леший. — Гнилое железо может накликать беду.

Но в Санечку вселился бес упрямства, и Древолюб махнул рукой:

— Поступай, как знаешь! Я дал совет, а решать тебе.

Он дождался, пока Санечка упакуется в железную скорлупу, и свистнул как-то особо пронзительно и переличато. И тут же на глазах пораженного Санечки начал стремительно сокращаться в размерах, пока не стал меньше филина. Зорковид покосился на хозяина, подставил крыло. Леший вскарабкался ему на спину, свистнул еще раз. Филин взмахнул широкими мягкими крыльями и взмыл в воздух.

— Поезжай за нами! — донеслось сверху.

Санечка не успел и поводящими шевельнуть, как Гром размеренным шагом устремился вдогонку за Древолюбом.

Долго ли они ехали, коротко ли, нам про то неведомо. Но дорога не показалась Санечке утомительной. Леший действительно заботился о нем, как о собственном сыне. На каждом привале Санечку ожидал свежий каравай, кусок жареного мяса до ковшичек кваса. И приятная беседа у вечернего костра. Древолюб оказался ярким ревнителем старины, и часто такие беседы превращались в ожесточенные споры. Будь на то его воля — леший запретил бы все мерзкие нововведения.

— Зло и только зло! Любые перемены — к худшему.

Санечка пытался убедить его, что случаются перемены в иную сторону, однако леший оставался непоколебим.

— Жить по заветам отчич и дедич наших!

В жарких спорах вечера проходили незаметно.

Филин, в противность своей природе, летал днем так же смело и ловко, как и ночью, хотя солнечный свет все-таки недолюбливал — начинали болеть глаза. Пару раз скандальные вороны пытались напасть на Зорковида, но его кривые когти работали не хуже сабель. Древолюбу даже не приходилось вмешиваться, он не отвлекался от беседы.

Порою они встречали каких-то бродяг или разбойников. А может, совсем наоборот — дружинников. Но, едва завидев скачущего рыцаря, те шаркались прочь. Вид чужеземных доспехов пугал их, или тут леший лапу приложил?

Страна Рутения была полна загадок и чудес. Санечка не раз пытался выяснить у лешего, что же это такое — таинственный Желтый Колокол, но Древолюб отмалчивался, хмыкал, уклончиво отвечал, что, всему свое время.

Старательная опека лешего сделала свое дело — Санечка вконец расслабился и позабыл о всякой осто-

рожности. Он ехал по лесу, беззаботно насвистывая. Цеплявшееся за ветки тяжелое рыцарское копье он давно где-то потерял, где именно — и не пытался вспомнить. Шлем болтался у седла, словно ненужное ведро, вместе со щитом и секирой.

Санечка уже прикидывал, не стоит ли избавиться и от меча, но все-таки не посмел остаться практически безоружным. Какие-то опасения подспудные мешали.

Леший верхом на своем филине куда-то скрылся. Санечка не тревожился, зная, что в нужный момент Древолюб будет рядом. Заметив на другом конце большой поляны всадника, беспечный рыцарь и ухом не повел, настолько был уверен в своей безопасности. Поэтому он страшно удивился, когда всадник, вздыбив коня так, что тот загарцевал на задних ногах, громко крикнул:

— Приготовься к смерти, негодяй!

— То есть как?! — глупо переспросил Санечка.

— На этих землях слуги ледяных колоколов не живут!

— Но я не слуга...

Всадник подъехал ближе. На нем была длинная кольчуга, на груди забранная бахтерцами. Голову защищал высокий шипак с кольчатой бармицей, круглый красный щит был украшен золоченым изображением солнца. В опущенной правой руке поблескивала длинная изогнутая сабля. На этот раз противником Санечки стал древнерусский витязь.

— По одежде видно, что ты слуга Красного Колокола. Защищайся, или я просто зарежу тебя! — Всадник резко взмахнул саблей, жалобно простонал рассекаемый воздух.

Санечка затрясся, как в ознобе, вдруг поняв, что с ним не шутят. Торопливо надел шлем, обнажил меч. Противники тронули коней, столкнулись... Короткий звон, треск — и Санечка обнаружил, что его окованный железом щит раскололся на части, не выдержав удара. С трудом остановив разогнавшегося Грома, Санечка повернул навстречу незнакомцу. Тот уже мчался, высоко подняв саблю. Санечка встретил его, стоя на месте, и постарался парировать удар мечом. Это ему удалось, но меч оказался не прочнее щита. Он со звоном разлетелся на куски, оставив Санечке только бесполезную рукоять, которую тот, ругнувшись, поспешно отбросил.

Незнакомец приближался медленным шагом. Санечка с перепугу совершенно забыл о секире и дернулся было бежать, но Гром вдруг заартачился и принялся с недовольным ржанием крутиться на месте.

— Стой!.. — донесся вдруг задыхающийся крик. — Стой, Гремислав!

Санечка, который зажмурился в ожидании удара, рискнул приоткрыть правый глаз. Удара не последовало. Остановленный железной рукой незнакомца, его конь встал как вкопанный в двух шагах от Грома. Санечка с облегчением увидел, что на плече у всадника сидит взьерошенный филин, а перед самой мордой коня стоит, подняв кулаки, Древолюб.

— Чего тебе? — с видимым недовольством спросил всадник. — Я уничтожаю слуг ледяных колоколов, где только встречу!

— Не смотри на его одежду, Гремислав! Это пришелец, он не мог выбирать.

— Пришелец? — Гремислав с любопытством глянул на Санечку.

— Да. Гнилым железом он обвешался не по своей воле.

— Если ты так о нем заботишься, то почему допустил, чтобы он путешествовал один по нашим лесам?

— Как видишь, не один. Я с ним.

— Ты едва успел в последнее мгновение!

— Больше я его не брошу.

— И куда вы сейчас?

— Едем к хозяину железа. Пришельца надобно снарядить для долгого пути.

— Долгого?

— К берегам Кронийского океана...— тихо произнес леший.

Гремислав снял шлем, и Санечка увидел, что хотя он еще очень молод, голова у него совершенно седая. Правую щеку витязя пересекал синеватый рубец.

— К Железной Горе,— вместо лешего закончил Гремислав.— Значит, это и есть тот самый пришелец?

— Я надеюсь,— ответил леший.

— Мало похож.

— Он сразился со слугами Желтого Колокола во время трезвона, не испугался всех трех Колоколов. И сейчас у него просто нет другого пути. Если он хочет вернуться... он должен разбить Желтый Колокол!

— Тогда я с вами,— решительно сказал Гремислав.— Это всегда было моей мечтой— разбить один из трех Колоколов. Бог даст, она исполнится, и я смогу сказать, что жил не напрасно.

Древолюб помрачнел.

— Я не могу тебе запретить, но не советую. Ты же знаешь предсказания.

— Решено,— как бы и не слыша лешего, повторил Гремислав.— У меня, правда, есть еще небольшое дельце. Я слышал, что Гудубранд со своей шайкой бродит поблизости, а у меня с ним старые счеты. Но я догоню вас раньше, чем вы успеете добраться до кузницы.

Он хлестнул коня и сразу пропал между деревьями. Санечка растерянно моргал, ничего не понимая. Леший тяжело вздохнул:

— Тебе повезло, ты получил хорошего защитника.

— Кто это?

— Если захочет — расскажет сам...

Ночевали Санечка и Древолюб под открытым небом. Погода стояла теплая, и леший наотрез отказался залезать в дерево. Санечке после недавних встреч такая беспечность казалась рискованной.

Вот и сейчас он едва не взвился, когда из темноты прямо к костру высунулась длинная косматая морда невиданного зверя. Древолюб, хлопотавший с едой, посмотрел на нее выпученными глазами, тихонько пискнул и заячьим прыжком метнулся в кусты. Даже вечно невозмутимый филин тревожно захлопал крыльями и зашелкал клювом, а потом на всякий случай упорхнул подальше. Санечка схватился за топор, но тут чей-то елеинный голосок сладкоречиво спросил:

— Позволено ли будет усталому путнику вкусить сладные плоды отдохновения в благоприятном свете вашего костра?

Витиеватые словеса, по мнению Санечки, не предвещали ничего хорошего, он поднял свой топор и спросил, стараясь выглядеть как можно более грозно:

— Кто ты?

— Мирный купец, меряющий по воле Аллаха, всеведущего, всемогущего, пределы мира собственными шагами.

— Выходи,— опасно озираясь, приказал Санечка.

Брякнули колокольчики, и к костру вышел громадный лохматый верблюд, несущий два пухлых тюка, на которых уместился человек в пестром атласном халате и белой чалме. Санечка едва не плюнул с досады. Испугаться верблюда! Надо же... Вот только как сумел этот купец продрасть на верблюде сквозь дремучие лесные чащи, где нередко и коня-то приходится вести за собой на поводу?

Санечка поколебался немного и пригласил:

— Садитесь.

— Благодарю, о прекраснородушный рыцарь! Да не оскудеет кошель небесных благодетелей, одаривающий тебя милостынями!

Санечка поморщился. Как все-таки удалось ему подкрасться столь незаметно? Даже чуткий филин ничего не услышал. Здесь явно крылось что-то нечистое... Санечка все же отложил оружие. Купец ловко соскользнул со своего наседа, устроился у костра, скрестив ноги по-турецки, и протянул ладони к огню.

— Вы очень смелый человек, если не боитесь путешествовать по лесу ночью в одиночку,— вежливо заметил Санечка.— Ведь лесные дороги трудны и опасны.

Купец довольно ухмыльнулся, глазки его масляно заблестели.

— Я простой беззащитный торговец, но у меня есть могущественные друзья. Так что покровом безопасности мне служит не плащ мужественности. Да и оружия у меня нет, ни к чему оно мне.

— Как же так?

Купец трижды хлопнул в ладоши.

Послышался тихий шорох, словно ветерок пробежался по тонким ветвям, и хрустальный голос, подобный звону крошечных серебряных колокольчиков, ответил:

— Слушаю и повинуюсь!

Вьюк сам спрыгнул с верблюда и развязался. Перед купцом развернулось вышитое полотенце, заставленное блюдами, кувшинами и кубками.

— Угощайтесь, благородный рыцарь,— радушно пригласил торговец, вгрызаясь в жареную курицу, истекающую жиром.

Санечка последовал его примеру, наслаждаясь нежным сочным мясом. Потом купец, лукаво улыбаясь, осведомился:

— Но ведь доблестный Рыцарь Тигра тоже не страшится опасностей колдовского леса? Не так ли, э-э...

— Александр.

Купец поперхнулся сладкой пахлавой, да так, что едва не задохнулся. Слезы побежали из выпученных глаз.

— Иск-кандер! — Он отполз подальше от Санечки.— Может, ты имеешь отношение к доблестному зульту-Карнайну? Джинния, защити меня! — истощно взвизнул он. Ответом на этот раз был только веселый смех.

— Нет-нет,— поспешил успокоить Санечка.— Я совсем другой Александр, про Македонского только читал. Купец смахнул чалму и вытер испарину со лба.

Привстал и поклонился.

— Меня зовут Абу-л-Хасан ибн ан-Нуман ал-Гасани ибн Джафар ас-Садик ал-Истахри би-имр Аллах.— Санечка вернул ему поклон.— У рыцаря тоже имеется защитник?

— Защитника у меня нет,— возразил Санечка.— Зато есть друг, с которым мы путешествуем. Древолюб, иди сюда.— Санечка поразился, увидев, как вдруг разом помрачнел купец.

— Иду, иду,— проворчал леший, явно досадуя на свой испуг и поспешное бегство.— Кого я вижу! — с приторной радостью вскричал он при виде купца.

— Я тоже рад встрече,— кисло отозвался тот.

— Хасан-мошенник, тебя еще не посадили на цепь кредиторы?

— Милостью Аллаха нет,— неуверенно ответил купец.

Санечка понял, что назревают интересные события.

— Значит, торговля идет хорошо? — подозрительно ласково спросил Древолюб.

— Просто великолепно,— с фальшивым воодушевлением ответил Хасан.

— Что на этот раз везешь?

Купец совершенно увял.

— Ну, так... Разное...

— Покажи.

— Да ты кто?! Сборщик податей у подножия трона пресветлого эмира?! Или караван-баши, взимающий плату за проход в составе каравана? Кто ты такой?!

— Ты ведь сам знаешь, Хасан. Давай-давай, показывай.

— Джинни! — закричал Хасан. — Где ты?! Защити меня!

Зазвенели колокольчики смеха.

— На тебя никто не нападает, о солнце купечества! Это очень мирный леший.

Древолюб самодовольно усмехнулся и задрал нос.

— Но ведь ты обязан по договору... — заскулил Хасан.

Древолюб расправил косицы на плечах и гордо подбоченился.

— С нею мы отлично поладим, Хасан. Развязывай тюки.

Купец всхлипнул, когда оба тюка подлетели к лешему и опустились перед ним на траву. Ремни сами распустились и уползли в темноту, как змеи. Точно лягушки, из тюков начали выпрыгивать свертки тканей.

— Парча-то у тебя гнилая, — насмешливо бросил приумолкнувшему Хасану леший. — Смотри, побьют!

Следом за парчой из тюка, размахивая рукавами, вылетели несколько бурнусов.

— А это зачем в наших лесах? — не понял Древолюб.

— Кто-нибудь да купит, — вяло сказал Хасан.

А потом, уже с самого дна, вынырнули тугие полотняные мешочки, распространявшие знакомый аромат. Санечка настороженно повел носом — над поляной запахло отличным кофе.

— Та-ак, — зловеще протянул леший. — Я ведь предупредил тебя, Хасан! Сколько раз предупредил. Ну почему ты не слушаешь добрых советов?

Хасан развел руками.

Леший поднял один мешочек, покачал его на ладони.

— Много привез... Ох, Хасан, доберусь же я до тебя. Право слово, доберусь! Терплю твои проказы только до поры до времени, а потом разозлюсь по-настоящему. И тогда худо тебе придется!

Леший кинул мешочек в огонь, он мгновенно занялся пламенем. Санечка даже охнул, на Хасана было жалко смотреть. Огонь радостно затрещал, пожирая хорошо просушенные зерна. Глаза лешего тоже запылали, мрачная радость засветилась в них.

— Так будет со всяким, кто привезет адское зелье в наши чистые леса! Огонь очистит нас от зла. Смотри, даже листья на дубах сворачиваются от вредного запаха!

По мнению Санечки, это произошло только от того, что пламя взвилось слишком высоко и опалило ветви. Огорченный купец, ругаясь под нос, принялся увязывать тюк обратно. Тихонько прозвенели колокольчики смеха. Леший встрепенулся и шмыгнул в кусты.

— Куда это он? — удивился Санечка.

Хасан только рукой махнул.

Гремислав догнал их через два дня. Санечка не стал спрашивать, что он делал, а сам витязь помалкивал. Зато он рассказал другое, немного рассеяв туман, в котором блуждал Санечка. Еще недавно Рутения была счастливой страной, не знавшей горя и нужды. Дремучие леса ее были полны дичи, поля охотно приносили богатые урожаи. Города и села жили легко, в достатке и прибыли, люди не знали, что такое подневольный труд. Если и находился дерзкий, рисковавший с мечом вторгнуться в пределы страны, то витязи давали ему такой отпор, что он навсегда зарекался повторять попытку. Это если уносил ноги.

На востоке леса смыкались с Басурманскими степями, по которым кочевали орды степняков. Соблазненные богатством градов, трудолюбием и искусством ремесленников, степняки начали совершать набеги, захватывая в полон, обращая в рабство свободных людей.

Витязи порубежных застав не раз и не два отражали набеги, нанося степнякам жесточайшие поражения. В кровопролитных боях была выкована неприступность границ. Но в одночасье все переменялось. Вмешались неведомые дотеле черные силы, и басурманы начали брать верх. С самого края земли, оттуда, где солнце поднимается над твердью земного диска, привез некто Желтый Колокол. Степняки заплатили за него чинскому богдыхану неслыханную цену золотом, драгоценными камнями и рабами. Этот Колокол был отлит из желтого льда человеческого пота, звон его освящает подневольный рабский труд. Пытались витязи разыскать его и разбить, но безуспешно. Продолжает лететь над землей Рутении его грохот. И до тех пор, пока не смолкнет проклятый Желтый Колокол, будет и дальше литься пот людей, изнемогающих в рабском ярме.

Долог и труден путь к Желтому Колоколу. Дорога идет через леса и степи, через реки и горы. Кого только не встретишь на этом пути: одноглазых людей аримаспов, собакоголовых, Гога и Магга... Еще дальше идет холодная каменная пустыня, в которой живут грифоны, выкапывающие золото из земли. И на самом берегу серых ледяных волн Кронийского океана, вечно затянутого клубящейся пеленой ядовитых испарений, стоит гора, выкованная неведомыми мастерами из чистого железа. На ней построена басурманская кумирня, украшенная человеческими черепами. В той кумирне и висит Желтый Колокол.

Опасный путь никому еще не удалось пройти до конца. Поговаривают, что чужое зло не одолеть никому из жителей Рутении, что с ним бороться должен чужак, потому что и принесено оно тремя чужаками, надругавшимися над святыми заветами. Но сам Гремислав в эти сказки не верит...

Внимательно слушающий Древолюб в этом месте недовольно фыркнул. Гремислав покосился на него, но не прервал рассказа.

...Сам он готов попытаться разбить Колокол, хотя сделавший это должен жизнью заплатить за подвиг.

Каждый год по Басурманским степям на север уходит караван, везущий кожаные бурдюки, наполненные потом тысяч рабов. И с каждым годом Желтый Колокол становится все больше и больше, гул его разносится все дальше и дальше, новые и новые рабы попадают в неволю к безжалостным хозяевам. Если не остановить рост Колокола, то придет день, когда на всей земле не останется свободных людей...

Кузница показалась неожиданно. Посреди поляны, вращая краями в землю, горбатилась поросшая мхом крыша низенькой землянки. Рядом стоял навес, под которым курился синеватым дымком кузнечный горн. Тут же лежал целый ворох только что откованных вещей — подковы и тележные оси, бороны, лемехи плугов.

— Дома мастер, — удовлетворенно сказал Гремислав.

Леший спрыгнул с филина, быстро увеличился до обычных размеров и подошел к двери землянки. Заметно робея, постучал.

— По здорову ли, хозяин?

Дверь приоткрылась, и оттуда вылетел огромный филин. При виде его Зорковид радостно заухал. Птицы смотрели друг на друга и прямо-таки танцевали в воздухе.

— Кто там? — раздалось недовольное бурчание.

— К твоей милости, — медовым голосом ответил леший.

В дверь просунулась всклокоченная голова.

— Ты, что ли, Древолюб?

— Я самый.

— Тогда понятно, куда моя сторожиха подевалась. Опять твой мошенник крылатый ее сманил!

— Он, батюшка. Выйди на минуту. Дело есть.

Дверь землянки со скрипом отошла. Кузнец оказался именно таким, как его представлял себе Са-

нечка. Высокий, широкоплечий, в прожженной одежде, подпоясанный кожаным фартуком. Кудлатая черная борода почти полностью скрывала лицо.

— Чего тебе, беспокойная душа? — Потом он увидел Гремислава и приветствовал его: — По здоровью ли, витязь? Верно ли служит тебе моя броня?

Гремислав поклонился.

— Благодарю, хозяин. Верно. Когда б не она — давно бы меня в живых не было!

— Заплатил ли ты свой долг?

Злые искры сверкнули в глазах седого витязя.

— Нет еще.

— Тогда удачи тебе в святом деле!

Леший дождался окончания разговора и льстиво попросил:

— Помоги нам, хозяин железа.

Кузнец, прищурившись, посмотрел на него.

— Нужно снарядить этого воина, — Древолюб указал на Санечку.

— Это чучело? — поморщился кузнец. — Ишь, обвешался гнилым железом да еще ко мне посмел заявиться!

— Не смотри на это, хозяин, — возразил Гремислав. — Просто он еще ничего не знает. Но даже в этом облике он разогнал басурман и освободил полон!

— Пришелец? — Кузнец оценивающе посмотрел на Санечку.

— Да, — подтвердил леший.

— И зачем ему броня?

— Мы попытаемся найти Железную Гору, — рискнул подать голос Санечка.

— Но почему Желтый Колокол? — не понял кузнец. — Ведь Красный много опаснее.

— Он выступил против слуг Желтого.

— Ты веришь легенде о пришлое воине? Уж кому-кому, но тебе-то следовало быть немного умнее.

— Почему? — обиделся леший.

— Разве может пришелец справиться с нашей болью? Чужаку не понять ее.

— Я не чужак! — Теперь обиделся Санечка.

— А если не чужак, зачем обрядился в эту пакость? — Кузнец еще раз внимательно осмотрел Санечку с ног до головы, но, кажется, остался не слишком доволен. — Вот конь у тебя хорош, спору нет. Остальное же... — Он пренебрежительно сморщился. — Давай свои железки и благодари друзей, иначе я не стал бы помогать тебе. Так и быть, очищу их от гнили. Давай-давай! — прикрикнул он, видя, что Санечка замешкался. — Ты надеялся на этот хлам? Напрасно. Смотри! — Кузнец взял поданный ему шлем и без труда разорвал его надвое, словно бумажный. — Вот оно, иноземное железо. Ни крепости, ни гибкости, только звук один.

Увидев такое, Санечка безропотно поспешил скинуть панцирную рубашу, отбросил в сторону топор и кинжал. Не прекращая бурчать под нос, кузнец взял лежавший на наковальне возле горна брусок синеватого железа и принялся разминать его в руках, точно глину. Санечка уже ничему не удивлялся. Между тем не прошло и пяти минут, как кузнец подал ему островерхий граненый шлем.

— Примерь.

Санечка попробовал. Шлем был именно таким, какой требовался.

— А он крепкий? — сорвалось невольно с языка. Уж больно легко мялось железо под пальцами кузнеца.

Тот довольно усмехнулся.

— Вот теперь я и сам вижу, что ты пришелец. Гремислав, покажи ему, прочен ли мой шлем.

— Это же хозяин железа, — с упреком произнес леший. — Как ты можешь сомневаться?

Гремислав весело сверкнул глазами, взял шлем и поставил его на камень перед собой. Потом наотмашь,

с отяжкой, ударил саблей. Раздался протяжный чистый звон, как от хрустального кубка. Сабля отлетела в сторону, едва не вывернув витязю кисть. Санечка устоялся на шлем — ни единой щербинки. Но когда Гремислав показал ему саблю, Санечка поразился еще больше — и на лезвии не появилось ни малейшей зазубринки!

— Теперь убедился? — ехидно спросил кузнец.

— Убедился, хозяин железа, — смущенно произнес Санечка. — Прости.

— Подождите до завтрашнего утра, — сказал кузнец. — К себе не приглашаю, во время работы железо не терпит чужого взгляда.

— Каждый человек рождается талантливым, — убежденно сказал Древолюб, вороша угли в костре. Пламя затрещало и выбросило ворох золотых искр, красные отсветы заплескали на лицах путников. — Нет людей простых и обычных. Но кто-то свой талант находит, а кто-то для этого слишком ленив. Или труслив... Мне ближе те, кто понимает язык зверей и шорох листьев. Хозяин железа принадлежит к другим, но я уважаю его умение. Он родился с железом в крови. — Леший прислушался к мерным ударам молота. — И всякое железо подчиняется ему, послушно его рукам. Сам же он неуязвим для любого оружия, может разорвать любую цепь. Вот поэтому он и не боится жить один в лесу. — Санечка только головой pokrutil, слыша такое. — Да, он великий мастер. Одна капля его крови без следа затягивает любую трещину на мече или шлеме. Но хозяин железа не любит оружия и делает его только при крайней нужде...

Бесшумно, как привидение, из темноты возник филин. Сел на плечо к лешему, склонился к уху и торопливо зашелкал клювом. Леший заметно встревожился.

— Басурман кто-то известил, — раздраженно сказал он. — При выходе из леса они караулят нас. И они привели с собой... — Он замолк, а потом шепотом попросил филина: — Посмотри, что там дальше на дороге.

Санечка ожидал, что филин полетит на разведку, но тот не тронулся с места, лишь отвернулся от костра, расправил крылья и весь напрягся. Леший поднял его на вытянутой руке, и филин громко заухал. Санечка почувствовал озноб. Все-таки было в голосе Зорковида нечто потустороннее.

— Дальше все спокойно, — перевел Древолюб. — Поле чисто, и в городе аримаспов никто ничего не ведает.

— Аримаспов? — не поверил Санечка. — Они что, действительно существуют?

— Конечно, — убежденно ответил леший.

— А что в землях грифонов? — спросил Гремислав.

— Там сейчас день.

— Так далеко он видит?! — восхитился Санечка.

— Иначе его не называли бы Зорковидам, — терпеливо пояснил леший. — Филин — птица ночная, и Зорковид видит все земли, в которых сейчас царит ночь, как бы далеко они ни находились. Но туда, где светит солнце, его взгляд не проникает.

— Значит, кто поджидает нас у Железной Горы, он сказать не может, — мрачно заключил Гремислав. — Увы, нет.

Наутро перед Санечкой лег полностью законченный доспех.

— Ни один вражеский меч не пробьет, — гордо сказал кузнец, глядя, как Санечка натягивает кольчугу.

— Благодарю, хозяин железа, — поклонился тот.

— А вот оружие, выбирай, — кузнец протянул две тяжелые сабли. Золотая рукоять одной переливалась многоцветьем драгоценных камней. Простая косяная рукоять второй завершалась матовым железным шариком. Санечка потянулся было к золотой, но руку обожгло холодом.

— Я выбираю эту! — твердо сказал он, беря в руки простую саблю.

— Угадал, — усмехнулся леший. — Но ты, хозяин, мог бы и не устраивать этого испытания.

— Нет, не мог, — возразил кузнец. — Я должен твердо знать, к кому попадет мое оружие. В рукоять сабли вложена щепоть нашей земли. Она направит руку и придаст удару неотразимую силу в бою за правду, сделает его метким, укрепит в минуту усталости. При крайней нужде она поможет. Но именно при крайней. Без надобности чудеса не совершаются, — усмехнулся он.

— Щедрый дар, — согласился Древолюб.

— Для большого дела, — возразил кузнец.

Санечка еще раз поклонился.

— А мне ты такого подарка не сделал, — с затаенной обидой заметил Гремислав.

— Ты получил именно то, что просил, — возразил кузнец.

Гремислав вздохнул, опустил голову и тихо промолвил:

— Ты прав. Мне требовалось оружие мести.

Кузнец ненадолго задумался, потом повелительно сказал Санечке:

— Дай мне ее на минуту.

Санечка протянул саблю. Кузнец поднял ее вверх, полюбовался сверкающим в лучах утреннего солнца лезвием и неожиданно резанул себя по левой руке. Струйка дымящейся крови пробежала по лезвию, впитываясь в металл, как вода в сухой песок. На мгновение клинок окрасился багровым, потом снова заблестел холодной синевой.

— Возьми, — кузнец вернул саблю Санечке. — Теперь ей не страшны никакие удары. Ни железо, ни камень не сломают ее. Но бойся употребить ее во зло! Санечка молча поклонился в третий раз.

Хотя они, по словам Древолюба, приближались к опушке, лес становился все гуще и мрачнее. Дубы постепенно сменялись седыми елями, между которыми все чаще мелькали странные деревья с коричневыми лохматыми стволами, напоминавшими пальмы. Их листья походили на большие зеленые пилы и были такими же жесткими и острыми. Санечка имел несчастье убедиться в этом, неосторожно задев один такой листочек и до крови распахвав ладонь. Длинные полосы листьев на концах набухали грязными почками размером с хорошее ведро. Листья плавно кольхались, хотя ветра и в помине не было, а почки жадно тянулись к всадникам. Гром и Сильный — так звали коня Гремислава — нервно фыркали, прядали ушами, тревожно озирались.

Внезапно, как и всегда, появился филин. Балансируя крыльями, уселся на луку седла Санечки. Леший, судорожно вцепившись в гриву Грома, недовольно сказал:

— Мне это не нравится. Какой-то чужой лес. Я перестал его чувствовать, в нем решительно все переменялось. Раньше мне приводилось посещать эти места, зла здесь не было, а теперь появилось. Чужие деревья закрыты для меня... Это страшно и тревожно.

Ответить Санечка не успел. Справа между деревьями замелькали зеленые фосфорические огоньки, раздался заунывный скрипучий вой. Гром дико заржал и помчался вперед, не разбирая дороги. Сильный тоже рванулся было, Гремислав удержал его. Но видя, что Санечке грозит опасность, помчался вдогонку.

Зубчатый лист хлестнул Санечку по лицу, рассек щеку, кровь брызнула струей. Он болезненно вскрикнул. В ответ послышался издевательский хохот, перемежающийся с леденящим душу воем. Неизвестно, чем кончилась бы безумная скачка, если бы твердая рука лешего не перехватила повод. Железные удила рванули нежный рот коня. Гром задрал голову и заплескал на месте. Подлетел запыхавшийся Гремислав.

— Все в порядке?

— Обошлось,— коротко ответил Санечка, стыдясь собственной неловкости. Не справиться с конем!

— Смотрите,— предупредил встревоженный леший.

Лес озарился призрачным светом, в котором заметались резкие черные тени. Они кружили вокруг всадников, точно вынохивали что-то.

— Вот это уже привычно и понятно,— криво усмехнулся Гремислав, обнажая саблю.

Огромный серый волк выскочил из-за дерева и бросился на Сильного, норовя вцепиться ему в горло. Свистнуло лезвие, разрубив волка надвое. Голова, завывая и щелкая зубами, отлетела в одну сторону, задняя половина туловища — в другую. Но не пролилось ни капли крови.

Гремислав еле уловимым движением стремян послал коня вперед.

— Догоняйте. Это оборотни,— он настороженно оглядывался.

— Нет, это что-то другое,— возразил Древолюб, летевший на филине рядом с Санечкой.— Обычные волки — мои знакомые, они не напали бы. Обратней я чую за пять верст, мы обошли бы их. А здесь... Я словно проваливаюсь в бездонную черную пропасть. От этих волков пахнет деревом.

Филин с хриплым «фу-бу!» вдруг заложил крутой вираж, едва не стряхнув наездника, и полоснул крепкими когтями по морде другого волка. Тот с отчаянным визгом кинулся за деревья.

Санечка, окончательно справившись с конем, тоже достал саблю из ножен.

— Становится интересно,— опасливо сказал он.

— Лучше поспешим,— оборвал его леший.— Нам нужно выбраться из этих зарослей до наступления темноты.

Следующий волк обрушился на Гремислава откуда-то сверху. Санечка мог бы поклясться с чистой совестью, что зверь просто спрыгнул с дерева. Но ведь волки не умеют лазать по деревьям! Витязь отбросил хищника ударом щита. Волк долго рычал в зарослях, но больше нападать не осмелился.

— Заколдованный лес,— недовольно заметил Гремислав.— Раньше на нашей земле черное колдовство не удерживалось.— Он выразительно погрозил саблей еще одну волку, выглянувшему из-за дерева. Зверь спрятался, точно понял этот жест.

— Надо убраться как можно быстрее,— согласился Санечка, подхлестывая Грома.

И началась сумасшедшая гонка. Листья-пилы старались подрезать ноги коням, тонкие ветки хлестали всадников по лицу. А вокруг разносились душераздирающие переливы вольего пения. Санечка в сердцах ударил саблей по стволу и поразился легкости, с которой перерубил дерево...

Наконец запаленные кони выбрались на большую поляну и встали, отказываясь скакать дальше.

— Приехали,— угрюмо сказал Гремислав, спрыгивая на землю.— Я полагаю, бой лучше принять здесь, а не в зарослях. По крайней мере видно, с какой стороны грозит опасность. А уйти просто так нам не дадут, это очевидно.

— Вот они.— Леший принял обычные размеры и стоял рядом с лошадьми.— Мерзкие создания!

Санечка тихо охнул и отступил на шаг. Деревья по краям поляны переплели ветви в непроницаемую завесу. Те из листьев, которые завершались почками, жадно подались вперед, и почки с резким щелканьем начали лопаться. Но не цветы появлялись из них, а ощеренные волчьи головы — с красными пастями, вздыбленной шерстью, сверкающими глазами.

— Волчий лес... Слышал о нем, однако и помыслить не мог, что приведется сюда попасть.— Гремислав деловито попробовал лезвие сабли.— Мало кому удавалось вырваться из его гибельных чащоб.

— Но ведь он растет к востоку от Басурманских

степей! — с возмущением крикнул леший.

— Теперь, как видишь, он растет и здесь.

Из зарослей вылетели пятеро волков и, не переставая духа, бросились на путников. Двое из них были немедленно зарублены, третьего разорвал железными руками Древолюб, четвертый, глухо рыча, сцепился с филином. Но пятый... Санечка обернул. Пятый повис на спине Гремислава, каким-то чудом сбил с витязя шлем и уже готовился запустить клыки в незащищенный затылок. Не помня себя, Санечка рванулся на выручку и руками отбросил волка в сторону. Растерявшегося зверя тут же пригвоздила к земле сабля Гремислава. Тем временем справился со своим противником и Зорковид. Кровавое побоище привело волчьи головы на деревьях в неистовство. Они истошно выли, клацали зубами. То одно, то другое дерево принималось дрожать, как в лихорадке, почка раскрывалась еще шире, и из нее на землю вылетал матерый волчище.

Гремислав поднял шлем, надел его и полоснул саблей по воздуху.

— Пусть идет. Им дорого обойдется сегодняшний бой.

— Еще дороже он обойдется нам,— вздохнул Санечка.

— Постой-постой...— Леший торопливо опустился на колени и принялся.— Кажется, я чую его...

— Кого? — не понял Санечка.

— Он должен быть совсем рядом... — пробормотал леший, ничего не замечая, и принялся копать землю, да так проворно, что только черные комья в воздухе замелькали.

Волки снова кинулись в атаку, и вновь две сабли отбросили их прочь. Между тем стало заметно темнее.

— Когда совсем стемнеет, все закончится,— грустно заметил Гремислав.— А я так и не успел отомстить.

Санечка промолчал.

Леший тем временем вырыл глубокую яму и полнотью в ней скрылся. До Санечки долетало лишь невнятное бурчание. А волки постепенно сжимали кольцо. Не торопясь нападать, они осторожно подкрадывались все ближе и ближе. Но вот из ямы вылетел перемазанный глиной Древолюб, и тотчас Санечка услышал звонкое журчание водяной струйки.

— Родник! — радостно крикнул леший. Он потрясал огромным камнем, вытасненным из ямы.

Волки замялись. Они ходили кругами, завывали и явно трусили. Леший отшвырнул камень, выхватил у Санечки щит, зачерпнул им, как гигантской чашей, и выплеснул воду на волков. Те в ужасе шарахнулись в разные стороны, точно это была не прозрачная ключевая вода, а kloкочущий кипяток. Но подействовала родниковая вода сильнее кипятка. Трое или четверо волков, жалобно скуля, закрутились на месте — на них попали брызги.

— Так их! — мстительно крикнул Гремислав.

Леший еще раз облил волков, и они мгновенно превратились в облачка вонючего черного дыма. Остальные, видя их печальную судьбу, как по команде, повернулись и скрылись в зарослях.

— Что с ними? — удивился Санечка.

— Неужели ты не знаешь, что чистая родниковая вода губительна для всякого черного колдовства? — в свою очередь поразился Гремислав.— Если находишься под охраной родника, то можешь не бояться ничего. Самые вредоносные чары рассеются безвредным туманом, коснувшись воды.

Гремислав оказался прав — ночь прошла спокойно. Санечка все-таки проснулся раз пять, но все его тревоги оказались напрасными. А наутро он изумленно смотрел на зажившие без следа ссадины и царапины.

Перед отъездом они укрепили родничок камнями, чтобы его больше не заваливало. Вытирая пот со лба, Гремислав удовлетворенно сказал:

— Отсюда начнется гибель волчьего леса.

Действительно, там, куда за ночь пробился родник, волчи деревья начали желтеть и сохнуть. Их листья скрутились в трубочки, а зубастые головы рассыпались едкой трухой, напоминающей спорыню.

Гремислав предусмотрительно набрал воды в себрюную фляжку.

— Пригодится!

Рано или поздно все кончается, кончился и кошмарный колдовской лес. Обрадованные кони сразу перешли на резвый галоп, вырвавшись из-под хмурого полога. Порыв теплого ветра ударил в лицо, и Санечка почувствовал, как шитый золотом плащ затрепетал за плечами. Он отпустил поводья, доверившись Грому, и понесся навстречу солнцу.

— Стой... Стой...— донеслось сзади.

Санечка вернулся, чуточку смущенный своим мальчишеством.

— В чем дело?— спросил он Гремислава, делая невинное лицо.

— Да, видишь ли...— вместо витязя ответил леший.— Кончились мои леса. Я ведь живу только в чащобах, в степь не выглядываю. Зорковид тоже птица лесная, открытых мест избегает. Значит, пора нам прощаться, Александр.

— Как?!— недоуменно спросил Санечка. Он настолько привык к обществу лешего, что просто не представлял себе путешествие без него. К тому же сразу возникло множество вопросов. Например, где и как добывать пищу. До сих пор об этом думать не приходилось. По приказу Древолюб белки приносили им орехи, ежи доставляли грибы. Дикие яблоки на глазах наливались сахаром, и яблони услужливо подавали их прямо в руки. Древолюб жил в ладу и мире со всем лесным народом, и путники пользовались этой дружбой.

Погрустневший Древолюб пожал плечами.

— Гремислав хорошо знает эти места. Он проводит тебя.

— О да!— лицо витязя потемнело от гнева.— Я много времени провел здесь, изъездил этот край вдоль и поперек!

У Санечки по спине пробежал холодок. Он впервые подумал, что Гремислав слишком сильно хочет отомстить и ради этой мести способен забыть обо всем на свете. Санечка предпочел бы, чтобы рассудительный и никогда не теряющий головы Древолюб не покидал их.

— Но все-таки...— Санечка не договорил, пристально посмотрел в глаза лешему. Тот заколебался.

— Это, конечно, плохо... Ведь мы начали путь вместе, и я хотел бы... Но степь, проклятая степь!.. Где ты видел лешего в степи? Там властвуют другие духи, неведомые и непослушные мне. А наш род от века живет в чащобах и глухомани...

Филин вдруг неодобрительно зашелкал клювом, вспорхнул на плечо лешему и ущипнул его за ухо. Древолюб недовольно скривился.

— И ты против меня?— укорил он филина.— Ты же лесная птица!

Зорковид снова дернул его за ухо.

— Ладно,— сдался Древолюб.— Поехали дальше. Пусть теперь Зорковид летит впереди, сам напросился. Могут быть засады.

— Садись,— предложил Гремислав.

Леший легко запрыгнул на шею Сильного, усевшись перед седлом. Зорковид описал круг над их головами и умчался вдаль.

— Вперед!— Гремислав свистнул, и застоявшиеся кони рванули с места.

Заночевать решили в небольшом овражке, спустившемся к тихой мелководной речке. Зорковид, об-

летевший все окрест, не обнаружил никакой опасности. Яркое степное солнце было все-таки слишком сильным для него, и он предпочитал отсиживаться у Санечки под плащом, вылетая только в сумерках. Если его вытаскивали наружу днем, он недовольно шурился на солнце и протестующе ворчал. Гремислав на всякий случай промывал ему глаза родниковой водой, снимая воспаление. Но по вечерам Зорковид, используя свое чудесное зрение, тщательно просматривал степь на много верст вперед: Древолюб постоянно чего-то опасался, сам точно не зная чего.

— Перестаньте вы беспокоиться,— беспечно отмахнулся Санечка, спрыгивая с коня.— Никого же поблизости нет! Мы давно заметили бы врага, попытайся он подкрасться.

— Ты не бывал в этих местах и потому так неосторожен,— укоризненно заметил Гремислав.— Никто не поручится, что сейчас из зарослей ковыля степняка не направляет стрелу прямо тебе в грудь.

Санечка стремительно обернулся и нервно рассмехался.

— Ты странно шутишь, Гремислав!

— Какие там шутки?— хмуро вставил леший, ласково поглаживая Зорковиду.— Запомни, Александр: это чужая земля, ненавидящая нас. Здесь на каждом шагу надо опасаться подвоха и предательства.

— Челуха,— не сдавался Санечка.— Вот позже, когда мы придем к самому Желтому Колоколу, разумеется... А сейчас, на самой опушке лесов, вряд ли есть повод для беспокойства.

— Ты помнишь, как мы с тобой встретились?— спросил леший.

Санечка подозрительно взглянул на него.

— На что намекаешь, Древолюб?

— Если я могу скрываться в дереве, то почему бы и нашим врагам не использовать для укрытия камни, реки, саму землю в этих степях? Днем мы видели каменную бабу на кургане. Могу поспорить, что степняки уже знают о нашем приближении.

Санечка резко поднялся, скрывая смущение.

— Схожу-ка я лучше за водой...

Выйдя к речке, он невольно засмотрелся на тихую воду. Лишь там, где поднимались камышинки, было заметно, что река все-таки течет: вокруг стеблей на речной глади виднелись мелкие морщинки. А так река напоминала длинное черное зеркало. В нем отражался неправдоподобно яркий, словно прожектор, месяц. Россыпь сверкающих звезд переливалась, как небрежно брошенная пригоршня сверкающих камней.

Неожиданно черная тень поползла по реке, проглатывая отражения звезд. Санечка невольно вскинул голову... и в упор натолкнулся на ненавидящий взгляд чужих глаз. Он хотел крикнуть, но жесткая колючая веревка из конского волоса сдавила горло, и вырвался только придушенный хрип.

Санечка лежал с закрытыми глазами, размышляя, почему все тело у него болит, словно изрезанное ножами. Попал в автомобильную катастрофу и теперь находится в реанимации? Хотя какая, к черту, реанимация в мире, не знающем автомобилей... Или все это путешествие только мерещится ему? Тогда снова вполне возможна больничная палата. Нужно лишь открыть глаза, и наваждение рассеется. Итак, где же больничная койка? Он протягивает руку...

Тягостные размышления были прерваны потоком затхлой вонючей воды, обрушившимся на голову. Вода попала в рот и нос. Санечка захлебнулся, надсадно закашлялся и открыл глаза. Прямо над ним склонилось плоское желтое лицо с раскосыми глазами. Бугристый красноватый шрам пересекал лоб, оттягивая уголок правого глаза и скрываясь на виске.

— Очнулся, сволочь?— произнес гортанный голос со странным акцентом.

Сильный удар обрушился на ребра. Санечка невольно застонал. Ответом был взрыв мерзкого хохота.

— Поднимайся!..

Сильные руки с пальцами, похожими на железные когти, рванули Санечку за плечи, ставя на ноги. Он застонал, пошатнулся, однако новый безжалостный удар помог ему устоять.

— Осторожно, Гимпарс, эта тварь нужна Ослепительному живой,— послышалось издали.

— Отвяжись, это моя добыча, я сам получу право слизать пыль с сапог Ослепительного. Тебе, Гайсир, останется лишь обнюхать хвост моего коня! — огрызнулся воин со шрамом.

Санечка с ужасом вспомнил, где видел его раньше. В сожженной деревне! Если теперь вспомнит старшего знакомого и Гимпарс, Санечке придется плохо. Одна надежда — под глухим шлемом степняк мог не разглядеть его лица...

— Я вобью эти слова обратно в твою грязную глотку! — рявкнул Гайсир.

— Попробуй! — Гимпарс выхватил из ножен широкий кривой меч.

— Ты забыл поучения Божественного Воителя? Хочешь валяться с переломанным хребтом?

— Еще раз говорю: попробуй! — На губах Гимпарса выступила пена.

— Потом, потом... Сейчас Ослепительный ждет пленника.

Гимпарс недовольно заворчал и толкнул Санечку в спину.

— Иди.

Санечка, пошатываясь, побрел между кострами степняков, направляемый чувствительными толчками в спину. Возле каждого костра спали по два-три воина. Все же, как он определил на глаз, степняков было сотни полторы. У многих виднелись заскорузлые окровавленные повязки. Похоже, набег получился неудачным, их основательно потрепали, и орда возвращалась без добычи и славы. В таком случае на пощаду рассчитывать не приходилось... Непонятно только, как Зорковид не обнаружил такую большую толпу. Или леший был прав, говоря, что степь укрывает своих хозяев, как лес — своих?

Посреди кольца костров высился ковровый шатер, у входа в который замерли четверо стражников.

— Ослепительный повелел недостойному рабу привести пленника,— сказал Гимпарс.

Ответом был величавый кивок стражника, и Гимпарс, опустившись на четвереньки, проворно заполз в шатер. Через некоторое время он, пятясь, выполз обратно и сильным ударом заставил Санечку опуститься на колени.

— Ползи за мной, нечестивый!

Приказ тут же был подкреплен ударом дубка копыя по спине. Санечка счел за лучшее подчиниться и пополз за Гимпарсом, уткнувшись лбом в грязный ковер. В шатре Гимпарс трижды стукнул головой о землю и почтительно сообщил:

— Твое повеление выполнено, Ослепительный.

— Вижу,— произнес старческий брюзгливый голос.

Санечка рискнул немного приподнять голову. На невысоком золотом восьмигранном табурете (или как там называется это подобие трона?) сидел заплывший жиром человек в засаленном парчовом халате. Лицо его было закрыто чем-то вроде легкой чадры.

— Мои воины захватили его, отомстив за бесчестье,— льстиво зажурчал Гимпарс.

— Значит, именно этот сопляк разогнал твоих баб в той деревне? — недоверчиво спросил сидевший на троне.

— Это могучий и сильный рыцарь, Ослепительный. Рыцарь Льва.

Санечка чуть не вскрикнул. Теперь следует готовиться к самому худшему. Все-таки узнали!

— Рыцарь? — Ослепительный тяжело сопел, гово-

рить ему было очень трудно, излишки жира прямо-таки душили его. Может, потому и голос был высоким, как у евнуха. — Какой это рыцарь... Мальчишка. И твои бараны бежали от него... Позор!

— Мы отомстили, Ослепительный.

— Дурак! Я прикажу дать тебе палок.

— Милость твоя безмерна, Ослепительный.

Ослепительный, астматически похрюкивая, задумался. Придя к какому-то решению, распорядился:

— Гимпарс, пошел вон! Пусть тебе дадут десять золотых за поимку пленного.

— Благословенна щедрость Ослепительного.

— И десять палок тоже!

— Счастливы слышать волю Ослепительного.

— Пошел, собака.

Гимпарс резво выполз из шатра. Ослепительный какое-то время сидел молча, деловито потирая живот. Было заметно, что перевариванию пищи он придает очень большое значение.

— Садись,— покончив наконец с массажем, приказал он Санечке.

Тот осторожно уселся на ковре перед тронем. (Или все-таки табуретом?) Ослепительный посопел еще немного, а потом неожиданно спросил:

— Ты пришел?

— Да-да,— от неожиданности вырвалось у Санечки.

Ослепительный удовлетворенно хрюкнул.

— Я не ошибся. Только Колван Гимпарс мог принять тебя за слугу Красного Колокола! Но я мудр и велик, моему взору открыты самые сокровенные тайны... Сейчас ты вместе с друзьями идешь на север. Каменных дух Шаргокана открыл мне это. И на берегу Кронийского океана вы будете искать Желтый Колокол, чтобы разбить его. Посмей сказать, что я не прав!

— Ты прав,— коротко ответил Санечка, не считая нужным титуловать собеседника.

— Зачем?

— Чтобы освободить людей.

— Ты полагаешь, что все дело в колоколе? Он всего лишь символ! Если человек раб по натуре, он обязательно найдет себе хозяина. Независимо от того, звонит колокол или нет!

— Пусть так,— дерзко ответил Санечка.— Но мы будем бороться и с символом, и с самозванными хозяевами.

— Бороться? — Ослепительный явно наслаждался беседой.— Но нужна ли твоя борьба людям? На смену мне обязательно явится новый хозяин из вчерашних рабов. И новое рабство станет еще более ужасным, потому что бывший раб начнет мстить за недавнее унижение. Ты подумал об этом? Не лучше ли оставить порядок неизменным?

— Нового хозяина тоже можно свергнуть.

Ослепительный засмеялся, сотрясая жирные телеса.

— Убить, чтобы убить, чтобы убить, чтобы убить... Не слишком ли кровавый путь для освободителя?

— Для того и нужно уничтожить самый символ рабства, чтобы разрушить веру. Человек не раб хозяина, он раб собственной веры в неизбежность хозяина.

— Веры! Это ты правильно подметил,— с энтузиазмом подхватил Ослепительный.— Ваш народ истово верит в доброго хозяина. Если его нет, его выдумывают, лепят хотя бы из дерьма, чтобы только был! Вы просто рветесь посадить кого-нибудь себе на шею и, следовательно, обречены повиноваться, обречены на рабство! Таково предначертание судьбы для всей Рутении.

— Ты лжешь! — гневно вскричал Санечка, вскакивая.

— Может быть... — неопределенно заметил Ослепительный, не шелохнувшись.— Ты знаешь, кто ты такой? — неожиданно спросил он, подавшись вперед, едва не стекая с трона.

— Н-нет,— снова запнулся Санечка.

— Не помнишь прошлого, не догадываешься о будущем?— в голосе Ослепительного послышалось, ехидство.

— Нет,— убито ответил Санечка, снова опускаясь на ковер.

— Рыцарь Льва... А также Тигра, Барса, Леопарда... Угадал?

Санечка кивнул. Хотя живот Ослепительного и запыл жиром, голова у него работала отлично.

— Но тебя никто не называл... Рыцарем Рыси?

— Нет.

— Зря. Я сразу узнал, тебя царь Линх!

Санечка едва не опрокинулся на спину. Он — царь?!

— Не может быть!

— Может и есть! Обратное превращение из рыси не прошло для тебя даром, ты все напрочь забыл. Но память о твоих деяниях люди старательно сохранили, о царь! И потому меня совершенно не удивляет твое превращение в слугу Красного Колокола. Хищный нрав царя Линха приводит в трепет даже нас!

Санечка мучительно пытался вспомнить, кто такой царь Линх. Какая-то греческая легенда... Людоед он был, что ли?

— Нет,— решительно отказался Санечка.

— Мне лучше знать,— твердо сказал Ослепительный, махнув рукой.— Только поэтому ты сидишь здесь, а не на колу. Разве я позволил бы простому нечестивцу приблизиться к моему шатру? Пусть сейчас у тебя нет своего города, за тобой не стоит войско, но мы, владыки, верны священному долгу. И я помогу тебе, царь. А придет черный день — и ты поможешь мне.

Санечка размышлял. Что все-таки с ним случилось? Может, его аналог в этом мире действительно царь Линх? Ведь зачем-то подсунили ему именно рыцарские доспехи, а не броню витязя?

Решив, что он колеблется, Ослепительный улынулся.

— Я прошу совсем немного, царь. Сущий пустяк.— Его голос задрожал от ненависти.— Ты пришел в степь с моим злейшим врагом, князем Гремиславом! Трижды проклятый витязь, все силы ада на его голову! Помоги мне справиться с ним, и мое войско вернет тебе твои законные владения!

— Почему же твое войско не поможет тебе справиться с князем?

— Его ведет клятва мести! Я спалил его город, убил его жену, детей продал в рабство. И он поклялся отомстить. Хозяин железа сделал ему заколдованную саблю, в рукоятке которой капли крови его родных. Пока эта сабля не познает моей крови, Гремислав не успокоится. С ним постоянно странствует злобный лесной колдун. Против черного ведовства, которое бережет их в лесных чащобах, да и в степи тоже, мои воины бессильны. Я не могу постоянно жить под висящим топором!

Санечка словно по щекам надавали. Однако, стараясь выглядеть невозмутимым, он спросил:

— И как я могу помочь тебе?

Ослепительный фыркнул, словно лошадь.

— Очень просто. Я не прошу у тебя голову Гремислава. Царь, тебе достаточно подсылать ему в питье щепотку порошка из Чинской земли — и все кончится. Чины — великие мастера составлять различные зелья. А леший меня не беспокоит, один он ничего не делает.

— Ты хочешь отравить Гремислава,— медленно произнес Санечка.

— Да,— жестко подтвердил Ослепительный.— И не говори, царь, что это тебе не по силам. Все знают, что на тебе лежат грехи куда более страшные.

Санечку словно кипятком обдало.

— Но не предательство!.. А если откажусь?

— Тогда я отдам тебя Гимпарсу. Дурак жаждет

отомстить за свое позорное поражение и будет очень изобретателен. Мы не жестоки, тебя не убьют. Но ты сам будешь звать смерть как избавительницу. И не дозовешься.

— У меня небогатый выбор,— усмехнулся Санечка.— Но подумать я могу?

— Не слишком долго, царь. Твое отсутствие может вызвать тревогу в лагере.

— Я не буду думать слишком долго, Ослепительный. Но как тебя зовут? Неудобно обращаться к тебе, не зная имени. Я даже лица твоего не вижу, а ты знаешь обо мне все.

Ослепительный снова заколыхался от смеха.

— Зачем тебе мое имя? Чтобы получить тайную власть надо мной? Нет. А лицо... Я ведь Ослепительный, черви у моих ног недостойны лицезреть его. К тому же мое сердце полно жалости, они могут ослепнуть от сверкания, подобного солнечному.

Санечка глубоко вздохнул и встал.

— Мне больше нет нужды думать, мой ответ короток: нет.

— Нет! — не веря собственным ушам, переспросил Ослепительный.— Подумай! Ты же царь! Тебя ждет золотой венец и власть.

— Все равно нет.

— Ты чужой в этой стране, тебя не должны волновать ее заботы. Думай только о себе!

— Ты снова ошибся. Я не чужой в этой стране.

— Линх! Ты...— По выражению лица Санечки Ослепительный понял, что все уговоры бесполезны, и трижды хлопнул в ладоши.— Гимпарс! — крикнул он появившемуся сотнику.— Забери пленника, он твой. Если передумает — пришли ко мне. И еще. Если он умрет раньше, чем через двое суток, ты заплатишь своей шкурой. А ты, Линх, запомни, что убивает не только железо, но и слово. Слово! Ты ведь все равно умрешь предателем.

Потом был огонь, было железо, была кровь.

Очнулся Санечка оттого, что чьи-то добрые руки осторожно вытирали голову влажной холодной тряпкой. Перед глазами по-прежнему плавал багровый туман, пронизанный желтыми языками пламени. Санечка вскрикнул и забился, но его мягко придержали и уложили обратно.

— Лежи, лежи спокойно!

Туман помаленьку рассеялся, и Санечка различил склонившиеся над ним встревоженные лица Гремислава и Древолюбя.

— Где я?

— Все в порядке,— успокоил Древолюб.— Ты в безопасности. Выпей отварчику.

Теплая душистая жидкость смочила распухшие искусанные губы. Санечка с наслаждением хлебнул. Боль сразу куда-то отступила, и тело наполнила звенящая легкость.

— Он выздоровеет? — спросил Гремислав.

— Конечно,— заверил Леший.— Отвар семи трав... Но Санечка уже уснул.

Проснувшись, он почувствовал себя почти нормально. Мучил только лютый голод. Санечка приподнялся, откинул плащ, которым был укутан с головой, и не удержался, вскрикнул от удивления. Грудь и руки были покрыты полосками нежной розовой кожи, от страшных ожогов и ран не осталось и следа.

— Проснулся, гуляка? — добродушно заворчал леший, услышав его голос.— Лежи пока, герой.

Не улавливая насмешки, Санечка смутился.

— Ну уж... герой...

— Во всяком случае, вел ты себя достойно,— сказал подошедший Гремислав.— Я потом убедил Гимпарса рассказать, что там произошло. Ты настоящий витязь, Александр, хотя осторожности тебе следует учиться.

Санечка зарделся от удовольствия.

— Я только говорил «нет».

— Это тоже надо уметь,— подхватил леший.—

И раньше, во время схватки с волками, ты показал себя молодцом. Тебе еще многое следует узнать, но я полагаю, что кузнец видел дальше нас. Он предсказал ведь... А сейчас выпей еще отварчику. Тебе нужно набраться сил, впереди у нас трудная дорога.

Позднее Древолюб рассказал, что произошло. Обеспокоенный долгим отсутствием Санечки, Гремислав бросился на поиски. Степняки оставили после себя множество следов, разобрать их было несложно, несмотря на темноту. И Гремислав вышел к лагерю Ослепительного. Каким колдовством басурманы укрылись от глаз Зорковида — неведомо, да и не важно. Витязь змеей прополз мимо дозоров, зарубил охрану и, воспользовавшись суматохой, ускакал, перекинув бесчувственное Санечкино тело через седло. Больше того, он прихватил с собой оглушенного Гимпарса. Леший занялся Санечкой, а Гремислав — Гимпарсом. Тот рассказал все.

— Ты пытал его? — спросил Санечка у Гремислава.

— Да,— без тени сожаления ответил витязь.

— Но как ты мог?!

— Не тебе говорить это. Добавь еще, что жалеешь мертвого волка.

— Конечно, нет. Однако следовало как-то иначе...

Нельзя уподобляться врагу.

— Каждый получает то, чего заслуживает. Идет жестокая война, в которой нет места жалости. Теперь я знаю все, что мне нужно.

Санечка неожиданно понял, что любые слова бесполезны, он не сумеет убедить Гремислава ни в чем. И если он сам собирается остаться здесь, ему поскорее следует избавиться от некоторых предрассудков. Собирается? Или должен? Почему вдруг пришел в голову этот вопрос? Должен, потому что это его земля. Его!..

День спустя раны Санечки затянулись настолько, что они смогли двинуться в путь.

Дорога возникла ниоткуда. Только что ее не было — и вдруг появились истертые каменные плиты. Они были источены временем, дождями и ногами бесчисленных путников, прошедших по ним. Переход был таким незаметным, что Александр спохватился, только когда копыта Грома уже с полчаса цокали по дороге.

— Что это?

— Дорога аримаспов,— ответил Гремислав.

— Аримаспов? — неприятно поразился Александр. Он всегда считал Геродота фантазером и выдумщиком.

— Да, одноглазых,— подтвердил Гремислав.— Лучшее бы нам с ними не встречаться.

— Отчего?

— Довольно своеобразные создания,— уклончиво пояснил Гремислав.— Слишком трудно предсказать, как они поступят в следующей момент. Я предпочел бы объехать их город стороной.

— Я тоже,— подтвердил леший, сидевший на крупе его коня.— Только вряд ли нам это удастся. Полюбуйся, кто нас догоняет!

Обернувшись, витязь увидел стремительно приближающееся облако пыли. Немного приглядевшись, же можно было различить отдельных всадников.

— Ослепительный не захотел выпускать добычу из рук,— меланхолично пояснил Древолюб.

— Ходу! — крикнул Гремислав, ударяя коня плетью.

Гром не заставил себя подгонять и без пощипаний рванул следом. Тугой ветер хлестал в лицо, трепетали и развевались плащи, словно крылья гигантских птиц. Однако погона нестигала их. Легкие кони степняков, может, и не слишком подходили для боя, но для погони — как нельзя лучше.

— Ходу! — бешено кричал Гремислав.— Их слы-

шом много, чтобы принимать бой. Смелость — это вовсе не безумная отвага!

Вокруг уже начали посвистывать стрелы, но, к счастью, точно прицелился во время столь неистовой скачки было просто невозможно, и степняки стреляли больше для того, чтобы напугать беглецов, чем чтобы поразить их.

Дорога обогнула крутой холм, и потому Александр показалось, что сторожевые башни буквально прыгнули навстречу. Он успел заметить какое-то мельтешение на верхних площадках...

— Ходу! — взревел Гремислав, и они пронеслись между двумя башнями, словно камни, выпущенные из катапульты. И сразу же витязь перестал прищипывать коня, перейдя на спокойный шаг. Александр последовал его примеру. Очевидно, в городе они в полной безопасности. Только сейчас он увидел запутавшуюся в складках плаща стрелу.

— К добру ли, к худу ли, уж и не знаю, но судьбе угодно было загнать нас в город аримаспов,— задумчиво заметил Гремислав.— Лучше было бы взять восточнее, чтобы выехать прямо к землям грифонов, но выбор сделали за нас. И да поможет нам Бог выбраться отсюда благополучно. Будьте всегда начеку, не расслабляйтесь ни на миг...

Навстречу им медленно двигалась группа всадников, разодетая в пестрые шелка и пышные кружева. Все они были увешаны множеством золотых цепей, колец, пряжек. Резало глаза сверкание камней, величаво колыхались кудрявые страусиные перья.

Александр насторожился. Он предполагал увидеть апокалиптических чудовищ, похожих на циклопов, с единственным красным глазом посреди лба, а встречали их обыкновенные люди. Правильные, немного бледные лица, крючковатые носы, черные вьющиеся волосы... Вроде бы ничего особенного... Капитан стражников поднял руку, приказывая им остановиться. Александр и Гремислав подчинились.

— Кто вы? — спросил капитан.

— Мирные путешественники,— ответил Гремислав звенящим от сдерживаемого напряжения голосом.— За нами гнались степные бандиты, наверное, хотели убить и ограбить. Но ведь в городе аримаспов по-прежнему царят закон и порядок?

— На земле аримаспов путникам не грозит никакая опасность,— кивнул капитан.

— Именно потому мы и сдержали бег коней.

В это время один из преследователей тоже въехал в город. Александр вздрогнул, узнав Гайсира, и невольно схватился за саблю, но властный нажим руки Гремислава заставил вдвинуть ее обратно в ножны. Гайсир криво улыбнулся и, почтительно сложив руки перед грудью, обратился к капитану стражи:

— Эти люди — беглые рабы. Они ночью убили хозяина и скрылись. Их нужно вернуть пресветлому тэйну для справедливого суда.

— Это меня не касается,— жестко возразил капитан.— Сейчас они находятся на земле аримаспов. Заплатив надлежащую пошлину, они будут пользоваться полной неприкосновенностью и свободой, если только наш уважаемый тиран не решит иначе.

Гайсир дернул щекой и со свистом втянул воздух сквозь зубы.

— Ослепительный отрубил мне голову, осмелся я вернуться без рабов!

— Это меня не касается,— повторил капитан.— Проезжайте в город, идите к уважаемому тирану. Если он решит выдать этих людей — так и будет. Уважайте закон.

Гайсир посмотрел на него безумными глазами, потом махнул рукой, и к нему подъехал десяток степняков. Прочие остались за башнями, означавшими, как понял Александр, границы владений аримаспов.

— Мы поедem в город! — вызывающе бросил Гай-

сир.— И там будем добиваться справедливости у уважаемого тирана.

Он свистнул, и только пыль взвихрилась за умчавшимися всадниками. Гремислав проводил их встревоженным взглядом.

— Они первыми будут у тирана!

— Не знаю...— нерешительно произнес Александр.— Я полагаю, что мы можем рассчитывать на справедливого и беспристрастного суд.

Капитан приятно заулыбался.

— Это истинная правда. Уважаемый тиран не будет слушать ничьих наветов и примет решение, сообразуясь с духом и буквой закона.

Лишь теперь Александр заметил некую странность в облике аримаспов. Правый глаз капитана был слишком неподвижным. Александр пригляделся повнимательней и понял, что это не глаз, а искусно сделанное из цветного камня его подобие. По спине пробежал неприятный озноб. Неужели они действительно все одноглазые? И куда девался второй глаз?

Александр решил понаблюдать незаметно за остальными стражниками. И в самом деле— все они были слепы на правый глаз!

Тем временем Гремислав кончил разговаривать с капитаном стражи, махнул рукой и не спеша поехал по дороге.

— Далеко до города?— спросил Александр.

— Нет. Часа через четыре будем там.

— Не нравится мне все это, ох, не нравится,— вмешался леший.— Ты обратил внимание, что этот проходимец о чем-то шептался с Гайсиром?

— Обратил,— вздохнул Гремислав.

— Но почему бы не спросить прямо, что нужно аримаспам?— не понял Александр.

Гремислав и Древолюб в ответ расхохотались.

— Вот что означает чужак,— крутил головой Гремислав.

— Ты всерьез считаешь услышать правду от аримаспа?— вытирал выступившие от смеха слезы леший.— Наивный...

Увидев, что Александр обиженно надулся, Гремислав посерьезнел.

— Аримаспы неспроста рождаются одноглазыми. И не просто так они построили свой город здесь, на самом краю мира, отрезанные от остальных людей непроходимыми чащобами и дикими степями. Они не могли ужиться ни с кем из соседей. Аримасп от рождения слеп к добру и правде. Я не знаю, какой злой дух лишил их всех правого глаза и действительно ли именно правым глазом люди видят хорошее, а левым— плохое, но... Ни разу в жизни я не видел порядочного аримаспа. Единственное, что важно для них— собственная выгода, нажива, прибыль. Ради выгоды они, не колеблясь, пойдут на любую подлость, на любое предательство, на любое злодейство. Вот почему я не хотел ехать через город аримаспов.

— Кстати, не одни мы направляемся туда.— Александр вытянул руку.

— Ба, старый знакомый,— нехорошо обрадовался леший.

Впереди валкой рысью трусил верблюд.

— Хасан-мошенник!— крикнул Гремислав.— Подожди!

Всадник на верблюде оглянулся и подхлестнул животное длинной хворостиной, заменявшей ему плеть. Но верблюд оказался своенравным— в ответ на старания наездника ускорить его бег он истомно заревел и вообще встал. Когда путники подъехали поближе, Хасан восседал на тюках, скрестив руки и надменно глядя вдаль. Леший мячиком соскочил на землю, с шумом вдохнул побольше воздуха, словно надувал сам себя, и увеличился. Подойдя к верблюду, он схватил повод.

— Приветствую тебя, о солнце купечества!

Хасан посмотрел на него искоса и отвернулся. Но леший был настойчив.

— Как идет торговля?

— Хорошо,— сквозь зубы процедил Хасан.

— А прибыли?

— Хороши.

— А здоровье?

— Хорошо.

— А...

— Хорошо! Им всем хорошо! Даже очень хорошо!— истерически завизжал Хасан, не дожидаясь вопроса.— Отвяжись от меня! Ну за что ты меня, несчастного, преследуешь? Что я тебе сделал, мучитель? Изверг!

Александр с любопытством наблюдал за перепалкой. Леший словно бы и не слышал воплей Хасана.

— Куда же сейчас ты направляешься без своего... коня?

Хасан вытер намернувшиеся слезы, посмотрел через плечо на Древолюба и нехотя сообщил:

— В город аримаспов, как нетрудно заметить.

— И что за поклажу несет твой... конь?

Хасан раздраженно фыркнул.

— Я сообщу об этом уважаемому тирану, испрашивая у него разрешение на торговлю, а не первому встречному на дороге.

— Это я первый встречный?— оскорбился леший.— Ты забываешь старых знакомых, Хасан. Придется тебе кое-что напомнить...

— Не надо, не надо!— зачастил Хасан.— Джинния!— жалобно возопил он.

— Слушаю, мой повелитель,— незамедлительно откликнулись хрустальные колокольчики.

— Защити меня!

— Но на тебя никто не нападет.

— Заклинаю тебя именем Сулеймана ибн Дауда!

Джинния хихикнула.

— Мир с ними обоими.

— Я буду жаловаться!— взвыл Хасан.— Верховный диван аравийских джиннов наложит на тебя заклятие, загонит в бутылку и бросит в море!

— Условия договора соблюдены,— возразила джинния.— Тебе придется платить за необоснованную жалобу.

Леший ухмыльнулся. Хасан, увидев эту усмешку, совсем потерял голову:

— Унеси меня отсюда!!

Древолюб кокетливо взбил шевелюру и уложил поэтичнее косички на плечах. Хрустальные колокольчики радостно зазвенели. Филин, сидевший на луке седла у Александра, глядя на сцену ухаживания, неодобрительно щелкнул клювом и отвернулся.

— Так что же ты везешь?— повторил леший свой вопрос.

— Очки,— кисло сообщил Хасан.

— Очки?! Аримаспам?!

— Им самым.

— Но зачем?— Древолюб был вконец сбит с толку.

— Что же, если у них один глаз, так им и очки нельзя надеть? Несправедливо! Вот я и решил позаботиться о бедных аримаспах, чтобы они не думали, будто их обидели в чем-то.

— Врешь ты, как обычно, Хасан,— леший шумно втянул воздух большим носом.

— Ах, так!— вспыхнул от возмущения Хасан.— Смотри!

Он разорвал упаковку тюка, на котором сидел, запустил внутрь обе руки и выхватил пригоршню очков. Торжествующе потрясая ими в воздухе, заорал:

— Вот! Любуйся!

Хасан швырнул очки, только стеклышки в сторону брызнули, выволок еще горсть очков, кинул их тоже, в третий раз сунул руки по локоть в тюк. Но по-

дозрительно принохавшийся леший остановил его:

— Хватит, хватит! Верю.

— Вот. А еще оскорбляешь, — ненатурально всхлипнул Хасан.

— А в том тюке тоже очки?

— Тоже... очки, — с запинкой выдавил Хасан.

— Посмотрим?

Купец сморщился, словно ему в рот зачихнули лимон.

— Давай, — согласился он без всякого энтузиазма.

И Александр совершенно не удивился, когда из развязанного тюка посыпались ароматные коричневые зерна.

— Хасан-мошенник, когда-нибудь ты рассердишь меня не на шутку, — вздохнул леший. — Терплю я твое озорство, терплю... Ну как мы можем распространять среди людей эту заразу? Кофе двое прокляты! Тот, кто берет в руки эту скверну, впадает в страшный грех! Только чистые и невинные...

— Да перестань ты! — огрызнулся Хасан. — Ты просто ретроград и мракобес! Ты стоишь на пути распространения цивилизации и культуры!

Леший оторопел. Оправившись, обрушился на Хасана:

— А ты просто отравитель! Тебя судить надо!

— Будь твоя воля, ты и летом заставлял бы на санях ездить: колесо дьявольским исчадием называл! Скажешь, не было?!

— Было, не каюсь. Ну и что?

— Ты сам-то хоть раз кофе пробовал, что ядом называешь? — Хасан ощерился, как разъяренный пес.

— Вовек не осквернюсь! — гордо ответил леший.

— Тогда помалкивай!

— Нет. Я спасу людей от мерзостной пагубы, а твою, Хасан, душу от греха!

Леший железными когтями расплосовал тюк и принялся втаптывать кофе в придорожную грязь. Не в силах смириться с потерей очередной партии товара, Хасан замахал кулаками, но тут прозвенели далекие колокольчики, и купец вместе с верблюдом поднялся в воздух. Как два диких шаровоздушных шара, полетели они по небу неведомо куда.

— Вот и все! — леший гордо выпятил грудь. — Как я его? Извел под корень греховный соблазн!

Гремислав неопределенно пожал плечами. Похоже, он не одобрял скоропалительной расправы, но возражать не собирался. Александр тоже не стал вмешиваться, только спросил иронически:

— Ты действительно никогда не пробовал кофе?

— Даже не нюхал!

— А картошку? Чай?

— Нет, нет и тысячу раз нет!

— Тогда, конечно...

Леший с подозрением уставился на Александра, но вдруг кто-то словно тронул тонкий хрустальный бокал — возник тихий замирающий звук. Древолюб встрепенулся и небрежно заявил:

— Пустые споры! Я лучше немного прогуляюсь. Засиделся, ноги затекли.

Удерживать его никто не стал.

— В чем-то он, конечно, и прав, — сказал Гремислав, глядя вслед лешему. — Те же аримаспы... Видишь поля вокруг? — Александр кивнул. — Но понял ли ты, что именно там растет?

Александр пригляделся повнимательней.

— Неужели конопля?

— Она самая. Аримаспы нашли ходовой товар и распродают его направо и налево. Хотя... — Витязь лукаво усмехнулся. — В наши города еще не дошел ни один караван с коноплей или маком.

— Это твоя работа?

— Почему моя? В лесах полно татей... — И Гремислав снова улыбнулся.

— Жаль, что Древолюб не обратил свой пыл на

эти плантации, — согласился Александр. — Пользы было бы много больше, чем от войны с кофе.

При въезде в город их встретил надушенный и разряженный чиновник, очень напомнивший Александру павлина. Его сопровождали шестеро стражников. Увидев их, Гремислав презрительно сморщился:

— Слишком много золота и украшений. А эти цветные тряпки... Они были бы к лицу женщинам, но видеть их на мужчинах странно, а на воинах — просто смешно. Хотя какие это войны...

— Ты прав, — кивнул Александр. Однако он не мог не заметить слаженность в действиях отряда.

Чиновник почтительно поклонился и торжественно провозгласил:

— Я представляю канцелярию порядка уважаемого тирана, меня зовут Синдаёй. Согласно правилам, установленным уважаемым тираном, все чужестранцы, вступающие в наш благословенный Молохом город, обязаны сдать оружие. Порядок и спокойствие города не должны быть нарушены ничем. При выезде из города оружие будет возвращено вам в полной целостности и сохранности.

Гремислав насупился.

— Я не хочу доверять свою саблю кому бы то ни было.

— Такова воля уважаемого тирана.

— Не уверен, что должен подчиниться ей.

— На нашей земле любой путник пользуется полной свободой. — Чиновник снова поклонился. — Никто не будет задерживать вас, вы вольны ехать дальше. Но появиться в городе вы сможете, только сдав оружие! — уже менее любезно добавил Синдаёй, сверкая каменным правым глазом. Повинуясь его знаку, воины обнажили мечи.

Гремислав положил ладонь на рукоять сабли.

— Успокойся, — остановил его Александр. — Если у них такие правила, значит, надо подчиниться. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

— Я уверен, что это сработал донос Хасана.

— Или Гайсира.

Кровь бросилась в лицо Гремиславу.

— Я и забыл про эту собаку!

— Успокойся, — повторил Александр. — Не будем спорить, нам совершенно не нужны лишние стычки.

— Он говорит истинную правду, — поспешил вмешаться чиновник. — Решайте. Согласны ли вы подчиниться законам города?

— Согласен, — сдерживая ухмылку, подтвердил Александр. Он отстегнул ножны и протянул саблю чиновнику. — Берите! Но обращайтесь с нею бережно, ибо на саблю наложено великое заклятье, и она не потерпит никакого коварства.

Синдаёй на мгновение замялся, было заметно, что сталкиваясь с магией ему не хочется. С другой стороны, не отказываться же от собственных слов! Он потянулся за саблей, однако та вдруг выскользнула из рук и со звоном полетела на мостовую.

— Но-но, осторожнее! — прикрикнул Александр.

Багровый от смущения чиновник нагнулся, чтобы поднять саблю... и не смог этого сделать. Она словно приросла к камням мостовой.

— Это колдовство! — возмутился Синдаёй. — Она же весит не менее десяти пудов. Ее не сдвинуть с места!

Александр пожал плечами.

— Я предупреждал.

— И что теперь? — растерялся Синдаёй.

— Я ваше требование выполнил. Если моя сабля нужна вам — берите.

Чиновник, поняв, что над ним смеются, насупился.

— Ладно, можете забрать ее обратно.

Александр спрыгнул на землю и легко подхватил

саблю. Синдаей ошалело покрутил головой и обиженно пробормотал:

— Кто же мог знать...— Потом обратился к Гремиславу: — Отдайте ваше оружие.

Гремислав поглядел ус, равнодушно хмыкнул и протянул Синдаею саблю, на всякий случай не выпуская ножны из руки. Чиновник осмотрел ее, не нашел ничего подозрительного и взялся за рукоять, но тут же отдернул руку. Он прыгал, истошно вопя, и размахивал ладонью.

— Это черное колдовство! Рукоять сабли раскалена в адском пламени! Я обжег руку! Они оба колдуны! Мне придется заплатить много денег за лечение! Я этого не переживу! Они враги уважаемого тирана!

Стражники недоверчиво смотрели на его беспорядочный танец. Гремислав тем временем спокойно вернулся ножны на место. Наконец чиновник успокоился, хотя продолжал иногда дуть на покрасневшую ладонь.

— Я не пушу вас в город! Вы с оружием.

— Но почему же?— поднял бровь Гремислав.— Ведь мы согласны его отдать.

— В вашем оружии слишком много колдовства! Я не могу его взять!

— Не будешь же ты настаивать, чтобы мы оставили его валяться на дороге?— усмехнулся Гремислав. Синдаей задумался.

— Хорошо, оставайтесь при оружии. Но в этом случае и мы не гарантируем вам безопасность пребывания в городе.

— О своей безопасности мы позаботимся сами,— высокомерно ответил витязь.

Город произвел большое впечатление на Александра. Широкие чистые улицы, мощеные камнем; высокие аккуратные дома; множество деревьев. Он не увидел ни одного оборванного или хотя бы плохо одетого человека. Все аримаспы были наряжены в богатое платье, у многих отчетливо прорисовывалось сытое брюшко. Поражало великое множество торговых лавок. Заморские фрукты, ювелирные безделушки, пестрые ткани, резная мебель, изукрашенное оружие — чего там только не было.

Когда Александр удивился этому, Гремислав объяснил:

— Я же, говорил, для них главное — собственная выгода. Они много и прибыльно торгуют, овладели этим ремеслом в совершенстве. Хасан-мошеник пять лет служил приказчиком в одной из таких лавок, прежде чем рискнул начать собственную торговлю. Выучился обману и обвесу... И еще одно. Аримаспы очень хорошо устроились на границе владений грифонов, перекрыв все пути туда. Почти все золото, добываемое грифонами, проходит через их руки.

— Значит, они живут торговлей... Тогда понятно, почему они так охраняют и берегут всех торговцев! И мы еще натерпимся с нашим борцом против кофе!

— Я тоже этого опасаясь,— кивнул Гремислав.

Покои тирана поражали варварским великолепием. Белый и голубой мрамор, полированный красный гранит, сверкающая бронза, россыпи драгоценных камней, пышные ковры, даikinные цветы... Но зато сам тиран был одет в простой белый костюм без всяких украшений, только золотой медальон со сложным узором из рубинов висел у него на груди как символ власти. Александр нехорошо усмехнулся, заметив в углу зала старого знакомого — Гайсира.

— Приветствую вас, доблестные рыцари,— тиран даже привстал с золотого кресла, произнося это.

— Привет и тебе, уважаемый тиран,— ни один из них не поклонился.

Злая гримаса на мгновение исказила лицо тирана.

— В последнее время в город аримаспов зачастили странные гости. И у меня есть основания полагать, что не все они приходят с добром.

— Ты прав, величайший,— поспешно поддакнул Гайсир.

— Молчи! — оборвал его тиран.— Здесь нет величайших, слава Молоху! Не переноси на землю свободного города обычаи дикой степи. Я всего лишь скромный правитель, и если жителям города в подражание древней Эллады угодно было поименовать меня тираном — я не стал спорить. Это означает лишь одно — я правлю сам, не делясь властью ни с кем. А всякие титулы... Их нет в нашем свободном городе. Запомнил?

— Запомнил, уважаемый тиран... Эти два беглых раба Ослепительного замыслили недоброе, уважаемый тиран. Они намерены разбойничать на торговых путях, уважаемый тиран. Они преследуют вольных торговцев, уважаемый тиран.

— Замолчи, пес,— грубо сказал Гремислав.— Если ты еще раз посмеешь меня, князя, назвать рабом, сабля заставит тебя проглотить оскорбление вместе с твоим грязным языком!

Тиран сдержанно усмехнулся.

— Меня не интересуют дела басурман. Даже если все рабы покинут Ослепительного или самого тэйна — аримаспам нет до того касательства.— Гайсир при таком кощунстве побледнел.— Но совсем иное — безопасность караванных путей, ведущих в наш город. Здесь я должен быть беспощаден.

— Именно так, уважаемый тиран,— вставил Гайсир.

— Уважаемый тиран, мы, как и все жители Рутении, желаем благополучия и процветания городу аримаспов,— спокойно произнес Гремислав.— И вряд ли ты вспомнишь хоть один случай, чтобы наши дружины напали на вас, да и вообще на кого-либо. Мы обнажаем оружие только для обороны и предпочитаем торговать с соседями, а не воевать.— Тиран кивнул.— Зато вспомни степняков... Хотя бы злобного выроodka сына Одихмантьева. Сколько караванов он разграбил за этот год?

— Это ложь! — взвился Гайсир.

— Уважаемый тиран легко отличит правду от лжи.

— Да, это так,— согласился тиран, подавшись вперед.

Гайсир злобно оскалился. Было заметно, что, не отбери аримаспы у него оружие, он не замедлил бы пустить его в ход.

— Как я вас ненавижу,— прошипел он.

— Сейчас степняк говорит чистую правду,— бесстрастно заметил тиран.

— Не сомневаюсь,— Гремислав ответил Гайсиру таким же ненавидящим взглядом.

— Итак, ты готов повторить обвинение? — обратился тиран к Гайсиру.

— Да! — пылко воскликнул тот.— Я обвиняю этих двоих в том, что они беглые рабы. Я обвиняю их в том, что они убийцы! Они несут в себе опасность самому существованию города аримаспов и безусловно угрожают его процветанию. Сейчас с ними нет третьего... Он лесной колдун и опаснее этих двоих, вместе взятых. Он злейший враг торговцев! Леший наполнит город черным колдовством, разрушит до основания, только колючий шиповник да дикие дубы оставит на его руинах...

— Какая пламенная речь,— холодно сказал Гремислав.

Александр заметил, что каменный глаз тирана, до того холодный и голубой, вспыхнул тревожным красным светом — словно раскаленный уголь, вставленный в глазницу. Тиран поморщился.

— Сколько лжи... Мне даже стало больно. Мой вещий глаз раскалился от возмущения!

Гайсир онемело выпучил глаза и разинул рот. Его поразила происшедшая перемена. Потом он рухнул на колени.

— Смилуйся, великий тиран! — Он звучно ударил лбом об пол.

— Я* не ношу такого титула, — поправил тиран. — Я не великий, я уважаемый. Уважаемый для всех и всегда.

— Смилуйся, уважаемый тиран! Ослепительный прикажет отрубить мне голову, если я вернусь, не принеся ему головы врагов!

— Какое коварство — рубить головы. Но что мне до твоей судьбы?

— Смилуйся!

— Нет. Я выслушал тебя и установил, что правды в твоих словах нет, как нет и угрозы нашему городу. Ты можешь лгать, сколько тебе заблагорассудится. Повторяю: дела Басурманский степей не касаются нас. Мы не будем вмешиваться в вашу войну с Рутенией.

Гайсир уставился на него блуждающим взором, словно безумный. Потом с диким ревом вскочил, выхватил из складок халата кривой нож и бросился на Гремислава. Витязь успел перехватить его руку, они замерли — каждый пытался сломать противника. Александр бросился было на помощь, но гневный окрик Гремислава остановил его. Несколько мгновений длился немой поединок. Они пронзали друг друга яростными взглядами, их лица побелели, на лбах вздулись вены. Потом медленно, очень медленно рука Гайсира начала поворачиваться, направляя острие ножа ему же в грудь. На лице степняка стремительной тенью промелькнуло удивление. Нож еще приблизился к полосатому халату. Удивление сменилось испугом, и это решило участь Гайсира. Испуг лишил его руку прежней силы, и нож вонзился ему прямо в сердце.

Гремислав брезгливо оттолкнул труп.

— Собака — собачья смерть!

Тиран, молча следивший за схваткой, спокойно заметил:

— Это ваши дела, и я не взыскиваю с тебя за убийство. Но... Но есть дела, касающиеся города аримаспов. Ко мне поступила жалоба вполне достойного, солидного человека. Он тоже обвиняет вас в подрыве основ торговли.

— Хасан-мошенник?! — воскликнул Гремислав.

— Не знаю такого, — сухо возразил тиран и продолжил, не выразив ни малейшего недовольства тем, что его перебили: — Я рассмотрел его жалобу и увидел, что она справедлива. Отличить правду от лжи трудно. И до окончания рассмотрения всех деталей дела я считаю необходимым задержать вас.

— Ты хорошо подумал, тиран? — угрожающе спросил Гремислав.

— Да.

— И ты решил бросить нас в темницу?

— Да.

Эти «да» падали с неумолимостью каменных глыб. Гремислав сделал было шаг по направлению к креслу тирана, но тут потолок словно разломился. Оттуда с легким шипением выскочила толстая гранитная плита, разделившая зал надвое. Витязь остановился — перед ним была непроницаемая стена. А потом открылись двери, и в зал ворвались десятки стражников.

После яростного, но безуспешного сопротивления их схватили и связали. Несколько стражников осталось лежать на мозаичном полу парадного зала тирана, однако противников было слишком много. Наученные горьким опытом Синдаи, они не пытались отобрать оружие, но позаботились связать обоих путников так, что те не могли шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Подземелье было сырым и темным. Когда толстая железная дверь со скрипом закрылась, Александр, осторожно трогая языком разбитые губы, меланхолически заметил:

— В конце концов, это просто обидно — прорвать-

ся сквозь орды степняков и согнуть в гнилом подземелье по доносу какого-то торгоша.

— Ну, предположим, это не совсем подземелье, — отозвался Гремислав, оглядывая узилище.

— И разница настолько серьезна?

— Да. Наши друзья...

— Ты полагаешь?

— Безусловно. — Гремислав кивком указал на зарешеченное окошко. — Нужно немного терпения, и Древолюб придет к нам на помощь.

— Хорошо, будем ждать, — не слишком веря в успех, согласился Александр.

Томительно тянулось время. Но зато можно было спокойно вспомнить и оценить прошедшие дни, впервые для этого выпала возможность. Главное, чем он втайне гордился, это происшедшим во время кошмарной ночи превращением Санечки в Александра. Как оно совершилось — непонятно, загадка, тайна. Но только он больше не чувствовал себя неумелым, недотепой. До Гремислава пока было далеко, ему еще предстояло стать таким же витязем... Он уже и не думает о возвращении? Нет, почему же!.. Какие силы перенесли его сюда — разбираться нет смысла, все равно это совершенно бесполезно. Но, совершив одно чудо, они, без сомнения, так же легко могут совершить и второе — вернуть в тот же самый момент его родного времени. Сколько бы лет он ни провел в этом мире. И надо надеяться, что при обратном переходе он обретет утерянное обличье и возраст... А значит, нужно исполнять наилучшим образом свое предназначение. Александра уже перестали смущать жестокие обычаи нового мира, он уже привык... Не до конца, конечно. Но все протесты ушли куда-то в глубь сознания, на задний план, и слышались глухо, еле различимо... Однако куда запропастился негодник леший?

Александр несколько раз порывался сказать, что ожидание бесполезно и бессмысленно, что пора действовать самим, но, видя невзмутимую уверенность Гремислава, сдерживался. В решетчатом проеме показалась неправдоподобно яркая луна, и в камере стало заметно светлее. Александр в очередной раз открыл было рот... Но тут бесшумная черная тень закрыла бледно-желтый диск. Александру показалось, что он узнал Зорковида. И действительно, вскоре филин уже сидел в оконной амбразуре.

— Валяется, голубчики, — неодобрительно сказал Древолюб, спрыгивая со своего крылатого коня.

— Так ведь из-за тебя, — незамедлительно парировал Гремислав.

— Это почему? — не понял леший.

— Ты же Хасана-мошенника обижаешь, — ответил Гремислав.

— Ах так... — рассвирепел леший. — Это раньше я его обижал, а теперь... Ну, я ем!.. Ух!..

— Хватит, Древолюб, — прервал Гремислав. — Помоги нам поскорее. Мы должны еще до утра выбраться из города и умчаться как можно дальше, пока нас не хватятся...

Леший проскользнул сквозь решетку, и через некоторое время оба пленника избавились от пут.

— Слава Богу, аримаспы не догадались заковать нас в кандалы, — заметил Александр, растирая веревками запястья.

— Уж куда лучше, — Гремислав постучал по стене. — Прочно сложена, надежно. Ты-то ведь сквозь решетку не пролезешь.

— Так же, как и ты.

Леший почесал нос.

— Ну, до этого могли бы и сами додуматься... Прямо как малые дети! — недовольно проворчал он. — Выручай их и выручай... Ведь у вас имеется отличное оружие, способное разрубить любую решетку! Или оба забыли, что говорил вам кузнец?

— Что при необходимости родная земля поможет мне, — медленно произнес Александр.

— Именно!

Он обнажил саблю, оценивающе покачал ее в руке и посмотрел на стену. Бить по каменной кладке не хотелось, все-таки продолжали оставаться сомнения.

— Давай-давай,— ободрил его леший.— Не бойся. Буде ти благо и нам вкупе.

Александр размахнулся и с плеча ударил по решетке. Лезвие прошло сквозь толстые прутья с такой легкостью, словно они были восковыми, и глубоко вонзилось в стену, оставив после себя разрез с гладкими краями. Он ошеломленно посмотрел на дело рук своих, снова размахнулся... И вновь не ощутил ни малейшего сопротивления, точно не из прочнейшего гранита была сложена стена, а из гнилой соломы!

После этого он несколькими точными ударами рассек решетку. Гремислав выдернул прутья, и Александр вырубил большой кусок стены, достаточный, чтобы пролезть в образовавшееся отверстие. Совместными усилиями они кое-как вытащили глыбу, показавшуюся неподъемно тяжелой. Александр даже решил, что вся башня содрогнулась, когда они уронили ее на пол, и что сию минуту ворвутся стражники. Видимо, так же подумал и Гремислав, потому что нервно сказал:

— Уходим поскорее!

Наверху резко протрубил рог. И действительно — за стеной послышался топот бегущих стражников.

— Вперед! — крикнул Гремислав, выскакивая наружу. Александр последовал за ним. К счастью, внешняя поверхность башни оказалась неровной, а камера их находилась невысоко над землей, поэтому им не составило большого труда спуститься вниз. Леший, как выяснилось, был очень предусмотрителен — оседланные кони ждали их у подножия башни.

Вскочив в седла, витязи с грохотом поскакали по улицам ночного города, не обращая внимания на пущенные вдогонку стрелы. Позади них тревожно зажигались окна, испуганные возгласы провожали их... Как ураган, вырвались всадники на простор, опрокинув сторожевую заставу. Город аримаспов не имел стен и ворот — настолько они были уверены в своей силе. А за долгие годы безмятежной жизни стражники обленились и распустились — большая их часть просто спала. Смести прочь двух-трех самых старательных не отняло и секунды лишней.

Древолюб летел за ними на верном филине.

Оба всадника то и дело прищипывали коней. Уважаемый тиран, разумеется, немедленно вышлет — если уже не выслал — погоню. Исход схватки не вызывал сомнений, но к чему лишний риск?.. Гром и Сильный без усталости отмеривали версту за верстой, словно у них выросли крылья. Грохот копыт, пестрое мелькание по сторонам, стремительно несущиеся навстречу серые низкие тучи... У Александра, еще не привыкшего к подобным путешествиям, начало мутиться в голове.

Всадники с такой скоростью промчались мимо сторожевых башен на границе владений аримаспов, что сонные стражники не успели их хотя бы окликнуть. И вскоре вокруг лежали вересковые пустоши, перемежающиеся невысокими глинистыми холмами.

Александр удивился, что область аримаспов так невелика. На это Гремислав ответил, усмехнувшись:

— Они предпочитают незримую власть явной. Я не слишком бы удивился, скажи мне кто-то, что басурманы действуют по указке тирана. Власть золота расползается по земле, лишь наши города стоят крепко, за что и ненавидят аримаспы Рутению.

— Но как они заставляют тех же степняков держаться подальше? Ведь это такой соблазн — беззащитный город, полный золота!

— Беззащитный? Не суди поверхностно. Ты не видел храмов Молоха. Есть иные силы, кроме огня и железа. А помимо того во власти аримаспов подкупить

кого угодно и натравить на дерзкого... Поспешим, однако.

И они снова подхлестнули коней.

Местность вокруг постепенно менялась. Торфяные болота, окружавшие город аримаспов, пропали. Их сменили обширные щепнистые пустоши, на которых, подобно гнилым зубам, торчали изъеденные ветром известняковые скалы. То здесь, то там виднелись глубокие ямы, окруженные гудами выброшенной земли и камней. Вереск потускнел, его листики приобрели нездоровую желтоватую окраску. Редкие березки, сумевшие уцепиться за камень, были изогнуты и скрючены самым причудливым и необычным образом, сиротливо жались к земле, чтобы устоять под сильными северными ветрами. Александр, зябко кутаясь в плащ, подумал, что здесь уже начинает ощущаться нездоровое дыхание Кронийского океана. А потом некстати вспомнилось его второе название — Мертвое море.

Древолюб тоже хмурился, тревожно поглядывая по сторонам. Вид изуродованных деревьев доставлял ему прямо-таки физическую боль. Зато кто воспрянул духом, так это Зорковид. Леший сейчас ехал вместе с Гремиславом, и филин был отпущен на свободу. Вересковые пустоши буквально кишели жирными зверьками, похожими на хомяков. Древолюб, морщась, сказал, что это лемминги. Впрочем, филину было совершенно неважно, как они назывались, главное — они оказались очень вкусными. С вечерней охоты он буквально приползал, тихо постанывая — набитое брюхо мешало ему взлететь. Однако свои обязанности сторожа он выполнял исправно, да и дорога была пустынной. Но вот путешественникам пришлось туговато, теперь леший ничем не мог помочь: каменные плаги не подчинялись ему. Оставалось довольствоваться скромными припасами, которые он успел погрузить на лошадей в городе.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

**НОВИНКИ
ФАНТАСТИКИ:
1991**

В ноябрьском и декабрьском номерах прошлого года мы опубликовали список новинок фантастики 1989-1990 годов — отечественной и переводной. В душе надеялись, что делаем это в последний раз: уже появились специализированные НФ журналы (их сейчас даже в нашей, далеко не полной коллекции — до 20 названий!), и нам казалось, что проблема оповещения любителей НФ о новинках и переизданиях разрешится сама собой. Однако многочисленные эти журналы переживают покамест стадию становления — малодоступны, нестабильны, и к тому же лишь 2-3 из них достаточно серьезно относятся к библиографии.

А в читательской почте отдела нет-нет да и мелькнет вопрос-напоминание-просьба об очередном обзоре новинок... Что ж, мы и сами помним: взялся за гуж — не говори, что не дюж!

Об одном предупреждаем заранее: отныне в наши списки будет включаться лишь отечественная фантастика. И потому, что книжный наш рынок буквально захлестнут половодьем переводов; главным же образом — оттого, что, по причине полного развала страны, совершенно невозможно уследить за книгами, выходящими на русском языке в «ближнем зарубежье». Хотя нацелены то они, бесспорно, на все наше — по-прежнему общее — пространство.

В подготовке нынешнего обзора существенную помощь оказали нам И. Матвеевская (с.Петровское Московской обл.) и известный знаток и библиограф фантастики И. Халымбаджа (Екатеринбург).

При описании выходных данных мы, в целях экономии места, используем — помимо обычных сокращений — ряд аббревиатур в названиях издательства (МГ — «Молодая гвардия», СП — «Советский писатель», ДЛ, ХЛ — «Детская литература», «Художественная...») и продолжающих серий (БПНФ — «Б-ка приключений и научной фантастики», БСФ — «Б-ка советской фантастики», БФ и БРФ — подписные «Б-ка фантастики» в 24-х томах и «Б-ка русской фантастики» в 20-ти, МП — «Мир приключений»; вполне понятные ПФ и ППФ; менее привычные ПДМ и ФПД, где Д — «детектив», а М — «мистика»; РФ — «Румбы фантастики», ШЕ — «Школа Ефремова»). Если книга выпущена по положению об изданиях за счет средств автора — это обстоятельство отмечено тем, что в конце выходных данных поставлено (А). К сведению читателей: рассылок книг мы не занимаемся, их в нашем распоряжении нет.

Юрий АБАШЕВ. ТАИНЫ СЕЛЬВЕНТА. Фант.-прикл. повесть. Воронеж: Центр.

Чернозем. кн. изд-во; Изд-во РЭФФ, 1991. 61 с. 5 т. э. (А)
 Сахиба АБДУЛЛАЕВА. ТАИНСТВЕННАЯ КРЕПОСТЬ. Фант. повести и рассказы. Пер. с узб. Ташкент: Езувчи, 1991. 224 с. 45 т. э.
 Анвар АБИДЖАН. ГРОЗНЫЙ МЕШПАЛВАН. Сказки, прикл. ф-ка. Пер. с узб. Ташкент: Чулпон, 1991. 336 с. 75 т. э.
 Ольга АКИМОЧКИНА. ПАРК АТТРАКЦИОНОВ. Фант. повесть. Волгоград: Т-во «АТОМ»; КЛФ «Ветер Времени», 1991. 141 с. 5 т. э.
 Василий АКСЕНОВ. МОЙ ДЕДУШКА — ПАМЯТНИК. Повесть. Кемерово: Современ. отеч. книга, 1991. 192 с. 250 т. э.; РАНДЕВУ. Повести, рассказы. М.: Текст, 1991. 351 с. (Альфа-фант.). 100 т. э.
 Глеб АЛЕКСЕЕВ. ПОДЗЕМНАЯ МОСКВА. Роман. М.: Современник, 1991. 95 с. 300 т. э.
 Марианна АЛФЕРОВА. ДАР — ЗЕМЛЕ. Фант. повести. Волгоград: Т-во «АТОМ»; КЛФ «Ветер Времени», 1991. 152 с. 5 т. э.
 АМАЛЬТЕЯ. Сб. ф-ки. Сост. Е. Носов, В. Пищенко. М.: МГ; ВТО МПФ 1991. 400 с. (Ф-ка). 150 т. э.
 В. АНАТОЛЬЕВ. ВИДЕОИГРЫ. Фант. повесть. СПб.: Ленингр. литератор, 1991. 48 с. 25 т. э.
 Эрнст АНГАРОВ. ТРЯПКИ, И НЕ ТОЛЬКО ОНИ... Новеллы. М.: Лепгромбытиздат, 1991. 173 с. (Науч.-попул. б-ка школьника). 25 т. э.
 Сергей АРКАВИН, Олег ЦЕЛЕБРОВСКИЙ. ЗАБЕГ С ДРАКОНОМ. Фант. повести и рассказы. Петрозаводск: Карелия, 1991. 167 с. 5 т. э. (А)
 Павел БАГЕН. ЧАС ДО КРУШЕНИЯ; ПРОМЕТЕЙ XX ВЕКА. Прикл. повести, Петрозаводск: Карелия, 1991. 301 с. 5 т. э. (А)
 Павел БАГРЯК. ПЯТЬ ПРЕЗИДЕНТОВ. Роман в четырех повестях. М.: МГ, 1991. 448 с. (БСФ). 100 т. э.
 Александр БАЧИЛО. ЖДИТЕ СОБЫТИЙ. Рассказы, повесть. М.: МГ, 1991. 239 с. (БСФ). 100 т. э.
 Михаил БАШКИРОВ, Андрей БУРЦЕВ. АВАРИЙНЫЙ ПЕЛЕНГ. Фант. повести, рассказы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. 240 с. 50 т. э.
 БЕЗЛЮДНЫЙ ПЕРЕЛУК. Сб. ф-ки. Сост. С. Соболев. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1991. 60 с. 10 т. э.
 Михаил БЕЛОВ. УЛЫБКА МИЦАРА. Романы. Хабаровск: Кн. изд-во, 1991. 384 с. (Роза ветров. ППФ). 50 т. э.
 БЕЛЫЙ ШАМАН. Рассказы и повести. Сост. В. Макатровский. М.: МГ, 1991. 368 с. (Ф-ка. ШЕ). 150 т. э.
 Олеся БЕРДНИК. ЗВЕЗДНЫЙ КОРСАР. Роман-феерия. Пер. с укр. М.: СП, 1991. 382 с. 100 т. э.
 В. БЕРЕЗИН. ПЯТЬСОТ ПЕРВЫЙ. Фант. повесть. Душанбе: Ирфон, 1991. 190 с. 15 т. э.
 Александр БОЛЬНЫХ. ИМПЕРАТОР РЕСПУБЛИКИ. Повести. Свердловск: Правл. обл. орг. ДОК РСФСР, 1991. 160 с. 10 т. э. (А); РУКИ ВВЕРХ. МИСТЕР ГРЕМЛИН! Фант. повесть. Волгоград: Т-во «АТОМ»; КЛФ «Ветер Времени», 1991. 187 с. 10 т. э.
 БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ. Фант. повести, рассказы. Сост. А. Шалимов, А. Бритиков. М.: Воениздат, 1991. 256 с. 100 т. э.
 Сергей БОРИСОВ, Сергей ЧЕПЕСЮК. БАРИН ИЗ АЭРОПОРТА, ИЛИ НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ КНЯЗЯ АНДРЕЯ ГОЛИЦЫНА В РОССИИ. Отрывки из сказ.-фант. романа. /Шадринск/, 1990. 88 с. 700 т. э. (А)
 А. БОРОДИН. НЕ ЗАБЫВАЙ ДРУГА. Фант. повесть. Хабаровск: Амур, 1991. 125 с. (Б-ка альб. «Мир чудес»). 25 т. э.
 Юрий БРАЙДЕР, Николай ЧАЛОВИЧ. АД НА ВЕНЕРЕ. Сб. ф-ки. Минск: Эридан, 1991. 168 с. 50 т. э.
 Сергей БУЛЫГА. БРОДЯГА И ФЕЯ. Фант. новеллы и сказки. Минск: Эридан, 1991. 409 с. (Фантакрим-экстра. ФПД). 50 т. э.
 Кир БУЛЫЧЕВ. КОМУ ЭТО НУЖНО? Фант. истории. М.: РИФ; Текст, 1991. 351 с. 100 т. э.; ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА. Фант. роман. СПб.: Грифон, 1991. 336 с. 300 т. э.; РЖАВЫЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ. Повести, рассказы. Минск: Юнацтва, 1991. 254 с.

(БПФ). 180 т. э.; СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД. Фант. повести. Л.: Лениздат, 1991. 638 с. (Отвага, умение, честь). 200 т. э.; ТАИНА УРУЛГАНА. Старомодная фант. повесть. М.: Орбита, 1991. 220 с. 100 т. э.
 Кир БУЛЫЧЕВ. ГЕРКУЛЕС И ГИДРА; ЧЕРНЫЙ САКВОЯЖ. — Владимир МАЛОВ. ЗАЧЕТ ПО НАТУРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ; КУКЛЫ ИЗ КОСМОСА. Фант. повести. М.: Экология; Кооп. «Родник», 1991. 223 с. 100 т. э.
 Федор БУХАНОВ. ПОСЛАНИЕ В ВЕЧНОСТЬ. Фант. повести и рассказы. Бийск: Типогр. ПО «Сибприбормаш», 1991. 153 с. 2 700 т. э. (А)
 Илья ВАРШАВСКИЙ. ПОД НОГАМИ ЗЕМЛЯ. Сб. ф-ки. Л.: Лениздат, 1991. 351 с. 100 т. э.
 Владимир ВАСИЛЬЕВ. БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА (ВОЯДЖЕР РАЗ). Фант. повесть. Волгоград: Т-во «АТОМ»; КЛФ «Ветер Времени», 1991. 101 с. 5 т. э.
 ВДОВА КОЛДУНА. Ф-ка. Сост. И. Игнатьева. М.: МГ, 1991. 687 с. 150 т. э.
 ВЕК ДРАКОНА. Сб. ф-ки. Сост. И. Ткаченко. М.: МГ; ВТО МПФ, 1991. 395 с. (Ф-ка). 150 т. э.
 Михаил ВЕЛЛЕР. ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЙОРА ЗВЯГИНА. Роман. Таллинн: Периодика, 1991. 367 с. 100 т. э.
 Александр ВЛАДИМИРОВ. ШЕСТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ. Повести. М.: Произв.-изд. комб. ЦНИИ ТЭИ хлебопродуктов, 1991. 96 с. 7 т. э.
 Север ГАНСОВСКИЙ. СТАЛЬНАЯ ЗМЕЯ. Сб. НФ рассказов. М.: Знание, 1991. 301 с. 1 млн. э.
 Геннадий ГАЦУРА. ЕЩЕ ОДНО НАШЕСТВИЕ МАРСИАН... Сб. ф-ки. Клайпеда: Типогр. «Ритас», 1991. 184 с. 10 т. э. (А)
 Сэмюэль ГЕЙ. БОТТИЧЕЛЛИ ИЗ СТРАНЫ ДУРАКОВ. Современное правдоподобная фант. история. Свердловск: РИО обл. орг. ДОК РСФСР, 1991. 111 с. 25 т. э. (А)
 Валерий ГЕНКИН, Александр КАЦУРА. ПОХИЩЕНИЕ. Роман, повесть, рассказы. М.: РИФ, 1991. 270 с. (Альфа-фант.). 100 т. э.
 Сергей ГЕОРГИЕВ. ШАРИК ИЗ АВСТРАЛИИ. Повести. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1991. 256 с. 50 т. э.
 Юрий ГЛАЗКОВ. ЧЕРНОЕ БЕЗМОЛВИЕ. Сб. фант. рассказов и новелл. 2-е изд., доп. М.: МГ, 1991. 397 с. (БСФ). 100 т. э.
 Семен ГЛИНСКИЙ. ПРИШЕЛЕЦ. Роман. Л.: Вас. остров, 1991. 151 с. 5 т. э. (А)
 Эдуард ГЕВОРКЯН. ПРАВИЛА ИГРЫ БЕЗ ПРАВИЛ. Повесть. Ташкент: Езувчи, 1991. 79 с. (Дорожная б-чка). 20 т. э.
 Василий ГОЛОВАЧЕВ. ПОЛЕТ УРАГАНА. Фант. роман. М.: МГ, 1991. 150 т. э. Ч. 1 — 224 с., ч. 2 — 251 с.
 Григорий ГРЕБНЕВ. АРКТАНИА; ПРОПАВШЕЕ СОКРОВИЩЕ. Роман, повесть. М.: Правда, 1991. 350 с. (МП). 500 т. э.
 Юрий ГРЕКОВ. ТАМ, НА НЕВЕДОМЫХ ТРОПИНКАХ... Повесть-сказка. Кишинев: Гиперон, 1991. 222 с. 50 т. э.
 Михаил ГРЕШНОВ. САГАН-ДАЛИНЬ. Ф-ка. Краснодар: Кн. изд-во, 1991. 285 с. 15 т. э.
 Елена ГРУШКО. ЗИМНИЙ ЕДИНОРОГ. Сказ.-фант. повести и рассказы. Ниж. Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. 413 с. 50 т. э.
 Георгий ГУРЕВИЧ. ДРЕВО ТЕОМ. Книга замыслов. М.: МГ, 1991. 300 с. (БСФ). 100 т. э.; ИНОРА ДРАКОНА. Рассказы. Пермь: Обл. орг. ДОК РСФСР, 1991. 59 с. 100 т. э.
 А. ДЕГТЯРЕВ. ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ. Фант. рассказы. Омск: РИО Полиграфиздата, 1990. 48 с. 5 т. э.
 ДЕНЬ ГНЕВА. Фант. повести и рассказы. Сост. В. Федоров. М.: МГ, 1991. 352 с. (РФ). 200 т. э.
 А. ДОВМОНТОВ. ПАРАДОКС БЛИЗНЕЦОВ. Ненауч.-фант. повесть. Л.: «Редактор», 1991. 214 с. 5 т. э. (А)
 Владимир ДОКТОРОВ, Анна СОЙНИКОВА. ПРИКЛЮЧЕНИЕ В БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУШЕ. Повесть. Минск: Юнацтва, 1991. 126 с. 90 т. э.
 ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ. Сб. фант. повестей и рассказов. Сост. А. Балабуха, В. Дружинин, А. Шалимов. Л.: ДЛ, 1991. 383 с. 100 т. э.

Герман ДРОБИЗ, КУКЛЫ. Комич. фантазия. Свердловск: РИО Упрполиграфиздата, 1991. 79 с. 50 т. э.

Владимир ЕВСЕВЬЕВ, Наталья ЕВСЕВЬЕВА-ГРОМОВА, ЗОМБИ. Повести. Л.: Сов. композитор, 1991. 296 с. 5 т. э. (А)

Ю. ЕГОРОВ, ТЕЛЕФОНИСТ И ПРИНЦЕССА. Антиутопия, повесть. Л.: Вас. остров, 1991. 171 с. 30 т. э. (А)

Геннадий ЕМЕЛЬЯНОВ, ПРИШЕЛЬЦЫ. Фант. повести. Кемерово: Кн. изд-во, 1991. 367 с. 15 т. э.

Сергей ЖЕМАЙТИС, АБСТРАКТНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Роман. М.: Прометей, 1991. 50 т. э. Т. 1 — 416 с., 2 — 385 с.

Виталий ЗАБИРКО, ВАРИАНТ ПАТА. Фант. повесть. М.: МГ, 1991. 141 с. (Б-ка журн. «МГ»). 40 т. э.; ВАРИАНТ; ВОЙНУХА. Фант. повести. Киев: Рад. письм., 1991. 225 с. 65 т. э.

Александр ЗАГОРУЛКО, ПРИКЛЮЧЕНИЯ САЛЕМА. Фант. рассказы. Симферополь: Таврия, 1990. 56 с. 50 т. э.

ЗАМОК УЖАСА. Фант. рассказы и повести. Сост. Л. Козинцев. М.: МГ, 1991. 352 с. (РФ; ШЕ). 250 т. э.

Владимир ЗАЯЦ, ТЯЖЕЛЫЕ ТЕНИ. Фант. повесть, рассказы. Киев: Рад. письм., 1991. 302 с. 65 т. э.

А. ИВАНОВ, ЗАПИСКИ ЗВЕЗДОЧЕТА СИРИУСА. Повесть-сказка. М.: ДЛ, 1991. 144 с. 100 т. э.

Всеволод ИВАНОВ, ВОЗВРАЩЕНИЕ БУДДЫ; ЧУДЕСНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ПОРТНОГО ФОКИНА; У. Повести, роман. М.: Правда, 1991. 478 с. 500 т. э.

ИЗГНАНИЕ БЕСА. Фант. рассказы. Сост. М. Миркес. Новосибирск: Сиб. писат. ассоциация, 1991. 78 с. 50 т. э.

Александр КАБАКОВ, СОЧИНИТЕЛЬ. Роман. М.: Текст, 1991. 127 с. 45 т. э.

Ренэ КАДУ, АТЛАНТИДА ПОД ВОДОЙ. Роман; Артур КОНАН ДОЙЛ, МАРАКОВОТА БЕЗДНА. Повесть, пер. с англ. Сост. А. Шербаков, А. Балабуха. Л.: ХЛ; СКФ «Человек», 1991. 335 с. (Миф и ф-ка. Близнецы). 200 т. э.

Вера КАЛАШНИКОВА, ПУТЕШЕСТВИЕ НА ГОНДВАНУ. Фант. повесть. Л.: ЛЮО «Редактор», 1991. 107 с. 3 т. э. (А)

Павел КАЛМЫКОВ, ШКОЛА МУДРЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ. Очень правдивая сказка. Хабаровск: Кн. изд-во, 1991. 126 с. 50 т. э.; ОЧЕНЬ ПРАВДИВАЯ СКАЗКА. Екатеринбург: Интербук; Старг, 1991. 190 с. 50 т. э.

Сергей КОВЯКИН, СТРАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ. Повести. Кемерово: Кн. изд-во, 1991. 326 с. 2 т. э.

Михаил КОЗЫРЕВ, ПЯТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ГУЛЛИВЕРА. Повести и рассказы. М.: Текст, 1991. 302 с. (Волшеб. фант.). 50 т. э.

Виктор КОЛУПАЕВ, ВОЛЕВОЕ УСИЛИЕ. Фант. повести. Томск: Кн. изд-во, 1991. 400 с. 30 т. э.

Владимир КОРЧАГИН, УЗНИКИ СТРАХА. НФ роман. Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. 224 с. 75 т. э.

Вадим КРУГОВОВ, УНИК. Фант. повесть. Л.: ХЛ, 1990. 89 с. (А)

Леонид КУДРЯВЦЕВ, АППАРАТ ИЛЛЮЗИИ. Сб. фант. рассказов. Красноярск: Кн. изд-во, 1991. 94 с. 3 т. э.

Владимир КУЗЬМЕНКО, ДРЕВО ЖИЗНИ. Фант. роман в 3 кн. М.: Терра; Кн. обозрение, 1991. Кн. 1 — 255 с., кн. 2 — 239 с., кн. 3 — 319 с. 300 т. э.

Владлен КУКОВ, СКАЗКИ ХХ ВЕКА. М.: Внешторгиздат, 1991. 3 кн. в общей папке — 78 с., 24 с., 61 с. 100 т. э. (А)

Станислав КУЛИШ, УРОКИ ВОЛШЕБСТВА. Фант. повести. Ташкент: Чулпон, 1991. 80 с. 30 т. э.

Николай КУРОЧКИН, СОСЕДИ НЕ ВЫБИРАЮТ. Фант. роман. Благовещенск: Амурское отд. Хаб. кн. изд-ва, 1991. 192 с. 15 т. э.

ЛАВКА МИРОВО. Сб. ф-ки сов. и зарубеж. авторов. Л.: ЛКЛ: ЭТС «Экслибрис». 1991. 96 с. 200 т. э.

Игорь ЛАРИОНОВ, Ирина ЛАРИОНОВА, ПЛЕННИКИ ХРУСТАЛЬНОГО ЯЙЦА. Фант. детектив. Душанбе: Ирфон, 1991. 240 с. (П. Д. Мистика). 15 т. э.

Ольга ЛАРИОНОВА, ЛАБИРИНТ ДЛЯ ТРОГЛОДИТОВ. Трилогия. Л.: ДЛ, 1991. 287 с. 100 т. э.; ФОРМУЛА КОНТАКТА. Сб. ф-ки. Л.: Лениздат, 1991. 478 с. 100 т. э.

ЛЕГЕНДЫ ГРУСТНЫЙ ПЛЕН. Фант. повести и рассказы. Сост. И. Игнатьева.

М.: МГ, 1991. 511 с. (Ф-ка. ШЕ). 160 т. э.

Юрий ЛЕДНЕВ, Генрих ОКУНЕВИЧ, КРАХ «ДИСКОНОВА». Фант. повести, рассказы. М.: Прометей, 1990. 252 с. 50 т. э. (А).

Юрий ЛИННИК, КРИТА-ИОГА. Философ. фант. повести. Петрозаводск: РИО Госкомиздата КАССР, 1990. Серия отд. выпуск: Атлантида в докембрии. 48 с. 5 т. э.; Воскрешение. 51 с. 1 т. э.; Всечеловек. 47 с. 5 т. э.; Заложник вечности. 43 с. 1 т. э.; Звездное искупление. 46 с. 5 т. э.; Мыслемир. 46 с. 1 т. э. (А)

Олег ЛОГИНОВ, БОЛЬШАЯ ЗМЕЯ. Прикл. повесть. Свердловск: Центр «Каменный пояс», (1991). 59 с. (ПФ). 27 т. э.

Любовь ЛУКИНА, Евгений ЛУКИН, ПЯТЕРО В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СЕДЬМЫХ. Фант. мини-повесть. Волгоград: Отд. СКФ; Т-во «АТОМ»; КЛФ «Ветер Времени», 1991. 38 с. Б/т.

Владимир МАКАНИН, ЛАЗ. Повесть, рассказы. М.: СП ИВО-Сид; Изд-во «Ренессанс»; «Конец века», 1991. 175 с. 25 т. э.

Эрнст МАЛЫШЕВ, АНАКОНДА. Фант. рассказы, роман и повести. М.: МАРС, 1991. 540 с. 25 т. э.; ВЛАСТЕЛИНЫ ГАЛАКТИКИ. Фант. эпопея. М.: МООДОК, 1990. 549 с. 25 т. э.; КОСМИЧЕСКИЙ УБИЙЦА. Фант. повести и рассказы. М.: МАРС, 1991. 486 с. 25 т. э.; ТАЙНА ДЕЛЬФИНА КЕРЬЮ. Фант. повести и рассказы. М.: МОО ДОК РСФСР, 1990. 583 с. 25 т. э.

Элеонора МАНДАЛЯН, И Я СКАЗАЛ СЕБЕ: НЕТ! Фант. повести. М.: СП; Олимп, 1991. 286 с. 50 т. э.

Дан МАРКОВИЧ, ЗДРАВСТВУЙ, МУХА! Рассказы. М.: Технограф; МП «Семь холмов», 1991. 184 с. 3 т. э.

А. МЕЛЬНИКОВ, ФЕНОМЕН ФИФИ ДОЛГОРУКОЙ. НФ рассказы. М.: Книга, 1991. 112 с. 5 т. э. (А)

Геннадий МЕЛЬНИКОВ, ЦИРК УЕХАЛ, А КЛОУНЫ ОСТАЛИСЬ. Фант. рассказы. Волгоград: Т-во «АТОМ»; КЛФ «Ветер Времени», 1991. 105 с. 5 т. э.

МИССИОНЕРЫ. Повести. Сост. В. Дорошин. Алма-Ата: Гылым, 1991. 320 с. 100 т. э.

Владимир МИХАЙЛОВ, НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ПО СВОИМ СЛЕДАМ. Фант. повести. М.: Дружба народов, 1991. 416 с. (Реальность и Ф-ка). 200 т. э.; НОЧЬ ЧЕРНОГО ХРУСТАЛЯ. Фант. повесть. М.: Транспорт, 1991. 239 с. 100 т. э.

Сергей МИХАЙЛОВ, ТРЕЩИНА. Повесть. М.: Моск. рабочий, 1991. 159 с. 30 т. э.

Ион МЫНЭСКОУРЭ, АРТЕФАКТ. Фант. роман для детей. Пер. с молд. Кишинев: Гиперион, 1991. 190 с. 50 т. э.

Сергей МОГИЛЕВЦЕВ, КОЛОДЕЦ КРАСОТЫ. Фант. рассказы. М.: ЭТО «Комитет литераторов», 1991. 100 с. 2 500 э. (А); ВЗГЛЯД ТРЕТЬЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ. Фант. рассказы. М.: ЭТО «Комитет литераторов». Бг. 100 с. 2 500 э. (А)

НАШЕСТВИЕ. Фант. повести молодых писателей. Сост. Л. Ханбеков. М.: Всесоюз. молодеж. кн. центр, 1991. 272 с. (Открытые двери). 100 т. э.

Василий НЕНОВ, ТРАГЕДИЯ ПЛАНЕТЫ РОКАНА. Фант. роман. Кишинев: Гиперион, 1991. 296 с. 25 т. э.

НЕОБЪЯТНЫЙ ДВОР. Альм. фант. и прикл. Сост. В. Дорошин. Алма-Ата: Ренессанс, 1991. 255 с. 100 т. э.

НЕЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА. Современ. ф-ка. Симферополь: Таврия; РПК «Текст», 1991. 446 с. 75 т. э.

Юрий НИКИТИН, Станислав ГАГАРИН, Алексей РАСКОПЫТ, МЕГАМИР. Фант. роман, рассказы. М.: РТО «Отечеств», 1991. 352 с. (Б-ка «Отечеств»). Нар. полка прикл., фант. и отеч. истории). 100 т. э.

НФ. Сб., вып. 35. Сост. Е. Войскунский. М.: Знание, 1991. 240 с. 100 т. э.

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ. Сб. ф-ки. М.: МГ, 1991. 415 с. (Ф-ка). 100 т. э.

ОПЕРАЦИЯ НА СОВЕСТИ. Сб. НФ. М.: Знание, 1991. 240 с. 600 т. э.

Николай ОРЕХОВ, Сергей ОРЕХОВ, ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА. Фант. рассказ. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. 24 с. 30 т. э.

СИНЯЯ ПЕСНЯ ХОЛМОВ. Фант. повесть. Свердловск: ТМ «КВН УПИ», 1991. 78 с. 50 т. э.

ОХОТА НА ДРАКОНА. Фант. повести, рассказы, статьи, очерки. Сост. А. Каши-

рин. М.: МГ, 1991. 511 с. (Ф-ка. ШЕ). 110 т. э.

Инесса ПАБЛОС, ТЕРЕСКА И КУСКОВО. Фант. повесть. М.: ЭТО «Комитет литераторов», 1991. 92 с. 2 500 э. (А); ТЕРЕСКА И ВЕСЬ МИР. Фант. повесть. М.: Прометей, 1991. 193 с. 5 т. э. (А)

Евгений ПАНАСКО, ДЕСАНТ ИЗ ПРОШЛОГО. Фант. повесть, рассказы. Ставрополь: Кавказ, б-ка, 1991. 123 с. 10 т. э.

Аркадий ПАСМАН, ЧЕРНЫЙ ДОЖДЬ. Фант. повести. Новосибирск: Второе ТО ЗСМО ВТПО «Киноцентр», 1990. 89 с. 100 т. э.

Виктор ПЕЛЕВИН, СИНИЙ ФОНАРЬ. Рассказы. М.: Текст; РФФ, 1991. 316 с. (Альфа-фант.). 100 т. э.

Владимир ПЕТУХОВ, КОСМИЧЕСКИЙ СКИТАЛЕЦ. Роман. Киров: Лит.-худож. изд-во Кир. отд. СКФ, 1990. 181 с. (Блистающий мир). 20 т. э.

Юрий ПЕТУХОВ, ЗВЕЗДНАЯ МЕСТЬ. Фант. роман. М.: СП, 1991. 351 с. (ПФ). 5 т. э. (А); САТЯНСКОЕ ЗЕЛЬЕ. Фант.-детект. «роман ужасов». М.: Метагалактика, 1991. 384 с. (ПФ). 100 т. э.

Сергей ПИСАРЕВ, ПОВЕСТЬ О МАНКО СМЕЛОМ; Владимир ГОЛОВИН, ГИРР — СЫН АГУ. Ист. повести. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 313 с. (Во тьме веков). 100 т. э.

Л. ПЛЕШАНОВА, ПРЕДСКАЗАНИЕ. Фант. рассказы. М.: Современник, 1991. 192 с. 10 т. э. (А)

ПОЛЕТЫ НА МЕТЛЕ. Фант. повести, рассказы. Сост. И. Игнатьева. М.: МГ, 1991. 489 с. (РФ). 110 т. э.

Геннадий ПРАШКЕВИЧ, КОТ НА ДЕРЕВЕ. Фант. повести, рассказы. М.: МГ, 1991. 239 с. (БСФ). 100 т. э.

ПРОБА ЛИЧНОСТИ. Сб. Сост. В. Михайловский. М.: Известия, 1991. 446 с. (Б-ка сов. прозы. Прил. к журн. «Дружба народов»). 100 т. э.

Леонид РЕЗНИК, ДИКТАТОР ПОНЕВОЛЕ. Фант. повесть. Волгоград: Т-во «АТОМ»; КЛФ «Ветер Времени», 1991. 79 с. 10 т. э.

Роман РЕЗНИКОВ, ПЛЕННИКИ КОСМОСА. Фант. повесть. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1991. 343 с. 5 т. э. (А)

Борис РОМАНЕНКО, ПЯТЕРО С УЛИЦЫ ГРИВ. Повесть, рассказы, былинцы. М.: Прометей, 1990. 128 с. 30 т. э. (А)

Игорь РОСОХОВАТСКИЙ, ПОНЯТЬ ДРУГОГО. НФ рассказы, повести. Киев: Рад. письм., 1991. 348 с. 65 т. э.

РУССКАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА. Сост. Ю. Медведев. М.: Правда, 1991. 478 с. (МП). 300 т. э.

Владимир САВЧЕНКО, ВИЗИТ СДВИНУТОЙ ФАЗИАНКИ. Повесть, рассказы, НФ публицистика. Киев: Молодь, 1991. 253 с. 65 т. э.

Николай САДОФЬЕВ, ПОЛИС. Фант. повесть. Симферополь: Таврия, 1991. 30 с. 2 т. э. (А)

Генри САЙЕРС, СКВЕРНЫЕ ВРЕМЕНА В ГАРРИСБЕРГЕ. Роман. Краснодар: Кн. изд-во, 1991. 143 с. 5 т. э.

Сергей САС, ГОРЬКИЙ ПРИВКУС АЙКАВЫ. Фант. повести и рассказы. Алма-Ата: Гылым; ЛО «Ренессанс», 1991. 272 с. 10 т. э.

Семеро из «ОРИОНА». ЖЕСТОКАЯ ИГРА. Фант. рассказы. Хабаровск: Амур, 1990. 80 с. (Б-ка альм. «Мир чудес»). 50 т. э.

Сергей СИНЯКИН, ЛЕБЕДИ КАССИДЫ. Повести. Волгоград. Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1991. 175 с. (Ф-ка). 100 т. э.

СЛУШАЙТЕ ЗВЕЗДЫ! Сб. фант. проз. Сост. Н. Орехов. М.: МГ, 1991. 479 с. (Ф-ка. ШЕ). 150 т. э.

Николай СОВЕТОВ, В ИЗГИБЕ РАЗВИТИЯ. Фант. роман. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1991. 320 с. 10 т. э.

СОЗВЕЗДИЕ ВИДИЙ. Сб. ф-ки. Сост. И. Игнатьева. М.: МГ, 1991. 398 с. (Ф-ка). 200 т. э.

Владимир СОКОЛОВ, ЧЕЛОВЕК С ПЛАНЕТЫ АРС. НФ повесть. Л.: ЛКК «Редактор»; Журн. «Ленингр. панорама», 1990. 52 с. 5 200 э. (А)

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Рисунки
Николая Мооса

РОБИНЗОН В РУССКОМ ЛЕСУ

Ольга
КАЧУЛКОВА

Повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я и мои воспоминания. Мой характер. Рисковое увлечение.
Мой пособник. Безумство, имевшее множество
неожиданных последствий.

Жизнь человека — длинный путь с многочисленными трудностями и препятствиями. Оглядываясь на то, что уже пройдено, он учится многому, начинает больше верить в собственные силы, но часто открывает и большие ошибки там, где прежде видел только разумное, хорошее и приятное дело.

В моей жизни было, разумеется, не одно заблуждение, которое я понял только гораздо позднее, но одно из них имело такие важные последствия, такое влияние на всю судьбу мою, что теперь, когда я уже стар и сед, я не могу не поделиться воспоминаниями о нем с моими соотечественниками. Может быть, в правдивой повести о моих мечтах и фантазиях и о том, как горько разбились они о жестокую действительность, какой-нибудь юный фантазер найдет для себя благое предостережение, а падающий духом встретит живой пример того, что нет в мире положения, из которого не вывела бы человека твердая решимость, настойчивость и неутомимый труд.

Не думайте, что я начну вам рассказывать историю бедствий и ошибок одинокого, покинутого ребенка. Напротив, детство мое было самое счастливое, окруженное всем, что только может дать судьба для полного счастья.

Семья у нас была большая. Жили мы в своем большом родовом имении. Отец очень любил нас всех, но ему было некогда особенно много заниматься нами. Хотя он был помещик и всегда жил в деревне, но далеко уже ушел от того странного типа помещиков, которые мирно и жирно поедали хлеб, выработанный по первобытному способу крепостными хлебопашцами. В свое время он много читал

«Я научился читать пяти лет, и в семь сам прочитал изумительнейшую книжку «Робинзон в русском лесу», автора не помню, но лучшей детской книжки не было никогда написано». Так свидетельствовал один из лучших писателей русского зарубежья, наш земляк-уралец Михаил Осоргин в книге воспоминаний «Времена».

Об авторе «Робинзона» найти удалось совсем не много. Известно, что «О. Качулкова» — это псевдоним учительницы Ольги Нионовны Хмелевой. Но, похоже, что под этим псевдонимом она напечатала только «Робинзона в русском лесу» — наверно, первое свое литературное произведение. Впервые повесть увидела свет в пяти номерах журнала «Семья и школа» за 1873 год. В советское время не переиздавалась.

В дальнейшем же Ольга Нионовна подписывалась своей настоящей фамилией — Хмелева. В восьмидесятых годах прошлого века вышла повесть «Марья-кружевница». Это самая известная ее книжка, которая выдержала пять изданий до революции и дважды выходила в наше время.

Из других произведений Хмелевой стоит назвать «Геремичные приключения одного безродного и беспаспортного», «Каткина дача, или Есть ли на свете лишний человек», научно-популярные очерки «Каменные пасынки каменной мачехи» (о Финляндии) и «Правда об Уссурийском крае и его обитателях».

Повесть «Робинзон в русском лесу» публикуется с сокращениями.

и учился, и однажды придя к мысли, что природа есть материал, из которого человек должен всеми способами создавать условия для своего благосостояния и счастья, — твердо и усердно принялся проводить ее в исполнение. Земли, воды и лесу у него было много, и вся жизнь его стала непрерывной полосой энергичной и полезной деятельности. Он сеял травы, разводил скот, установил правильное лесное хозяйство, завел кожевенный завод, лесопильню, мельницу. При такой деятельности его, разумеется, часто не бывало дома, и вся наша домашняя жизнь велась под руководством матери. Это была женщина тоже прекрасно образованная, энергичная, умная и в то же время поражающая каждого чрезвычайной нежностью и добротой.

Пока позволяло здоровье, она никого не допускала заниматься нашим воспитанием и учением. Старший брат мой, Анатолий, бывший уже студентом в то время, с которого я начинаю свой рассказ, сестра Саша, учившаяся уже в институте, да и сам я и мои две младшие сестры, все это были ее ученики. Только для летних прогулок и для порядка в детских жила у нас старушка немка Августа Ивановна.

Со стыдом вспоминаю я теперь свои занятия с матерью, ее терпение и мою непобедимую лень и рассеянность. Я очень рано выучился грамоте и пристрастился к чтению. Этот легкий способ перемещаться из страны в страну, не двигаясь с места, делить с героем его труды, подвиги и триумфы был мне чрезвычайно по сердцу, но все, что требовало хотя бы самой ничтожной усидчивости или самого легкого труда, было уже решительно не в моем вкусе. Сначала отец хотел, чтобы я приготовился и даже прошел дома несколько классов реального училища. Но постоянные дурные отзывы матери о ходе моих занятий заставили его изменить намерение. В то время военное образование стояло гораздо ниже гражданского, и меня решили отдать в корпус.

Я слегка огорчился, мне было стыдно, но скоро возможность отдать еще больше времени чтению всего без разбору утешила меня окончательно. От природы я был великий фантазер, способный увлекаться чем попало. На беду, книги мне попадались не детские, а по большей части старинные романы со сказочно богатыми, сильными и храбрыми героями. Поэтому, когда я закрывал книгу и вынужден был обратиться из могучего рыцаря-барона в обыкновенного и даже довольно плохого мальчика, которому часто доставалось за лень и рассеянность, то просто начинал скучать и тяготиться своей жизнью. Мне казалось, что и дом у нас не хорош, и свободы мне дают мало, и сестры мои глупы.

Я стал любить уединение и если не читал, то был способен лежать по целым часам неподвижно и сочинять тысячи самых безумных, нелепых планов и историй, и все они клонились, разумеется, к тому, чтобы избавить меня от моей «горькой», «обыкновенной участи».

На счастье, или несчастье, на одной из полок нашей библиотеки мне попало полное описание путешествий Дюмон-Дервиля. Сначала меня очень заинтересовал атлас рисунков, а затем сами описания. Вероятно, не малую роль играло и то сознание, что все здесь было «истинная правда». Я принялся читать путешествия с обычным безмерным увлечением. Теперь, вместо какого-нибудь графа Монте-Кристо, я воображал себя великим исследователем, цивилизатором и благодетелем целых стран, искренне забывая при этом, что сам цивилизатор, который собирал-

ся благодетельствовать, не умел найти страны на карте.

Я окончательно уединился от сестер и взрослых в семье, по-прежнему ленился, но мечтал уже не лежать, а выдвывая ножом разные штуки наподобие оружия дикарей. Эта новая затея заставила меня свести дружбу со старым столяром Михайлой и сыном камердинера моего отца, Васей.

Вася рос вместе с нами и впоследствии сыграл важную роль в моей жизни. Отец его был раньше крепостным человеком моего отца, но и после освобождения крестьян они на всю жизнь остались и господином, и слугой, и взаимно преданнейшими друзьями. Мать Васи умерла, когда ему было пять лет. Отец мой тотчас же велел взять его «в горницы». Его стали одевать в наши поношенные платья, кормить остатками от нашего стола и допускать играть с «барчуками». По тогдашнему мнению взрослых людей, это была великая милость и честь для сына крепостного человека. Но мы, дети, к счастью, не замечали ни размеров этой «милости», ни той разницы, какая существовала между нами и Васей. Для нас он был просто товарищем игр, а иногда и предметом зависти, потому что пользовался большей свободой, чем мы.

Мы смиренно сидели в классе, а Вася до хрипа кричал в хлебных сараях, загоняя птиц в силки, которые плел и расставлял по крышам с великим мастерством. Мы, скромно стоя на плоту, удили мелкую рыбу, а Вася бойко развезжал по озеру в челноке, забирался в тростники и возвращался с крупными лещами, плотвой и язями. Как же было не завидовать детскому умишке такой блаженной свободе.

Между мной и Васей была огромная разница. То, что у меня было робкой мечтой или неясной фантазией, у него тотчас же обращалось в дело. На разные мелкие ручные поделки он был великий мастер. Если где-нибудь в селе появлялась замысловатая скворечница, или чучело с ветряной трещоткой в огороде, или шумливая водяная мельница на ручье — нечего было и спрашивать, кто это сделал.

Моя фантазия делать оружие на манер разных дикарей, разумеется, встретила в нем большое сочувствие и усердное содействие. Старика Михайлу тоже забавляли более или менее остроумные приспособления, особенно когда я приправлял их интересными рассказами о том, «какие люди живут за морями». Я стал подолгу засиживаться в столярной и кое-как научился владеть инструментом.

Между тем учеба моя шла по-прежнему безнадежно плохо. В один из приездов отца мать снова жаловалась на меня и рассказала о моей новой фантазии работать в столярной.

— Так что ж — и пусть сидит и работает, — ответил он сухо, — это лучше, чем валяться по диванам и уж решительно ничего не делать. А только вот что я тебе скажу, Надя, думал я продержат его дома лет до пятнадцати, пока он сложится и окрепнет, но теперь вижу, что это просто невозможно. Он сам теряет попусту время, да и тебя измучил. Осенью свезу его в корпус.

Эта перспектива не особенно мне нравилась. Я просто испугался и несколько одумался. Способностями меня Бог не обидел. Я стал работать очень усердно и скоро не только утешил, но даже привел в восторг мою бедную мать.

У моей матери был двоюродный брат, человек еще молодой, не глухой, богатый и беззаботный. Зимой он про-

водил в Петербурге, но перед Пасхой переселялся в свое имение, соседнее с нашим. Впрочем, большую часть времени он проводил у нас потому, что был очень дружен с родителями.

Этот холостяк и богач дядя являлся всегда с целыми возами всевозможных подарков.

Мне шел уже тринадцатый год, и на этот раз дяде вздумалось приурочить свои подарки к моему возрасту. Через несколько дней после его приезда, когда привезли его багаж, он подарил мне отличное английское ружье со всем охотничьим набором, полный комплект не игрушечных, а настоящих инструментов плотника и столяра и несколько хороших, роскошно переплетенных книг.

Весь вечер прошел в рассматривании, похвалах и благодарностях. Мы, дети, даже несколько опоздали лечь спать.

Однако сестер скоро увела из-за чайного стола Августа Ивановна. Я один остался в столовой и лениво допивал свой стакан.

Смежная комната была будуаром моей матери. Тотчас после чаю отец ушел в кабинет к своим счетам и бумагам, а мать увела дядю к себе. Между ними завязалась сначала просто веселая болтовня, но скоро они перешли к серьезным семейным делам.

Они, вероятно, забыли обо мне, и я невольно подслушал разговор, имевший впоследствии влияние на всю мою жизнь.

— А что Сергей? — вдруг спросил дядя, — вы писали, что он за последнее время начал чудить по-новому?

— Да, мальчик очень заботит меня, — грустно проговорила мать, — это просто не человек, а какое-то ходячее увлечение. Все решительно он делает как-то порывом! А это не предвещает ничего доброго! То ленился и целыми днями лежал и о чем-то думал. Потом принялся за столярничать. Теперь новый припадок: с некоторых пор стал так учиться, что просто поражает и меня, и отца. Способности у него прекрасные, но я боюсь, что это полезное увлечение протянется недолго!

Мне стало как-то жутко... стыдно за себя, жаль мать. Но я сидел и продолжал слушать.

— Вот теперь, — снова начала она, видимо, старалась говорить как можно громче, — я, разумеется, очень благодарна вам за внимание к сыну, но, признаюсь, ваши подарки очень озаботили меня! Заметили вы, до чего он обрадовался ружью? Теперь он станет целыми днями думать о нем и возиться с ним, а значит, опять забросит ученье. Да дай Бог еще, чтобы, при его рассеянности, эта игра с оружием не окончилась чем-нибудь ужасным!

— Полноте, кухня, — горячо заговорил дядя, — как вы до сих пор не видите, что это ребенок с необыкновенными задатками, что он не может улесться в рамки всех детей вообще. Вы почему-то гостуете, что он не будет у вас гладеньким гвардейским офицером или усердным чиновником, но что за несчастье, если он станет великим путешественником или изобретателем? Что касается ружья и инструментов, так ведь он мальчик, пусть и развивается по-мужски! Вы говорите, что он горяч, но уверяю вас — ничто не учит так хладнокровию и самообладанию, как ружье. А что касается учения, то мы не дадим ему его забросить. Я сам стану учить его стрелять, но поставлю кое-какие условия. А через месяц придет Анатолий и освободит вас от трудов с ним.

В эту минуту в столовую возвратилась Августа Ива-

новна и отправила будущего великого изобретателя спать.

Добрый дядя! — он говорил так, чтобы утешить мою бедную мать! Но он не знал, какой безумец его слушал и какие горькие последствия имели его слова даже для той, кого он хотел ими утешить!

Я долго не спал в эту ночь и все раздумывал, что значило дядино слово «рамки» и чем я лучше других детей и особенно моих «глухих» сестер, и заснул очень довольный собственной персоной.

Однако опять зелениться мне не дали. Дядя сам ходил стрелять со мною сначала в цель, которую мы устроили на гумне, затем даже и в птиц, сам обновил со мною все инструменты в столярной; зато сам же присматривал и за тем, как я готовлю уроки. На каникулы приехали Анатолий и Саша, и тут мне стало решительно невозможно или размечтаться, или просто поленились, потому что я был предметом общих забот в семье, предметом, который нужно было спасать от губительных последствий лени.

Впрочем, я быстро сам понял непосредственную выгоду хорошего учения. Все стали со мною гораздо привлекательнее, даже отец.

Лето оказалось для хозяйственных дел отца замечательно счастливым. Сенокосы удались как нельзя лучше, первые умоты доказали, что урожаем окажется превосходный, скот отлично выходился и заметно приумножился. Отец был чрезвычайно в духе.

Весельчак дядя все уговаривал его отпраздновать такую счастливую осень каким-нибудь особенным удовольствием и наконец предложил «тряхнуть помещичьей стариной» — устроить охоту на отъезжем поле. По его ходатайству решено было взять и меня.

Местом охоты выбрали рощи верст за двадцать от нашего села, где было много зайцев и всякой дичи. В несколько дней весть о нашей затее и приглашение принять в ней участие облетела всю окрестность. Дня за два стали к нам съезжаться дальние соседи с ружьями и собаками. Наш всегда скромный и тихий дом словно переродился. Везде стало шумно илюдно, слышались охотничьи рассказы и анекдоты, громкий хохот, отрывистые команды, под которые хорошо дрессированные собаки выделывали разные удивительные штуки.

Меня на целую неделю освободили от занятий. Да и едва ли мог бы я чему-нибудь выучиться за эти дни. Я был точно в чаду. Множество чужих лошадей во дворе, десятки ружей разных систем, дрессированные собаки, байки охотников, — все это поглощало меня всецело днем, а ночью... я по обыкновению мечтал и фантазировал.

Наконец на рассвете одного дня меня поспешно разбудил и одел Вася. Все охотники закусывали и пили чай в столовой. Мать моя была тоже там. Она сама очень заботливо накормила и напоила меня, а когда мы стали прощаться, она благословила меня с той скрытой тревогой в глазах, которую я часто подмечал в них, когда у нас в доме кто-нибудь заболел серьезно. Но я тогда не умел оценить этой тревоги!

Я почти вырвался, побежал к себе, надел свой новенький щегольский ягдташ, пороховницу, дробницу, нож и все остальные охотничьи допехи. Все это было лишь излишним грузом мне и лошади и могло бы доехать до места охоты на одной из телег. Теперь я понимаю, что был смешон и жалок, но тогда мне мерещились охотники Арканзаса и нестерпимо храбрые герои Майн Рида.

На месте охоты нас уже ожидали телеги с тенетами и целые толпы крестьянских мальчиков-погонщиков. Тенетами называется сетка в сажень шириной и несколько десятков сажень длиной. Ее ставят полукругом по опушке какой-нибудь рощи или леса, прикрепляя к деревьям, кустам и кольям. Особенно следят за тем, чтобы нижний край приходился плотно к земле. Затем погонщики, отойдя за версту, за полторы, становятся также полукругом и с криком и трещотками бегут обратно к ним. Все зайцы и лисицы, которые были в этом кругу, бегут от шума и попадают в сети тенет. Охотникам остается только убивать их.

Но дяде и отцу скоро надоела эта охота, скорее похожая на хищническое истребление. Мы стали охотиться без тенет, исходили огромные пространства, подкрепились тем, что нашлось в ягдташах, и только к вечеру, когда уже стемнело, вышли на поляну, среди которой расположился наш лагерь.

Никогда в жизни не забуду того восторга, в который привел меня его вид. В сумраке ярко пылало несколько костров. Два огромных шалаша отбрасывали колоссальные тени, недалеко чернели фигуры лошадей, привязанных к телегам. По мере того, как подходили охотники, картина все более и более оживлялась. У всех лица были веселые, оживленные движением. Это было так похоже на лагерь переселенцев в какую-нибудь необитаемую страну.

Я наскоро поужинал и забрался в шалаш. Мне было тепло, мягко, я ничего не боялся и, разумеется, фантазировал.

— Что за прелестная жизнь! — думалось мне. — И отчего бы отцу не жить так постоянно! Что ему за охота, то ездить по скверным дорогам, то проводить ночи за счетами, чертежами и скучнейшими книгами по химии! Вот и меня так мучают! Ну зачем мне знать какую-то таблицу умножения, геометрию, физику! Вон сколько здесь людей, и живут они, и счастливы без этой премудрости.

Я заснул среди таких радужных мыслей.

Второй день охоты прошел точно так же, как и первый, но на третий произошло одно обстоятельство, которое окончательно вскружило мою несчастную голову.

Обойдя все рощи, на третий день мы перебрались к опушке большого бора. Дядя заранее предупредил меня, что на этот раз дело гораздо серьезнее, что в бору можно попасть и на медведя.

Охота шла своим чередом. Загонщики и собаки оцепили «костров» с одной стороны, мы, охотники, стояли с другой. Мрачный и спокойный лес вдруг наполнился звоном детских голосов, собачьим лаем, резким звуком трещоток.

Я, по обыкновению, стоял возле дяди с ружьем наготове, сладко замирал от ожидания. Вдруг в чаще послышался тяжелый топот и треск и стал быстро приближаться.

— Смотри, Сергей, не оплошай, это не заяц! — шепнул дядя несколько встревоженным голосом, — а главное, не вздумай бежать.

По правде сказать, я именно и собирался «пойти на утек», забыв все свои фантазии и храбрость, которую чувствовал и проявлял, читая на диване Майн Рида. Но слова дяди подстрекнули мое самолюбие и заставили овладеть собою.

В эту минуту из густой чащи молодых побегов бе-

резняка, рябины и ольшанника, прямо против меня, появилась рогатая голова лося. Растерявшись от крика и треска, он несся очертя голову и если и видел нас, то, вероятно, выбрал из двух опасностей наименьшую, а потому не остановился, выпрыгнул из чащи и продолжал бежать ко мне. Я едва успел приложиться и выстрелить в то мгновение, когда он уже поравнялся со мною. Весь заряд крупной дроби засел у него в предплечье правой передней ноги. Лось сделал еще несколько отчаянных прыжков, сильно захромал и наконец рухнул на землю всей тяжестью своего грузного тела. Очевидно, густой град дроби перебил ему сухожилие. Дядя выстрелил почти вслед за мной и попал туда же. Вокруг вскоре собралась толпа охотников. Его тотчас же добились. Смерть лося спасла жизнь многим зайцам и лисицам. Поднялись толки и догадки. Должно быть, бедняга шел на соседнее озясное поле и попал в наш «остров».

Я сделался героем дня. Расходившиеся охотники хвалили меня, точно все вышло не случайно, а по причине моей особой доблести. Даже отец шутливо поздравил и похвалил меня.

Я плывал в море самодовольства и все больше и больше начинал верить в то, что я юноша необыкновенный.

Вечером того же дня мы возвратились домой. Наша жизнь вошла в обыкновенную, ненавистную для меня колею. Анатолий, Саша и дядя уехали, отец хлопотал по делам. Я опять стал заниматься с матерью, но теперь уже некому было подгонять меня, и я опять заленился.

У меня появилось новое увлечение. Между книгами, которые привез дядя, была одна, которая свела меня с ума так, как я не сходил еще никогда. Это было роскошное издание «Робинзона Крузо». После охоты мне все мерещилась вольная жизнь в лесу, а тут вдруг встретил правдоподобный рассказ о том, как человек прожил один в лесу много лет. Я опять стал фантазировать. Мать несколько раз страшила меня корпусом, рассказывала, какие там строгости, какой порядок, трудная и скучная жизнь. Но я так верил в ее нежность и в то, что она не захочет отдать меня «на такую муку», что не особенно боялся ее угроз и продолжал свое.

Наконец, она пожаловалась отцу. Он был как-то особенно не в духе и не стал даже разговаривать со мной, а только сказал матери:

— В прошлом году я сдался на твои уговоры, поверил тому, что он исправился. Теперь вижу, что ошибся да и тебя измучил. В августе отвезу его в корпус — авось там человеком сделают! А безграмотных пастухов у меня и без него много.

По выражению лица и по тону его голоса я понял, что решение твердо и неизменно. Участь моя была решена!

Очень пугало и мучило меня это обстоятельство. Я не спал несколько ночей, стал еще рассеянее и все придумывал, как бы избежать того, что было теперь уже неизбежно.

Наконец, однажды вечером, начитавшись Робинзона, ночью я придумал выход! Сердце мое дико застучало от радости.

«Не удастся им сделать из меня гладенького офицера! — думал я со злорадным торжеством, совершенно забывая, что под этим «им» подразумевались моя нежнейшая мать и вечно работавший для нас отец. — Дождусь лета и убогу. Если бежать в какой-нибудь город или деревню, — меня поймают и приведут обратно. Так убогу я в лес. Жил же Робинзон, проживу и я! Стрелять я

умею даже получше его! Шалаш себе сделаю. А Пятница? — мелькнуло у меня в голове, — вдвоем все-таки как-то лучше. Эх, кабы товарища найти! Вася!» — чуть не крикнул я.

Я заснул совсем счастливый. Моя робинзонская будущность казалась мне решенной и обеспеченной, а корпус лишился чести иметь в среде своих воспитанников «необыкновенного мальчика» и будущего великого человека.

На утро, когда пришел Вася подать мне умыться, я хитро и осторожно сообщил ему свой план. Но он замахал руками и ногами и вооружился всеми доводами, которые только мог изобрести его наивный ум.

Я несколько опечалился, но не унывал. Я был уверен, что Вася не выдаст меня, а чтобы уговорить его, у меня было впереди еще много времени. Я понемногу разбивал все доводы Васи, что было мне особенно легко с помощью Робинзона и некоторых книг путешествий. Удивительно, право, как извращенный ум человека может обратить даже полезнейшие вещи себе во вред.

Одно неожиданное обстоятельство помогло мне очень скоро убедить Васю. Слух о том, что осенью меня повезут в корпус, скоро дошел и до людских.

В один вечер Вася пришел раздевать меня с опухшими от слез глазами.

— Чего ты? — спросил я.

— Одна, видно, у нас с вами участь, Сергей Александрович! — проговорил он горько. — Заодно с вами и меня отец в Петербург в ученые повезет. В резчики отдать хочет, а я еще раньше от Матвея наслушался, как там мастерские учат. От одних побоев человек умереть может!

Мне это было на руку! И действительно, Вася согласился бежать со мною и со свойственной ему энергией принялся готовиться к нашей будущей лесной жизни. Он стал припасать веревки, гвозди, обломки кухонных и столовых ножей. Мы задумались, как доставить все вещи на место будущего жительства. Но и тут нашли выход. Чтобы выпросить себе некоторые побряки в домашней жизни, я стал получше учиться. Для головы, занятой совсем иным, это стоило большого труда, но на этот раз я решился даже потрудиться, лишь бы удалось то, что я задумал. Мать была довольна мною и даже довольно охотно согласилась, чтобы я вместо обеденного моциона ходил в столярную и делал там себе с Матвеем тележку.

Бедный старик не мог надивиться, зачем я затеял такого «Язоба», как он выражался. Но я знал, что чем больше колесо, тем лошади легче везти экипаж, а этой лошади предстояло быть мне самому. Хотелось также захватить с собой из дому как можно больше необходимых вещей. А потому я настоял, чтобы колеса тележки были как можно выше, кузов узкий (чтобы проезжать между

деревьями) и очень глубокий, как ни отговаривал меня Матвей. Оси, шины, шкворни и все остальные части мне сковали на кузнице при нашем кожевенном заводе, выкрасил ее один рабочий маляр-самоучка, и тележка вышла хотя и очень странная с виду, но как раз соответствовавшая моим целям.

Мы понемногу собирали спички, гвозди и особенно заботились о порохе, дробе и пулях. Дядя подарил их достаточно для мальчика моих лет, но что значило это количество для будущего лесного жителя! У меня была копилка, и в ней постепенно набралось порядочно денег. Я вскрыл ее и отдал их Васе, а он исхитрился и уговорил одного рабочего купить нам хороший запас пороху, дробы и свинца.

Наконец, в половине июня, когда все распустилось, воздух и земля окончательно прогрелись, дни стали жаркие, а ночи теплые, мы решились и назначили побег на 12 июня. Меня уже за три дня стала колотить лихорадка. Я не мог ни есть, ни спать. Вася тоже ходил бледный и мрачный.

Мой странный вид начал беспокоить мою мать. Она думала, что я нездоров. Вечером одиннадцатого она пришла ко мне в комнату, когда я лежал уже в постели, и присела на кровать.

— Что это с тобой, милый мой? — проговорила она с невыразимой, кажется, только ей одной свойственной нежностью, — не болит ли у тебя что-нибудь?

От этих звуков всепрощающей любви у меня сжалось сердце, и я весь покраснел. Только в эту минуту я вполне ясно представил себе, что должен, может быть, навсегда расстаться с матерью. Мне захотелось плакать. Я готов был признаться во всем и далеко отбросить наш безумный план, но в то же мгновение мне представился мой решительный Вася и то, что я сам уговорил его, и мне стыдно будет отказать.

Я промолчал и только крепко, изо всех сил, обнял и поцеловал мать. Она как-то тревожно и печально глянула на меня, отбросила волосы с моего лба, поцеловала меня и проговорила:

— Да и нервный какой ты стал! Впрочем, может быть, это от роста. Ты так растешь, — со временем гигантом, должно быть, будешь. Ну, ложись. Дай я тебя закрою. Мне и самой сегодня что-то очень спать хочется; наверное, очень устала в саду.

Она закрыла меня, благословила и неспешно вышла. Я лежал и горько плакал. Теперь я уже совсем, совсем ясно понимал, что затеял глупое, злое дело, но мое мелочное самолюбие не давало остановиться вовремя и сказать Васе о моем решении прямо. Я был, как и все недостаточно вдумчивые люди, рабом такого самолюбия и действовал, как раб.

Между тем все звуки в доме постепенно затихли. Утомившаяся работой в саду, прислуга улеглась рано и скоро заснула.

Вдруг под окном моей комнаты раздался шорох и за ним три условные удара в стекло. То был Вася. Я вскочил, подбежал к окну, беззвучно отпер его и помог Васе взобраться в комнату. Тележка стояла в саду.

— Все спят, — прошептал он, — одевайтесь скорее!

Я принялся дрожащими руками натягивать на себя сапоги и платье. Вася тихонько доставал из-под кровати все запасенные нами кульки, ящики и свертки. Собравши все это на подоконник, он вылез опять в сад. Одевшись, я подошел и стал подавать ему вещи, а он уклады-

вал их в тележку. Тяжелый ящик с инструментами доставил нам немало хлопот. Наконец, все было уложено. Я оглядел комнату. На письменном столе лежали два моих перочинных ножа, я взял их и положил в карман. Комод с бельем стоял с не совсем притворенным ящиком. Я вытащил из него что попало и спустил к Васе. Он одобритительно мотнул головой. У печки приютился довольно большой ларь из дуба. Он принадлежал моей старой няне. Я не знал, что в нем лежит, но думал, что иголки, нитки и лоскутья, а потому взял и подал Васе.

— Зачем? — спросил он озадаченно.

— Там все пригодится!

— Пожалуй. Только довольно, не утащить будет.

Я, однако, вернулся еще раз и выбросил два одеяла.

Так отправлялся будущий великий путешественник и просветитель диких стран на долгую лесную жизнь, — без плана, без системы, не думая, что может быть действительно нужным и что лишнее, а просто и бестолково хватая что попадается под руку.

У Васи было все уложено, и он ловко увязал воз. Я помог ему, и наконец мы двинулись в путь. Тележка оказалась на ходу действительно очень легкой. Я заметил, что предусмотрительный и практичный Вася смазал колеса салом, что очень облегчило передвижение.

Ступая как можно легче, мы тотчас же свернули в самую крайнюю аллею сада и спустились к выездным воротам. Вася отворил их мне и тихо сказал:

— Везите пока один, а я мигом догоню вас.

В стороне, в углу сада, среди густой чащи черемухи и сирени стояла баня. Вася побежал к ней и минут через десять догнал меня. За спиной его висело ружье, за поясом торчал топор. Одной рукой он держал под мышкой небольшую оконную раму, другой тащил два железных заступа.

Я остановился. Мы наскоро привязали все эти вещи к возу. Раму обернули одним из одеял.

— Окуда ты взял ружье, Вася? — спросил я.

— У отца, он стар уже на охоту-то ходить! — отвечал он отрывисто, отвернувшись и сильно дернул оглобли.

Ему было стыдно. Я понял это и замолчал.

Часа через два быстрой ходьбы, а подчас и бега, мы были уже далеко.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Лес. Погоня. Истощение сил и голод. Решение возвратиться. Мы заблудились.

В верстах трех от нашего села начинался огромный заповедный лес и тянулся на несколько десятков тысяч десятин. Он целиком принадлежал казне. Оберегали его от порубов казенные лесничие, но и они расхаживали только по опушке, потому что были уверены, что вглубь не пойдет никто.

Между крестьян о нем ходила дурная слава. Говорили, что посреди его есть глухое озеро, а над озером высокая гора, прозванная Чёртовым Городищем, что в густой чаще тамошних столетних сосен живут и прируют лешие, а по ночам над лесом точно стон стоит от их хохота и песен. Встарь сквозь этот бор пролегал «старо-смоленская» дорога, но понемногу ее покинули и запустили.

У нас в семье часто говорили об этом лесе. Отец не любил его потому, что он был приятном тысяч волков, жестоко опустошавших стада всей округности. Что касается причудливой фантазии крестьян, населявших их лесами, распеваящими по ночам песни, то мы только

смеялись над нею, потому что знали, что и «пели» и «хотали» совы, которых в такой глуши было, разумеется, много.

Июньские ночи коротки и светлы, едва мы успели углубиться в лес, как начало светать. Как хитро ни задумал я тележку, а все-таки она стоила нам великих трудов, приходилось идти не прямо, а извилинами, чтобы не застрять между деревьями. Местами нам перегораживали дорогу толстые стволы буреломника, — в таких случаях мы поднимали и переносили ее на руках. Но нас подгонял страх, что нас поймают и накажут. Мы оба были в поту от труда, усталости и бессонной ночи, однако двигались вперед довольно успешно, стараясь уйти подальше в глубину леса.

Солнце уже высоко поднялось над лесом, а мы все еще шли и тащили свою кладь. Наконец, вероятно, часов около восьми утра, я не выдержал, выбрал место поудобнее и бросился на мягкий мох.

— Нет, Вася, я больше не могу!

— Что ж, отдохните, тут гяухо! — охотно согласился он.

Только теперь я понял всю меру своей усталости. Ныла каждая косточка, и есть хотелось несстерпимо.

— Вася, — проговорил я несмело, — а что же будем есть? Ведь у нас ничего нет!

Он тоже в изнеможении лежал возле меня с полузакрытыми глазами, но при этих словах довольно бодро приподнялся на локте. Самодовольная улыбка осветила его красное лицо с облившимися от пота волосами.

— Ну вот, вы с вашим Робинзоном, Сергей Александрович, и сплеховали! — проговорил он. — Тот попал в

какой-то рай земной, а мы с вами в русский бор ушли. Разница-то есть! Вы вычитывали, а я сам думал, и с голоду мы пока не пропадем!

Я просто просиял, а он привстал на колени и начал развязывать воз. Оказалось, что Вася стащил из людской столовой два караваев черного хлеба фунтов по десяти, целый окорок, десятка три вареных яиц и какую-то большую жестянку, но уложил все это на дно тележки, поэтому нам пришлось перебрать всю свою поклажу.

— Уж нечего сказать, принял я греха на душу, — добродушно каялся Вася, — яйца-то мне тетка дала. Я у нее их четыре дня все выпрашивал. Каждый день говорил, что на озеро поеду и рыбы ей привезу. И ездил, и возил, а яиц не ел, все прятал! А в жестянке этой зерно, фрукты сушеные, — грешный человек, — в кухне стащил уж совсем вечером. Верно, повар с ключницей забыли. Да вот и квасу две бутылки, от господской окрошки в буфете остались.

В другое время я прочел бы Васе дружеское назидание и не дотронулся бы до такой провизии, но теперь был рад его проделкам, как, вероятно, радуется кошка стащенному кусочку мяса.

Мы поели и решили поспать час-другой. Солнце уже перебралось за полдень, когда меня поспешно растолкал Вася.

— Вставайте скорее! — говорил он, — в лесу стреляют, верно нас ищут!

Я вскочил, почти не замечая, как болят мои непосильно утомленные кости. Мы наскоро связали воз и пошли все глубже и глубже в лес. Выстрелы постепенно затихли вдаль. После четырех часов усердной борьбы с пре-

пятствиями мы снова сделали привал. На этот раз вскрыли жестянку, думая полакомиться. Но каково же было наше разочарование, когда вместо сушеных фруктов в ней оказался крупная поваренная соль. Впрочем, Вася скорее обрадовался этому приятному открытию, да и сам я понял, что останься мы в лесу без соли, — что стали бы мы делать? У Робинзона было под рукой море со своей соленой водой, которую стоило только выпарить на жарком и южном солнце, а у нас ничего подобного даже не предвиделось!

На этот раз мы уже не ложились, а решили идти вперед до ночи. Наконец стало смеркаться. Мы выбрались на небольшую поляну, на которой было посуше и не так много бурелома.

— А ведь пора подумать и о ночлеге, Сергей Александрович, — проговорил Вася, останавливаясь, — не знаю, как вы, а я совсем выбился из сил! Только как же мы ночевать-то будем? Ведь здесь глушь такая, что сюда уходит на лето всякий хищный зверь. Того и смотри, наскочат на нас волки, а еще того лучше — сам Михайла Иванович Топтыгин. Робинзон спал на дереве, а мы лучше разведем костер, зверь ночью боится огня.

— Не зажечь бы нам весь лес, Вася. Видишь, как сухо, ведь тогда мы погубим самой ужасной смертью! — проговорил я.

— Этого бояться, так и в лес не ходить, — ответил он, — нужно просто расчистить лопатами большой круг и костер развести посредине.

Благо тому, кто не испытал непосильного труда, кто не переживал таких минут, когда с одной стороны чувствовал полный упадок сил, а с другой — сознавал неумолимую необходимость продолжать работу! В этот вечер я пережил первое такое испытание в жизни. Я устал до полного изнеможения, кости ломило, руки покрылись мозолями, горели и щипали немилосердно! Однако пришлось взять заступ, из страха быть растерзанным или живьем сгореть, и этими наболевшими руками прокопать добрых полтора часа. Описать это чувство почти невозможно. Тут и злора, и горе, и что-то похожее на отчаяние, и чисто физическая боль. Будущий великий цивилизатор тайком от Васи, который стал тоже что-то очень молчалив, не раз всплакнул, но все-таки продолжал работать ради спасения своей жизни.

Наконец мы зажгли костер, уселись и поели. Квасу осталось только полбутылки.

— А все-таки обоим вместе нам ложиться нельзя, — сказал Вася, заканчивая ужин. — Настоящий дикий зверь так боится огня, что будет бродить и злиться вокруг, а близко все-таки не подойдет. Но здешние волки дело другое, они народ бывалый, только на начало лета уходят в глушь, пока в ней много детенышей у всякой твари, а потом больше имеют дело с пастухами и многому уже научились, на многое осмелились. А у нас еще на беду окорок есть. Этот дух для них приманчив. Мы лучше вот как сделаем, Сергей Александрович: вы зарядите ружье и сядьте поближе к огню, а мне дайте заснуть сначала. Я посплю чуток, потому встану, тогда уж вы и спите на здоровье сколько вздумаете.

• Я согласился. Мы подбросили хвороста в костер, подготовили на ночь еще добрую кучу, я зарядил ружье и уселся, а Вася бросился на землю и через минуту уже спал мертвецким сном.

Теперь, то прислушиваясь к тому, как тяжело ныли мои кости, то вздрагивая от ночных звуков, я имел дос-

точно времени обдумать, что я затеял и что ждет меня впереди. Между тем окончательно стемнело. Может быть, на открытом месте и была видна на западе уже потухающая заря, но под густым покровом хвойных ветвей вековых сосен установилась непроглядная, как смоль черная, тьма. Лишь в круг, который охватывал своим светом костер, стройными колоннами выступали могучие стволы, да неясным, капризным узором мелькала между ними легкая листва подлеска — рябины, березы и ольхи. Сначала вокруг все было тихо. Слышался лишь монотонный и негромкий шум леса, да по временам потрескивал костер. Но вот постепенно лес стал наполняться своей таинственной и кровожадной ночной жизнью. Сначала послышался грузный и неуклюжий взмах крыльев, шелест раздвигаемых ветвей, затем жалобный писк, и все смолкло. То вышла на охоту сова — непримиримый ночной враг мелко-птичьего люда, молодых зайцев, крыс, мышей и всякой слабой и неопытной твари. Но вот раздался звук и посерезней. Где-то вдаль завыл волк. Вой все приближался, слышны были даже прыжки. Я сильно вздрогнул, инстинктивно протянул руку к Васе, но вовремя удержался. Вероятно, волка влекла жадность и злоба, но он испугался непривычного в этих местах огня и пробежал мимо. Вдруг по лесу загудел адский хохот. Эхо подхватило его и глухо понесло дальше, а с другой стороны ему вторил такой же не то стон, не то смех. У будущего великого изобретателя мигом вылетели из головы все его познания о совах, все шуточки над мужичьим суеверием. Я замер в холодном оцепенении и ужасе и до сих пор дивлюсь, как я тогда не помешался! Переключка сов и вой волков продолжались довольно долго. Но вот в вышине поднялся сильный шум. Налетел свежий ветер и зашатал могучих великанов. За ним не было слышно звуков первых капель дождя, но вскоре они пробрались сквозь хвойный навес, шипя, испарялись в пламени костра и, с безжалостной быстротой впиваясь в мое платье, охладили мне спину, грудь, руки и ноги.

Боже мой, Боже! Еще вчера в эту самую пору я лежал в чистой и мягкой постели, в прочном, прекрасном доме, в котором не могли бы меня промочить, как жетса, все сорокадневные дожди потона. А теперь! Точно зверь или заброшенная собака! У меня не мог попасть от дрожь зуб на зуб. А эти совы, волки! Да и что будет дальше? Скоро ли и как мы устроимся? Соли не станет! Воды и теперь уже нет! Господи, Господи, да что же это! Нет, так жить нельзя! Завтра же объявлю Васе, что хочу домой, и что бы он там ни говорил, пойду к отцу и матери. Пусть не только в корпус, а хоть в солдаты отдадут. В корпусе три, четыре года — и я свободный человек, сытый, в тепле и чистоте, а здесь вечная, непосильная работа, голод, холод, грязь!

Наконец я не выдержал и разбудил Васю. Спросонья он не мог сначала понять, где он и что с ним, однако, услышав мой плачущий голос, опомнился, вскочил и стал утешать меня. Я, заливаясь слезами, объявил, что хочу домой и завтра же пойду туда. Вася радостно согласился. Это решение успокоило и приободрило нас, но тут обнаружилось, что кончился хворост. Пришлось таскать его, рискуя попасть волку в зубы. Поэтому один из нас светил большой головней, а другой таскал ветки и сучья. Теперь в лесу все вымокло и не страшно было заронить искорку и поджечь его. Было еще темно, когда я завернулся в одеяло и улегся возле костра на таком расстоянии, чтобы не сгореть.

С тех пор прошло много лет. Много ночей пришлось мне провести без сна за трудной работой, но ни одна ночь в жизни не казалась мне такой мучительно долгой, как первая ночь после побега из родительского дома.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Возврата нет. Мученья жажды. Озеро.

Мы решаемся остановиться.

На другой день, когда я проснулся, у меня болело все тело и в особенности ноги и голова. День стоял пасмурный. Дождь моросил не переставая. На всем лежал какой-то серый, унылый отпечаток. Но теперь нам было все равно — мы знали, что через несколько часов опять будем дома в тепле и холе. Мы наскоро поели и стали готовиться. Намозоленные накануне руки так болели у обоих, что тащить тележку за оглобли оказалось невозможно. Мы отрезали конец веревки и устроили нечто вроде лямки. Один из нас поочередно надевал ее на шею и пропускал под мышки. Руками приходилось слегка придерживать оглобли, чтобы они не тащились по земле, и действовать ими лишь на поворотах. Другой подталкивал тележку сзади.

Нигде человек так легко не сбивается с направления, как в лесу. На открытом месте, даже в степи или в пустыне, он может руководствоваться и солнцем, и какой-нибудь точкой на горизонте, наконец, звездами. В лесу все это невозможно. Горизонта нет, сквозь чащу невозможно рассмотреть расположение звезд, даже по солнцу можно ошибиться. Сам же лес так бесконечно разнообразен в мелочах и в то же время так монотонно одинаков в общем, что руководиться какими-нибудь приметами можно на очень незначительном пространстве. Мы сообразили это и, посоветовавшись, решили отыскать свои следы и идти по ним.

Мы решительно не помнили, с которой стороны пришли, и немалого труда нам стоило разыскать конец собственного следа, однако им пользоваться нам пришлось не долго. Вчерашняя дорога, благодаря тележке, была чрезвычайно извилиста. Кроме того, и мох, и трава под дождем встали опять так же пышно и сочно. Мы долго путались, бились и ошибались и кончили, наконец, тем, что побрели наугад.

Погода упорно держалась пасмурная, дождливая. Мы не могли руководиться даже солнцем. Закусывая утром, мы допили последние капли кваса, а между тем после соленой ветчины и сухого хлеба так хотелось пить!

Сначала мы переносили жажду довольно стойко. Вася первый признался, что ему «до смерти пить хочется», но тут же заметил, что можно и потерпеть. Однако через полчаса он остановился, сбросил с себя лямку и, подойдя к молодой березе, начал облизывать мокрые от дождя листья. Сначала я рассеялся, но потом принялся и сам за то же. Но разве можно утолить жажду измученного человека дождевыми каплями. Это только увеличивает мучения.

Я беспомощно оглянулся вокруг, и вдруг мне вспомнилось, что мох очень гигроскопичен, что, благодаря ему, по земле текут целые реки прекрасной чистой воды. Я нагнулся, вырвал клочок мха и попробовал сосать. Он, разумеется, был немного влажен, но там же были и сор, и букашки, а это было очень противно!

Вася осторожно потянул к себе одну из высоких ветвей березы, но маленький отросток, за который он ухватился, оказался недостаточно прочным и оборвался.

Большая ветвь быстро выпрямилась и обдала нас целым градом крупных капель.

— Пойдите, я что-то придумал! — вскричал вдруг Вася. Он побежал к возу, развязал его и вытащил чистую простыню, которую я взял, бесцельно хватая что попало из комода. Мы сложили ее вчетверо в большой квадрат. Вася держал ее, растянув на двух палках, а я встряхивал над нею мокрые ветки. Когда она сильно намочка, мы стали думать, во что выжать воду? В бутылку? Но горлышко было слишком узко, и много драгоценной влаги пропало бы даром, стекая на землю.

— Нужно рискнуть одной бутылкой, — сказал я и, обернув ее носовым платком, горлышком ударил о ствол дерева.

Стекло разбилось, но так удачно, что получился большой, глубокий стакан, хотя и с острыми и неровными краями.

Мы стали осторожно выкручивать простыню над посудиною до тех пор, пока она не наполнилась водой. Тогда мы напихали по очереди и тотчас же принялись снова за дело, боясь снова очутиться без воды.

На добывание воды мы потратили немало времени. Пасмурный день померк как-то особенно быстро.

Трое суток пробродили мы по лесу, питаясь только маленькими кусочками хлеба и добывая воду через простыню. Хорошо еще, что погода стояла все время дождливая, иначе бы мы погибли от жажды.

Вообще я удивляюсь, как мы тогда не потеряли головы, не бросили страшно нас тяготившую тележку, так как она была нам не нужна вследствие нашего решения идти домой, и вообще не наделали гибельных безрассудств. Может быть, именно потому, что потеряли от страха и горя всякую способность размышлять. А в нашем ужасном положении действительно трудно было опередить, что умно и полезно, а что глупо и губительно.

Наконец, уже на пятый день безнадежного странствования, ландшафт начал заметно меняться. Деревья стояли реже, между ними начали чаще попадаться лиственницы.

— Даст Бог, и конец ему близко! — заметил Вася, — поспею на дерево, посмотрю, не увижу ли дороги до хоть какой-нибудь деревни.

Он взобрался на самую высокую сосну. Я стоял внизу и нетерпеливо ждал.

— Ну, что там? — крикнул я, когда он был наверху.

— Ничего, барин! — отвечал он, — повсюду лес! А вот что хорошо — отсюда озеро близко.

— Нечего сказать, хорошо! — повторил я, — ведь ты слышал, говорят, что это озеро самая середина леса, самая глушь безвыходная! Да стой, я и сам залезу.

— А ведь и в самом деле! — говорил он между тем, — вон на озере и гора. Это Чертово Городище! Знать, кто-нибудь хоть из прадедов тут бывал и назад воротился, значит, воротимся когда-нибудь и мы.

Я поравнялся с ним и укрепился даже несколько выше. Действительно, всюду, сколько мог охватить взгляд, нас обступало беспредельное море темно-зеленых вершин! Лишь в одном месте цвет его заметно светлел. То были лиственные деревья, как рамкой обступавшие покатые берега зеркального озера, лежавшего в глубокой длинной котловине.

Я долго и безнадежно смотрел на окрестность, потом молча полез вниз. Вася спустился за мной.

Итак, почти четыре дня отчаянных усилий выбрать-ся пропали даром.

— Ну, что теперь делать, по-твоему? — мрачно спросил я.

Мы уселись и начали советовать и решили, что мучиться днем и проводить такие ужасные ночи, словом, жить так, как мы жили эти четверо суток, было решительно невозможно. Между тем и отказаться от надежды возвратиться домой ни один из нас не хотел. Поэтому нам следовало воспользоваться близостью воды, пойти к ней, осмотреться и построить себе хоть какое-нибудь временное логово, а затем уже оттуда выходить каждый день в одном направлении, постоянно делая зарубки на деревьях и с каждым днем все дальше и дальше. Таким образом мы надеялись медленным, но верным путем выбраться хоть на какую-нибудь из окраин леса.

План наш казался очень основательным и разумным, но недаром говорят русские сказочники: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Озеро. Его свойства и окрестности.
 Наши соседи. Мы начинаем строиться.
 Сырость. Уголь. Смола.

Окончив совет, мы тотчас двинулись к озеру и вскоре очутились на довольно крутом спуске к берегу. Чтобы не пришлось опять втаскивать тележку на гору, если поселиться на берегу окажется неудобным, мы оставили ее под деревом и пошли к озеру налегке.

Чем глубже мы спускались в котловину, тем заметнее изменялись почва и растительность. Очевидно, когда-то, в незапамятные времена здесь была огромная гора. Вследствие какого-то подземного переворота она разошлась надвое, а между ее частями образовался провал. Теперь я понимаю, что гибели горы способствовала мощная подземная река, которая, постоянно подмывая основание, истоцила его до того, что гора наконец не выдержала собственной тяжести, подземные своды обрушились на дно глубокого русла и загромодили его. Вода, прибывавшая с верховьев, быстро наполнила впадину и образовалось озеро. Дожди и потоки таяющего снега стаскивали землю к подножию обрыва, на скате постепенно появилась растительность; вымирая, подмываясь во время бурь и ливней, она скатывалась туда же. На месте крутого обрыва постепенно образовался пологий откос. На вершине оставался песок, поросший хвойными деревьями, но чем глубже к котловану, тем больше отложений чернозема — несомненного остатка перегнившей растительности. Там росли деревья, требующие более тучной, рыхлой и влажной земли — черемуха, рябина, липа, ясень.

Когда мы спустились к берегу, чтобы напиться и умыться, то обнаружили еще два не совсем для нас удобные свойства озера — берега поросли густым тростником и вода между ними была мутная. Едва Вася вступил в воду, как провалился чуть не выше пояса и еле успел выбраться, потому что ноги его стали вязнуть в тинистом дне.

— Э, дело-то выходит дрянь! — проговорил он с философским спокойствием, страхивая грязь и воду. — Это называется: и близок локоть, да не укусишь! Придется строить плот, а пока процеживать воду. А что здесь тростники, так это дело тоже не худое. И рыба и утка тростник любят, значит, сыты будем!

Мы довольно долго бродили вокруг озера, но когда захотелось есть, снова поднялись к тележке. К моей неопишуемой радости Вася, раскладывая все, вытащил оттуда довольно большой чугунный котелок.

Положительно, этот безграмотный мальчик оказался умнее и предусмотрительнее своего ученого и начитанного друга!

— Вася! — вскричал я и радостно, и укоризненно, — да что же ты думал, когда мы собирали воду с деревьев и разбили бутылку! Ведь в котелок-то гораздо легче было бы выжимать простыню, да и бутылка осталась бы цела.

— Ваша правда, Сергей Александрович, — проговорил он, сконфуженно улыбаясь и почесывая затылок, — должно быть, одурел я тогда от страха и горя. Ну, да уж то прошло, а котелок свою службу нам сослужит, пока мы доберемся домой. Теперь вы тут оставайтесь и приготавливайте есть, а я пойду вниз за водой да кстати захвачу топор и порасчищу тропинку, а то в этой гуще воду всю расплескаешь.

Он приладил ручку котелка к поясу, крепко затянулся им, взял топор и стал спускаться по откосу, срубая на ходу кусты и ветки, которые загоразивали дорогу.

«Вот человек, который не теряет времени даром! — подумалось мне, — этот не пропадет ни в лесу, ни в миру». И вместо того, чтобы воспользоваться деликатным предложением Васи «приготавливать есть», я тоже взял топор и стал расчищать довольно широкую аллею к озеру. Топор недавно вышел из рук старика Матвея и был остер, как бритва, — работа шла успешно. Все, что было срублено, я складывал по обеим сторонам аллеи, которую повел сажени полторы шириной так, что образовалось нечто вроде плетня. Вася провозился на озере очень долго. Не знаю, что он там делал, вероятно, размышлял о плоте. Когда он пришел назад, я успел уже расчистить сажени пять.

— А, это славно, — проговорил он, пыхтя под тяжестью котла с водою, но зато свободно шагая по расчищенному месту.

Мы умылись и стали завтракать на краю обрыва. За нами высилась уцелевшая вершина горы, внизу тихо дремало озеро, прочищенная мною аллея придавала виду что-то обихожное. В это время небо просияло; показалось солнце, облило все это таким жилым, веселым светом, так нежно пригрело нас несчастных, трое суток дрогших и мокших на дожде, что у меня на душе стало как-то спокойно и даже радостно.

Вася сидел и молча жевал хлеб с водичкой. Но, вероятно, и его охватило приятное сознание физического довольства после долгой муки. Лицо у него было такое светлое! Он долго и вдумчиво смотрел вниз по скату, вдоль моей аллеи и, наконец, рассмеялся.

— Как славно! — проговорил он, жмурясь и потягиваясь от приятного тепла, — а только вот что я думаю: дорогу-то расчищать мы начали, а куда мы по ней ходить будем? К озеру за водой? Хорошо. А сами где будем ночевать и прятать наши вещи? Под кустом или под телегой? Оно и не худо, пока вот так греет солнце. А без него мы бы намокли и замерзли.

— Да, Вася, — перебил я его, — пока тебя не было, я тоже самое думал. Нам непременно нужно построить шалаш, хоть такой, чтобы там ночевать и прятать от дождя вещи. Ведь сам ты видел с дерева, какой огромный лес нас окружает, сквозь него нескоро дорогу проложишь, а ночевать нам всегда придется ходить сюда, чтобы не умереть без воды.

— Это вы верно рассудили, — согласился он, вскакивая с места, — ну так давайте строить! Далеко ходить

незачем. Нарубим кольев, натаскаем их сюда да и со-
страпаем шалаш. Очень уж полюбилось мне это место.

Я тоже встал. Мы взяли за топоры и стали рубить
молодые сосны. Что это за милое дерево — сосна! Пра-
во, трудно себе и представить, что стал бы делать без их
стройных, грациозных стволов наш брат, северный чело-
век, из чего стал бы он ставить срубы своих домов, вы-
тесывать доски на полы, крыши, двери...

Мы начали работу часа в три, судя по солнцу. Вали-
ли молодые сосны верхка в три в отрубе и сажени по две
в вышину. Дело шло довольно скоро. Но упавшее дерево
приходилось обчищать от ветвей и заострять толстый ко-
нец. Начало уже смеркаться, а мы едва успели натаскать
к обрыву штук пятнадцать жердей.

Эту ночь пришлось опять провести под открытым не-
бом. От озера неслись резкие звуки совиных окликов и
повторялись тысячами отголосков. Близость воды пред-
вещала, что вокруг нас будет пробегать немало зверей.
Чтобы обезопаситься от них, мы расчистили на краю об-
рыва большой круг, развели два костра и легли между
ними, а окорок взяли с собой, чтобы он не привлекал
своим запахом медведей и волков.

К счастью, ночь стояла тихая и сухая. Мы уже не-
сколько привыкли к ночным звукам леса; кроме того,
нас обоих очень занимала наша будущая постройка, и
мы проболтали допоздна, почти не обращая внимания на
шорох и вой.

Но вдруг по лесу пронесся глухой, тяжелый топот,
как будто крупной рыбью несся целый табун лошадей.
Я вскочил и оторопело схватился за ружье.

— Тихе! Оставьте! — шепнул Вася, — это лоси бе-
гут на водопой. Не надо их пугать теперь, — это соседст-
во хорошее. Завтра пойдем и отыщем их тропу — тогда
и подумаем, что делать.

Через некоторое время мы услышали, как стадо воз-
вращается с водопоя, поболтали еще, подкинули хворосту
в костры и заснули.

Вася разбудил меня с восходом солнца. Костры уже
потухли. Было довольно свежо.

— И отлично, сейчас согреемся, — сказал Вася и тот-
час же взялся за топор.

До самого полудня мы рубили и таскали ветки, что-
бы уложить их на шалаш. А пока я в свою очередь хо-
дил на озеро за водою к обеду, Вася стал прочищать ал-
лею и сделал гораздо больше, чем я вчера. Просека начи-
нала принимать чрезвычайно живописный вид. Над нею
сводом висели ветви высоких боковых деревьев, сквозь их
листву сквозил солнечный свет, окрашиваясь в радужно-
зеленый цвет, внизу, в просветах еще не срубленной
чащи начинало то синеть, то серебриться зеркало озера.
Все время обеда я с наслаждением смотрел под этот
свод, созданный по моему замыслу.

Поевши, мы тотчас же принялись за шалаш, так как
материал на него был уже заготовлен. Значительная дли-
на кольев дала нам возможность сделать его достаточно
высоким и широким, для того, чтобы можно было зажи-
гать в нем костер даже тогда, когда мы были дома. Для
выхода дыма мы оставили отверстие, как делают самоеды
в своих юртах. В него мог попадать дождь, но лишь в
незначительном количестве, да и то в огонь, в котором
тотчас же и испарялся, а мы и вещи могли удобно скры-
ваться под наклоном стен.

В этот день мы, разумеется, уже не имели времени
отыскивать дорогу домой. Вечером, за ужином я сделал

большой глоток из котелка и вдруг почувствовал, что у
меня во рту очутилась улитка. Меня стало тошнить от
отвращения.

— Нет, больше нельзя черпать воду в тростнике, —
говорил я, с досадой отплеываясь, — и противно и за-
болеть можно! Бог знает, чего наглотаешься. Завтра же
построим плот.

— Построим! — согласился Вася.

Когда я проснулся на другое утро, он уже был за
работой — продолжал расчищать дорогу к озеру. Я взял
топор и пошел к нему.

— Прежде чем возить что-нибудь по дороге, нужно
ее сделать. А нам придется спустить сюда два добрых
бревна, — объяснил он коротко.

Часа через два работы мы закончили расчистку аллеи
и убрали срубленный хворост по сторонам. Когда я ог-
лянулся, чтобы идти наверх, то не мог не удивиться
милому, чистенькому и уютному виду аллеи. А наверху,
на краю обрыва виднелся вход в наш шалаш и край
ярко раскрашенного кузова нашей тележки. Я начинал
уже любить это место, может быть, за тот труд, который
уже положил на него.

Мы выбрали для плота два дерева одинаковой тол-
щины и вышины, и Вася собирался уже рубить, ког-
да я его остановил.

— Слушай, Вася, подожди, — сказал я, — ведь это
дело не шуточное, — не то, что по-вчерашнему рубить
жерди. Если не будем осторожны, дерево может упасть
и задавить кого-нибудь из нас. Я где-то читал, что когда
валят лес, надо выбрать сторону, на которой больше ве-
ток, и подрубить ее чуть-чуть, а потом зайти с проти-
воположной, где веток мало, — у нас эта почти голая
сторона всегда обращена на север, — и рубить совсем.
Когда дерево станет падать, то тяжесть веток потянет
его не в ту сторону, где стоит тот, кто рубит, а в проти-
воположную.

— Что ж, это дельно! — серьезно согласился Вася,
и мы принялись за рубку.

Но оказалось, что одолеть великана лет тридцати пяти
или сорока было дело не легкое. Уже почти подрубивши
его с обеих сторон, мы сообразили, что, падая, он запута-
ется ветками в других деревьях и не долетит до земли.
Чуть не с опасностью для жизни пришлось расчистить
ему место, и уже потом снова приняться за него. Наконец
дерево стало заметно клониться. Мы оба быстро отбежа-
ли. В воздухе раздался точно продолжительный стон, и
великан с треском и шелестом рухнул на землю. Мы до
вечера проработали над обрубанием и оттаскиванием его
веток.

Весь следующий день мы с восхода солнца были за-
няты рубкой и очисткой второго дерева. Наконец, перед
нами лежали две стройные балки, сажени по четыре дли-
ною. Но они были сыры и очень тяжелы. Нести их на
себе не было никакой возможности, катить, — не допу-
скал лес. Но мы все-таки нашли выход. Из их же вер-
шин мы нарубили несколько кругляшей, приподняли
бревно за конец и подложили под него один из них, —
часть трения была устранена. Потом мы стали толкать
его вперед, так что обрубок катился под ним и скоро
был почти на половине длины, тогда мы подложили под
передний конец остальные, и наконец тяжелое бревно по-
катилось на своих круглых подкладках, уже не касаясь
земли. Но и при этом двигать его нам было очень тяжело
и приходилось радоваться, что обрыв был радом, а с его

наклона оно катилось так, что мы едва успевали подкладывать под передний конец оставшиеся позади катки.

К вечеру обе балки далеко протянулись одним концом в воду, а другой мы аршина на два вкопали в берег, чтобы плот не унесло волнением.

Очередной день ушел на рубку и подтаскивание к озеру нетолстых жердей, в сажень длиной. Из сотни таких перекладин, верхка по два в диаметре, образовался помост аршин в одиннадцать-двенадцать, по которому можно было свободно выходить за границу тростника. На концах балок Вася продолбил по дырке, вколотив стойки и устроил довольно прочные перила. Вид нашего берега принял еще более жилой вид. Теперь мы были обеспечены хорошей, свежей и здоровой водой, но не успели победить одну нужду, как пришла другая. Хлеб и ветчина вышли, а есть было необходимо.

Пришлось ходить на охоту. К счастью, это не представляло особенного труда — тростник кишел утками, а двух уток нам хватало на целый день. Одну мы варили в котелке на суп, другую жарили на вертеле. Этот вертел, большая драгоценность в нашем хозяйстве, был просто счастливой случайностью. Еще в то счастливое время, когда я жил дома, я как-то нашел железный прут и по своей страсти ко всякому оружию сделал из него подобие стилета. Я раскалил его докрасна в печке и в толстой берзовой палке прожег им дырку, в которую он входил целиком, потом приделал к нему ручку. Убегая из дому, я взял эту палку с собой, а когда пришлось жарить в лесу утку, прут пришелся как нельзя кстати. Не обошлось сперва и без неприятностей. Когда я вращал прут за ручку, он скатился с камней и моя первая утка вышла пестрая от ожогов об уголья и комков приставшей

к ней зола. Но я нашелся, как помочь беде, — взял плотничий молоток и высек в камнях по достаточно глубокому желобку, которые удерживали концы вертела.

Таким образом, кое-как обеспечив себе первые жизненные потребности, мы снова возвратились к нашей главной мысли — прокладывать дорогу домой. Утром мы охотились, готовили обед, ели, брали с собой по куску утки и шли с топорами в руках, делая на деревьях большие зарубки так, чтобы от одного помеченного дерева ясно видно было другое. Но дело продвигалось очень медленно: за четыре дня самой добросовестной работы мы не прошли и двух верст, а между тем расстояние от нашего жилья все увеличивалось, на ходьбу до него требовалось больше времени, на работу оставалось меньше, да и заготовка пищи отнимала у нас каждое утро часа по четыре.

Оставаться ночевать в лесу, далеко от шалаша, было опасно: да и в любом случае пришлось бы каждый день ходить к озеру за водой. Мы решили запастись в один день провизией на несколько следующих. Дичи в лесу было так много, что исполнить это было легко. Утром мы набили штук шесть уток и тетеревов, а вечером, уже возвратясь с работы, зажарили их на костре.

Спозаранок мы ушли очень довольные, оставив запасную провизию в ящике с инструментами и заслонив вход в шалаш большими тремя ветками. В этот день мы прошли, разумеется, больше обыкновенного и вечером очень довольные возвратились домой.

Я остановился у шатра и стал осматривать небо, которое к вечеру заметно нахмурилось. Между тем Вася отбросил ветки от входа и вошел. Каково же было его удивление, когда с противоположной стороны шалаша он

обнаружил довольно большой пролом. Вася кликнул меня, зажег спичку и несколько сухих веток, заготовленных для костра, внутренность шалаша осветилась и привела нас обоих в искреннее отчаяние. наших жареных уток не было и в помине, а в стене шалаша, возле которой стоял ящик, зияла дыра, в которую легко могла пролезть большая собака. Кто-то из нас забыл закрыть жестянку с солью. Теперь она лежала, опрокинутая на землю, соль была вся просыпана.

Вася бранился, плевался, топал ногами и недоумевал. А дело объяснилось очень просто. Заяц жареной дичи привлек лисицу, а может быть, и нескольких, они проломили стену там, где было поближе к добыче, и, прыгая к нему, уронили жестянку с солью.

Между тем ветер крепчал, и от пролома к входу установился порядочный сквозняк, который грозил раздуть костер и сжечь наше последнее убежище. Я остался стеречь его, а Вася побежал и заделал дыру ветками. Вход на эту ночь мы тоже загородили, боясь дождя и ветра, и улеглись возле костра с голодными желудками. Вася долго еще ворчал, но наконец затих, и оба мы начинали дремать.

Вдруг раздался густой шорох сильнейшего ливня. Налетел грозовой ветер. Жерди нашего шалаша трещали и сгибались, ветки отрывало от стен и уносило далеко в стороны. Через некоторое время мы рисковали остаться опять под открытым небом или быть раздавленными под тяжестью собственной плохой постройки.

— Час от часу не легче! — встревожился Вася, вскакивая на ноги, — давайте тушить костер!

Я тоже вскочил, но над костром пришлось нам хлопотать не долго. Ветер неумолимо отрывал от нашего убежища ветку за веткой, и скоро дождь лил в шалаш так же свободно, как и над озером.

Не могу описать того чувства обиды, которые охватило меня, когда я увидел, что разрушено все то, на что я возлагал такие надежды. Мы кое-как укрылись под остатки наших стен и молча скорее продрогли, чем проспали до утра.

Когда мы очнулись, в природе царили прежний мир и красота. Ночью нас напугала одна из бурных, но кратковременных летних гроз. От нашего шалаша остался один только остов. Все вещи и мы сами насквозь промокли. На месте, которое мы окопали для костра, стояла глубокая лужа. Вася мрачно оглядывал эту картину разрушения. Мы оба долго молчали.

Я, ежась от утренней прохлады и своего мокрого платья, готов был постыдно разрыдаться.

— Знаете, что я вам скажу, Сергей Александрович? — вдруг подошел ко мне Вася, — вы меня послушайте: так жить, вы сами видите, нельзя. Ну, что мы за люди? И лисица, и ветер нас обидеть могут! Когда еще мы найдем ту дорогу домой, Бог весть, а до тех пор ведь жить и уцелеть надо. А человеку без человеческого жилья, видно, не обойтись. Теперь тяжело нам с вами, а что осенью или зимой будет? Искать дорогу и зимой можно, а строиться на вьюге да на морозе уж совсем нельзя. Так вот что: бросим куда мы эту дорогу да построим себе логовище попрочнее. Ведь и у лисицы есть своя нора, и у медведя своя берлога, и у птицы гнездо — никто под ветками не живет, как мы с вами. А ведь мы еще люди, ко всякой погоде не привыкли. Так и заболеть можно, а какой здесь доктор? Какая помощь? Разве набредет медведь да заламает и прекратит каторжные дни.

Он весь тоже дрожал в своем мокром платье на студном утреннем ветерке. Я, разумеется, тотчас же согласился, потому что и мне перспектива теплого и прочного жилья казалась очень заманчивой.

Однако, несмотря на решение начать строиться, нам пришлось сначала сходить на охоту, чтобы не умереть с голоду.

Расхаживая по берегу озера, я все раздумывал, как и из чего мы станем строить. Опыт с балками для плота доказал мне, что срубить обыкновенную, хоть небольшую избу, для нас дело немыслимое. Нужен другой, более легкий способ. И вдруг мне пришло на память глинобитные постройки. Однажды я от скуки развернул одну из книг отца и попал на статью именно о таких постройках. Она заинтересовала меня. Оттуда я узнал и способы, как строить, и свойство этих построек отлично держать тепло. Я так обрадовался своей мысли, что дал промах по утке, однако скоро поправил дело тем, что нашел целое гнездо и руками поймал четырех утят.

Придя к шалашу, я застал Васю за весьма странным занятием. Он сидел на корточках перед костром и кипятил в котелке какую-то грязь.

— Что это ты варишь? — спросил я, уже подумывая, что мой друг помешался — суп из грязи?

— Нет, не суп, а соль. Вчера проклятая лисица наделала нам беды! Половину соли с землей да сором смешала. А как эта выйдет, откуда мы еще возьмем? Хорошо, что я догадался до грозы чистую соль высыпать опять в жестянку, а сорную собрал в котелок. Тут она хоть и смокла на дожде, а все-таки в землю не ушла. Вот я теперь и чищу ее, чтобы освободить котелок, а то ведь и воды не в чем принести. Видите, соринки, что полегче, всплывают наверх, я их ловлю да скидываю, а потом опять мешаю, чтобы соль их под собой не задерживала. Соль распустится в воде, а земля осядет внизу. Я воду солью в наш ящик с инструментами, сполосну котелок от земли, опять перелью в него раствор и уж тогда выкипачу всю воду, а на дне останется одна соль.

У русского Робинзона Пятница оказался и заботливее, и смысленнее своего господина.

Я выложил инструменты из ящика и подвинул его к Васе, а потом принялся ошпыливать и жарить утят. Одновременно я рассказывал ему свой план о глинобитном доме. Он слушал меня с видимым удовольствием, изредка вставляя свои замечания.

К концу завтрака мы решили: строиться на этом же месте, дом сделать глинобитный и начать его строить сегодня же.

Сажень в трех от нашего шалаша стояла прекрасная высокая и толстая ель. Лес в этом месте был довольно редок и вокруг нее зеленела лишь молодая лиственная поросль. Мне пришлось в голову, что эта ель может служить основой всей нашей постройки. Покатость почвы можно будет сравнять.

Скоро подошел ко мне Вася, и мы условились рубить ель сажени на три от земли, комель оставить посредине будущего жилья. Сначала я хотел было не трогать ее совсем, но Вася очень основательно заметил, что тогда, качаясь во время бури и ветров, она будет ломать нашу постройку. Мы понимали, что срубить такого колосса, да еще высоко от земли, — дело опасное, поэтому сначала обдумали, как бы это сделать, не поплатившись жизнью или, что еще ужаснее, уродством или калечеством. Я взобрался на дерево и стал обрубать ветви. Вася внизу

оттаскивал их подальше. Только на высоте четырех саженей я оставил с северной стороны одну ветку, достаточно толстую, чтобы она могла выдержать меня и Васю. Я слез на землю, и мы вдвоем расчистили место, куда по нашим расчетам должна упасть ель. Окончив это, мы оба на несколько минут остановились и с некоторой робостью посмотрели на великана, которого уже изуродовали и собирались погубить совсем.

— Эх! Смелым Бог владеет! — лихо крикнул Вася, бойко залез на дерево и сделал довольно глубокий надруб с южной стороны.

— Захватите пилу и полезайте сюда! — позвал он меня. Мы уселись верхом на ветке и принялись пилить со стороны надруба. Дело хотя и медленно, но все-таки продвигалось. Наконец, дерево заметно наклонилось к югу. Мы удвоили усилия, пилили несколько минут и опретью прыгнули на землю. Пронесся уже знакомый нам гневный и скорбный стон, и на расчищенной нами поляне осталась стройная колонна с одинокой ветвью, а колоссальная косматая вершина, как мертвая, лежала у ее ног.

В этот день мы успели только очистить вершину и сделать из нее две стойки для будущей постройки.

— А ведь это хорошо, что мы затеяли тут такой шум и гам, — заметил Вася, — это хоть немного распугает окрестное зверье.

На другой день мы вырубili еще две главные стойки и вкопали их по четырем углам так, что старая толстая ель осталась в центре. Эти четыре столба мы соединили с нею длинными жердями, что образовало основу крыши, а от одного столба до другого тоже протянули по жерди

внизу и сверху. Так как у нас не было достаточно толстых гвоздей, то мы на скрепах проворачивали дырки колесом и в них уже загоняли деревянные штыри. Закончив остов, мы принялись выводить стены, а для этого между стойками настелили еще жердей на расстоянии полуаршина одна от другой и затем стали переплетать между ними ветки более гибких сортов деревьев. У озера было очень много тонкой и длинной лозы. Она плелась так хорошо и аккуратно, что стена наша стала похожа на плетеную корзинку. К концу четвертого дня самой усиленной работы у нас была закончена вся внешняя стена. На пятый день мы принялись за вторую, внутреннюю, которую повели на расстоянии восьми вершков от первой. Промежуток между ними мы рассчитывали засыпать землей, а снаружи и изнутри вымазать весь дом глиной. Поэтому, когда мы вывели вторую стену до двух аршин высотой, — а вся она была в три, то начали ровнять пол избы, т. е. скалывать ту часть его, которая направлялась к вершине, и получаемую землю насыпать между двумя плетениями. Но скоро этой земли оказалось недостаточно. Мы призадумались, откуда брать ее еще.

— А вот что, — сказал Вася, — уж если пошло на то, чтобы обезопаситься от врагов — зверей, так сделаем это совсем по-настоящему! Обмерим вокруг дома саженей по пять во все стороны и обезопасимся ровом, а землю из него всыплем в стены.

Так мы и начали делать, но скоро нам пришлось отказаться от этой затеи. Погода переменилась — начались дожди и ветры. Дождь лил и днем и ночью, крыши над нашей постройкой еще не было, а потому в рыхлую землю между стойками набралось пропасть дождевой воды,

потоки, постепенно прибывавшие с вершины, еще увеличивали ее количество. Вместо стен образовалась жидкая грязь, медленно выползавшая сквозь щели плетня, кроме того, от тяжести этой сырой массы плетни стало расpirать так, что они грозили, наконец, упасть. Мы совсем приуныли. Такая масса затраченного труда, и все напрасно! У нас, что называется, и руки опустились. Два дня мы ничего не делали.

На третий, с утра, мы тоже не собирались работать, а как два волчонка в непогоду, лежали в кое-как исправленном шалаше и угрюмо прислушивались к вою и шуму ветра да и к хлесту дождя.

Вдруг я вскочил, как ужаленный, и радостно крикнул:

— Вася, а ведь мы можем окончить свой дом, да гораздо легче и лучше, чем думали сначала!

Мой Пятница лениво и недоверчиво повернулся ко мне.

— Да ведь и в глинобитный мы с вами верили, — медленно проговорил он, — думали, что он и легко нам дастся, и чуть не прочнее каменного выйдет, а вот он раскисает под дождем.

— Да оно хорошо бы и вышло, если бы у нас была солома, — горячо вступился я за свое изобретение. — В настоящих глинобитных постройках очень важна солома, конский навоз и хорошая погода, а у нас... Да, впрочем, не в том дело! Ты послушай, я выдумал такой материал, который у нас всегда под рукой, и тепло держать будет, и сырости не допустит.

— Господи! Клад какой! — угрюмо подшутил Вася.

— Да, именно клад! — продолжал я настойчиво. — Знаешь ты, отчего люди дом из дерева строить начали? Ага! Что, не знаешь?! Ну, так слушай. Все тела разделяются на хорошие и плохие проводники тепла. Например, дерево — плохой проводник. Палка с одного конца горит, а ты другой держишь и не чувствуешь ничего. А раскали-ка конец железной палки, так жар по ней так и побежит — живо бросишь! Так и в постройках. У тебя стены деревянные. Ты натопил у себя, — оно и тепло! Снаружи мороз трескучий, а дерево всего тепла наружу не выпускает, возле себя держит. А будь у тебя стена железная, она бы согревалась теплом сама, а остывала снаружи от морозу — так и провело бы все твоё тепло. Понимаешь?

— Понимать-то понимаю, да только это вы что ж? Опять за бревенчатую избу братья хотите? Что ж, давайте строиться, в будущем году об эту пору готова будет! А мы до тех пор замерзнем либо помрем без покаяния!

Он, видимо, упал духом.

— Да нет же, Вася! — вскричал я с досадой. — Я об бревнах и не думаю, потому что знаю, что это дело нам не по плечу. А вот что: в некоторых местностях строят ледники так, как мы начали с тобою нашу постройку, только промежуток между плетнями наполняют угольями. А они со своими промежутками, в которых размещается воздух, такой плохой проводник, что не выпускают в ледник ни капельки солнечного тепла и лед держится очень долго. Если они не выпускают тепло с улицы, то не выпустят его и изнутри, когда оно там будет. Так ведь? Понимаешь?

— Давно бы так и сказал! — и обрадовался, и рассердился Вася, — а то я про ваши тела да проводники ничего не понял. Так пойдёмте же скорее работать. Те-

перь хоть и дождь, давайте рубить лес, сырой жечь можно.

С этого дня мы постоянно вставали с рассветом и жились впотьмах. Мысль настоять-таки на своем и создать себе прочное убежище очень воодушевляла нас. Чтобы избавиться от необходимости каждый день охотиться, мы стали ставить на уток разные силки, которые готовили перед сном, сидя у костра.

Особенно удачно действовала петля. Мы убивали лягушку и привязывали ее так, что, когда утка хотела схватить ее, то попадала головой в петлю, которая затягивалась, душила ее. Кроме того, в лесу появились грибы и ягоды, которые стали немалым подспорьем в нашем столе.

— А вот что я думаю, — сказал мне однажды Вася, — ведь если мы набьем наши стены угольем, в них будет дуть, а вместе с тем нести в дом черную пыль. Хороши мы будем!

— Да я и не думал оставлять их так, — возразил я, — их все-таки придется вымазать глиной.

— Снутри-то оно ничего, даже красиво будет, а вот снаружи дело другое. От дождей глина отмокнет.

— Верно! — озадачился я. — А как ты думаешь, если смешать глину с жидкой смолой?

— Если с простой, со свежей, так она станет распускаться на солнце. А если с такой, какую замазывают лодки, так это верно, — ее никакой дождь не прошибет, — будем жить, как в муравьином горшке.

— А ты умеешь ее делать?

— По-ученому не умею, а по-простому, по-мужицки, могу. Оно, разумеется, по-крестьянскому способу много материала и даром пропадает, нам ведь и уголья нужны. Так вот как мы сделаем: выкопаем широкую яму, в сажень глубиной, а на дне ее другую, узенькую, только очень глубокую. Поставим дрова, что заготовили на уголья, в эту широкую яму стоймя и станем жечь их медленным огнем. Как станут они преть, смола и потечет в узенькую ямку, а когда все потухнет, мы вытащим сначала уголья, а потом вычерпаем и смолу.

Дня четыре копали мы яму, закладывая ее дровами и наконец зажгли, а чтобы ослабить пламя, прекратили к нему доступ воздуха, присыпали костер песком. Открывать угольную яму предстояло еще суток через двое. Чтобы полезно наполнить время, мы рубили и таскали от озера лозу и вытащили из плетней ту сырую землю, которая доставила нам столько забот и огорчений.

Мы сначала не знали, куда деть ее, но Вася пришла в голову отличная мысль. Он предложил сложить из нее вал вокруг двора, а впоследствии сверху поставить крепкий частокол. А так как той земли, которую нужно было выбрать из плетней, не хватило бы и на две сажени хорошего вала, то мы предположили все-таки выкопать со временем ров, о котором говорили сначала, тем более, что дождливая погода доказала нам, что весной, когда станет таять снег на вершине горы, жилью нашему будет грозить серьезная опасность, если мы заранее не приготовим для воды хорошего отвода.

Но теперь заняться этим было некогда. Нужно было прежде подумать об окне и двери для дома, а для этого необходимы доски. На второй день, пока горела яма, мы срубили еще одно большое дерево, но вопрос, каким образом обратиться его в доски, поставил нас в тупик. Я даже принялся читать Робинзона, которого унес с собою из дому даже в лес, как друга и наставника. Но Вася остановил меня.

— Не стоит, Сергей Александрович, только время потерям,— сказал он,— у него место и природа была одна, а у нас другая, и научить он нас ничему не может. Давайте лучше сами придумаем, как быть. Вы знаете, что такое дрань и отчего она так зовется? Оттого, что у кого нет времени, уменья, инструмента распилить дерево на доски, а доски все-таки нужны, тот раздирает их. Наши сосны ведь хорошо щеплются,— мужики делают в них проруб и вгоняют кольца до тех пор, пока весь ствол не распадется на части.

Мы наделали березовых клиньев и до тех пор вгоняли их в ствол, пока он не расщепился на три подобия доски, неровные, шероховатые. Сначала мы сглаживали их, обтесывая топором, потом строгами чуть не всеми видами рубанков. Наконец, получились три доски, дюйма в два толщиной, ровные, гладкие, белые. Для окна мы тотчас же сколотили коробку, или амбразуру, что, впрочем, стоило нам тоже не малых хлопот, потому что расстояние между двумя плетнями было восемь вершков, а ширина досок только пять. Пришлось составлять их вместе и притом так, чтобы не оставалось щелей, потому что иначе в них постоянно проникала бы мелкая угольная пыль и была бы вечным источником грязи.

Наконец на третьи сутки угольная яма потухла. Несмотря на то, что уголь был еще довольно горяч, мы принялись раскрывать ее, но тотчас же остановились,— нам не в чем было носить его.

— Надо сделать носилки,— предложил Вася.

— Тонких досок нет, а делать их долго,— возразил я,— можно бы сладить из рогожи, мягкие, да где рогожа? Остается одно — плести корзины. Пойдем к озеру, пока остывает яма. Я когда-то умел плести корзиночки из тростника.

Вася, молча, пошел за мною. Мы до позднего вечера провозились над одной корзиной и сделали ее круглою, глубокою, как ушат, и даже с ручками, потому что удобнее всего было носить уголья вдвоем на толстой палке, середина которой вдевалась бы в ушки корзины, а концы лежали бы на наших плечах.

Утром мы начали переноску и так увлеклись, что почти не ели. К половине второго дня яма была пуста, а в доме забита угольями целая стена. Но ведь это была лишь одна четверть работы. Во второй, глубокой ямке собралось около ушата смолы, но вычерпать ее нам было не во что. Поэтому мы осторожно расширили ее, снова заложили широкую яму дровами и зажгли их, а сами тотчас принялись копать вторую, еще больших размеров, потом нарубили для нее дров и тоже запалили. Хотя к этому времени первая яма была уже готова, но мы приостановили носку угля до тех пор, пока не вделали закладных рам двери и окна.

Для поддержки оконной рамы, которую не мог бы сдерживать плетень, мы вбили между плетнями две стойки и укрепили ее на них, затем уже по раме аккуратно обрезаем прутья плетня так, что они приходились на ребро ее, а сверху них наложили как внутри, так и снаружи дома дощечки верхка по три шириною и приколотили их большими «гвоздями». Таким образом прутья очутились защемленными и не могли отставать от тяжести и напора угольев, а у нашего окна и двери оказались красивые белые наличники.

Впрочем, дверь далась нам еще труднее. У нас не было петель и пришлось изобретать, чем заменить их. Общими усилиями мы достигли и этого. Собрал закладную

раму в два аршина шириной и два с половиной высотой, мы, однако, не приколотили ее верхнюю часть, а сначала сделали самую дверь. Все доски, из которых она должна была состоять, мы отпилили одинаковой длины, так, чтобы они плотно заполняли собою закладную раму, но одну из них, и именно заднюю, пустили длиннее и обпилили и обстругали так, что, когда сравняли с остальными, то на самом краю у нее оказались толстые круглые шпильки, дюйма в два в диаметре. Для них мы продолбили в верхней и нижней перекладинах закладной рамы круглые гнезда, вставили всю дверь и тогда уже крепко заколотили раму. Таким образом дверь наша вращалась не на петлях, а на шпильках.

Покончив с этим, мы опять принялись носить уголья, но их не хватило на засыпку стен, пришлось закладывать дровами яму снова. Вообще наш дом устраивался в действительности гораздо медленнее, чем я предполагал. Я не упоминаю о страшном физическом утомлении, которого стоили нам все эти работы. Думаю также, что решительно невозможно описать, до чего мы были грязны. К счастью, у нас не было зеркала, но было озеро. Сначала мы боялись купаться, но потом страшная жара и какой-то зуд от грязи разогнали страх. Мы усаживались на плоту, мылись даже с песком и потом бросались в воду. Она была очень холодна, и, вероятно, купания окончились бы сильнейшей простудой, если бы после них не ожидала та же непосильная работа, державшая нас в постоянной испарине.

Пока догорала угольная яма, мы принялись обрешечивать крышу. Продольные жерди мы клали как можно длиннее, чтобы нам не грозил даже самый косой дождик. Поперечные же как можно чаще, потому что поверх них густо настлали древесной коры, а сверху — самых густых и развесистых ветвей сосны. Немало труда стоило нам укрепить эти ветви так, чтобы их не сбросило первым же ветром. Мы наложили на них по три жерди с каждой из четырех сторон крыши и через дырки, проверченые коловоротом, приколотили их к стропилам крыши.

Было около половины июля, когда мы окончили со своей многотрудной постройкой. Дни стояли жаркие, но становились короче, ночи же начали донимать нас холодом и туманами. Иногда прорывались крутые грозы, так что окончание главных частей нашего дома пришлось как нельзя более кстати.

Думаю, что трудно выразить даже стихами то, в высшей степени отрадное, чувство и гордости, и радости, и даже какой-то нежности, которое внушал мне вид этой, в сущности, убогой, лачужки. Мне казалась чрезвычайно живописной и темно-зеленой крыша с ярко блестящими поперек нее свежими, смолистыми жердями, и темно-серые плетенные стены, и нежно-палевые наличники дверей и окна. Да, в своей лесной жизни я убедился в той истине, что беречь и любить человек может только то, что сделал сам, и ничто не может доставить ему такого наслаждения, как творчество.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

СВОЯ ИГРА ТАМАРЫ

Андрей ГОРБАТОВ-ЛЫСЬВЕНСКИЙ

Конечно, все мы родом из детства. А еще — из своего города, поселка, хутора, в общем, того места на земле, где выросли. И есть все-таки некая незримая связь, объединяющая людей одной «малой родины», даже если в действительности она огромный многоликий мегаполис, существует что-то, заставляющее отмечать земляков среди прочих, следить за судьбами тех, кто стал известен, радоваться их удачам и огорчаться поражениям...

За уникальной нашей скрипачкой Тамарой Сидоровой, за ее творчеством я начал следить приблизительно с 1981 года, с тех пор, как она получила первую премию на Третьем Всероссийском конкурсе артистов эстрады и стала работать в знаменитой фольклорной группе Владимира Назарова. Тогда-то и началось настоящее признание — оvationи, блестящие предложения, зарубежные поездки... Дальше — больше: появляется ее собственная группа «Своя игра», которую теперь знает, наверное, каждый телезритель, о Тамаре говорят, пишут, и все чаще со страниц газет звучат сегования: жаль, что Сидорова так редко выступает в своей стране. А ведь в свое время я, свердловский мальчишка семидесятых, и предположить не мог, что моя землячка достигнет таких высот, удостоится еще и экзотического титула «Мисс Кинотавр»... Ведь тогда, в моем детстве, Тамара была просто

ДЕВОЧКА СО СКРИПКОЙ

— Я была очень капризным и своенравным ребенком: могла выпрыгнуть из окна, не придя домой ночевать, гулять всю ночь на улице, играть во дворе на скрипке. В общем, очень тяжелый переходный возраст из детства в юность...

— И тебя не нужно было заставлять играть на скрипке?

— Да меня только и нужно было заставлять! До четырнадцати лет — только из-под палки! Это была просто мука для родителей!

— И все-таки ты решила стать музыкантом?

— А я и не решала, особо не искала, не мучилась призыванием. Это дано от природы. Другого мне Бог

не дал, и решать, выбирать тут было не из чего.

— Значит, у тебя даже мысли не было: кем стать?

— Ну, кем бы я могла стать? Если художником — слабоватом. И в детской художественной школе я училась, и в балете занималась, и в легкой атлетике, и в фигурном катании. Мама всюду меня отдавала обучаться. И быть может, в балете бы я осталась, если бы не музыкальная школа. Мама настояла на последнем, ей казалось, что балет — адский труд, пот, слезы, голодовки вечные. Как будто на скрипке играть легче! У нас в родне на скрипке никто не играл, были певцы, сестра на домре играла неплохо. Зато теперь племянник — профи-труба, а племянница — профессиональная домристка. Моя сестра вышла замуж и забыла о музыке, увы. Думаю, что мой сын будет скрипачом, хочу верить в это.

— Ну вот, мы заговорили о твоём детстве, семье...

— Ты знаешь, Андрей, я даже не закончила школу-десятилетку при Свердловской консерватории! Представляешь, из элитарной школы, после 8-го класса, ушла в музучилище Чайковского — искать приключений. По натуре я путешественница, непоседа и не домосед. Правда, мне

повезло: попала к великолепным педагогам, вначале к Петухову, затем к Тышкову. Проучилась два года — сбежала и оттуда. Ушла из дома, жила у подруги. Вот так...

— А дальше что было?

— А дальше — другая история.

ИСТОРИЯ ПОД НАЗВАНИЕМ «ЖИЗНЬ НА ПАРНАС»

У известного певца и музыканта из группы «Трудное детство» Владимира Маркина есть целый цикл песен, посвященный так называемым «кабацким» музыкантам. О, эта тема еще ждет своего исследователя и своей книги! Из «кабацкой» музыки вышли Вилли Токарев и Александр Новиков, Михаил Звездинский, да что там — все одесситы-певцы и вся русско-еврейская музыкальная эмиграция... Есть в музыкальном сленге определение: «Игра на парнас». Это когда группа ресторанных музыкантов получает самый «пиковый» солидный куш за песню, особенно понравившуюся местному мафиози. Какое же было мое удивление, когда выяснилось, что звездная «Мисс Кинотавр» прошла огонь, воду и медные трубы «кабацкой» музыки!

— Тамара, какое это было время?

— Помучив своих педагогов в

училище, я в 1974 году круто изменила свою жизнь. Сначала зарабатывала деньги по тем временам сносные в ансамблях ЭВИА-66, затем «Чудесницы». Эти группы помнит Свердловск семидесятых. Тогда я играла на скрипке там и пела песни «Урал», патриотические, «про любовь». Мне очень нравилось: там были мальчики красивые и девочки веселые. В 1976 году я попала в свердловское кафе «Молодежное». Помогала музыкантам, так как у них не было музыкального образования. Я им аранжировала всю поп-музыку с ксилофона, с виброфона — на гитару, на саксофон, делала импровизации. Все очень старались, уважали меня. Ну, а потом попала в самый лучший в Свердловске ресторан — «Уральские пельмени» — шикарный мафиозный ресторан на проспекте Ленина, где у меня была охрана, большой авторитет, меня все любили. С огромной помпой я там отпраздновала свое восемнадцатилетие. Весь ресторан гудел в тот день!

— Значит, жизнь на парнас?

— Да, но когда-то это должно было закончиться! «Кабачковая» музыка — специфичный род деятельности, своеобразное искусство. Но я начала уставать, скучать. Ресторан, море разливанное, пресыщает, настоящий художник, извините, гаснет, умирает. Наступил момент, когда мне все это надоело до чертиков!

— И что же тогда произошло?

— Я рванула в Москву!

В МОСКВУ — РАЗГОНЯТЬ ТОСКУ...

— Столица манила своим лоском, недостижимостью какой-то. Однако все по порядку. В семидесятых годах был в Москве такой администратор Кандаков, подобно многим шоу-администраторам, он отсидел срок по брежневскому юридическому кодексу (в этом списке — и менеджер группы «Кино» Юрий Айзеншпис, и Саша Новиков, и т.д., и т.п.). Вскоре, после отсидки, Кандаков умер. Но в моей судьбе оказался «крестным отцом». Кандаков любил артистов, не воровал, не обирали их, с ним работали и Иосиф Кобзон, и Людмила Сенчина, и группы «Самоцветы», «Здравствуй, песня!», и ансамбль «О чем поют гитары...» Вот в этот ансамбль и попала Тома Сидорова: играла на скрипке и пела песни. Шел 1978 год...

— Но как же именно Тома Сидорова из свердловского ресторана проникла в этот «недостижимый» мир?

— У Кандакова работал звукорежиссером бывший свердловчанин, мой коллега. Он откомендовал меня, сказал, что есть неплохая скрипачка. И меня пригласили! И вот я села в поезд «Урал», поехала со

скрипкой своей, с валеночками, еще у меня был с собой ананасик. Тогда с этим в Свердловске проблем не было. Ананас я привезла в подарок, а валенки — на всякий случай. Девчонка я была запасливая!

— Решила Москву брать штурмом?

— Да нет, это была только попытка. А потом пошла фортуна... Мне жутко везло. Между прочим, я успела подружиться и поработать с Володей Высоцким, он мне писал стихи, у нас даже драки были! Многому научилась я в группе «О чем поют гитары». Там был великолепный пианист Смирнов, мой учитель по тому времени. Если бы эта группа имела доступ к телевидению тогда, то она дала бы фору многим в то время, в семидесятые. В концертах мы использовали дудки, там был ритм, композиция. И у меня ведь уже был определенный опыт: и в симфоническом оркестре поиграла, и в ВИА, и в кабаке. А тут перст судьбы: получила первую премию на Третьем Всероссийском. С той поры начинается пора работы в группе Назарова.

Группа В. Назарова много ездила за рубеж, была, пожалуй, рекордно «выездной» в брежневскую эпоху. А что там, «за бугром»?

ЗА БУГРОМ, ИЛИ ТАМАРА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

В пьесе Володина «Две стрелы» один из главных героев говорит: «О, там, за бугром, хорошо-о-о!» События пьесы происходят в каменном веке, два племени соперничают друг с другом — из-за бугра. Думаю, все ясно. Но мне кажется, что зарубежную жизнь Тамары можно было бы назвать скорее «ззеркальем». Вот уж действительно, там все наоборот, навыворот — в отличие от нашенской жизни.

— Я начала ездить с 1982 года. Каждая поездка — такой нокдаун на всю катушку! Каждая страна сама по себе у меня подарок! Особенно потрясла Индия. Не принимаю великолепия Европы, однако там сначала интересно, но буднично: красиво, чисто, блестяще холодно. Короче, «не своя». Впрочем, обожаю жить в Амстердаме, люблю приезжать в Париж. Вот в Северной Америке пока не побывала. Индия — другое. Она не может не влюбить в себя при всей контрастности, при крайностях. Это такой фольклор, такая экзотика... И вот что интересно: индусы совершенно не воспринимают классической индийской раги, которую я им исполняла. Парадокс? Оказывается, музыкант — одна из самых низших каст в Индии. Музыкант — ничто! Великие индийские му-

зыканты живут в Штатах, как Рави Шанкар, например. Или во Франции живут. И там имеют колоссальный успех и бизнес! У нас хоть классические музыканты ценились.

— Ценились? Ростропович? Вишневецкая? Спиваков?..

— Ну, это политика! Главное, приезжали бы сюда почаще, и мы бы помнили, что эти люди из России... Человек обязан быть без подданства! Родина — в душе, остальное — свобода! Если у меня не выдержат нервы, глядя на все это здесь, то я, конечно, останусь за рубежом. Мне предлагают открыть скрипичную школу в Германии за приличные деньги. Но только — если вконец не выдержат.

— А кто твой музыкальный кумир?

— Французский скрипач Дидье Локутто. Сам Карло Понти подарил ему свою скрипку! В знак того, что Локутто — лучший скрипач Европы. Мы встретились с Дидье на совместном концерте в Швейцарии. Молодой красавец, великолепный виртуоз скрипки с женской душой — вот таким я его увидела. Он играет нетрадиционный джаз и что-то такое, чему еще нет названия в музыковедении.

— И ты хотела бы увидеть на сцене своего сына?

— Это моя мечта: моему Никите пока пять лет, но он уже осваивает скрипку. Однако обучать его я буду только за рубежом, наша скрипичная школа, увы, выхолощена, настоящие великие учителя или умерли, или уехали. С сыном я просто дружу. Есть у меня и близкий друг, отличный музыкант.

«СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ»

С таким вот названием в восьмидесятые годы раскручивался классический итальянский фильм со звездными актерами. Вряд ли у меня получится «семейный портрет» «Мисс Кинотавр», однако можно попытаться.

— Тамара, ты объездила полмира. Ну, а родной Свердловск-Екатеринбург вспоминаешь?

— А знаешь, плюнуть бы на все эти границы, поехать бы в Екатеринбург. Да как я брошу своих музыкантов? Ведь без меня «Своя игра» просто распадется. Не я так считаю, а мои друзья-коллеги. Вообще, Москва — нелюбимый город. Здесь нет квартиры, ты одна с ребенком на руках, все обманывают, надувают (как говорится — «жизнь кидала — не докинула»), поэтому в самой Москве меня ничто не держит. Каждый раз играю — как в последний раз! Что будет через год, два — неизвестно. Грустно все это,

— Ну, а если все-таки махнуть за рубеж «с концами»?

— Надоело я хотела бы туда отправить своего собственного ребенка. Хотя бы на учебу в скрипичной школе. Есть такая возможность в Германии. Сама же — не в силах постоянно жить там. Знаешь, как тянет в Россию? До спазм в горле, поверь! Но в России «Своя игра» не может дать сольный двухчасовой концерт. А у нас материала на десяток пластинок сделано. А на Западе нас после концертов носят на руках! Здесь же просят только программу еврейских песен, молдавские, «Чардаш». И все. Обидно! Верю, что сын Никита, если станет музыкантом, будет более счастлив в творчестве и свободен!

— Как ты воспитываешь сына?

— Никита для меня — все... Он меня поддерживает на концертах. Стала возить его на гастроли постоянно, когда ему исполнилось два года. Так что с сыном мы не один пуд соли съели. Я не воспитываю сына — я с ним дружу. Только так! У меня не получается, как было у моих родителей: я твой папа — ты меня слушайся! С сыном я на равных. Ввиду постоянных разъездов нечасто вижусь с родителями. Кстати, папа у меня талант от Бога — один из лучших голосов на Урале — бас. Слух у него абсолютный. Но он не пошел учиться в консерваторию, у него с мамой было двое детей, и он — инвалид войны... Да и мама была не совсем здорова. Я-то у них младшая... Родители долго стояли в очереди на квартиру, почти 15 лет, ютились с маленькой старшей сестрой в шестиметровой комнате, я уж в «хрущобе» родилась, мне было легче. В 4 года мне купили фортепиано, а когда я, четырехлетняя, прошла все экзамены в десятилетку при консерватории, мама говорила всем, что Тамара будет артисткой. Если что-то из меня и получилось, это все благодаря матери, вложившей всю доброту свою в меня.

— Тамара, что ты чувствуешь на сцене, когда играешь?

— Ты, наверное, заметил, Андрей: я смотрю. Смотрю на зрителя. Для меня главное — найти партнера в зале. Если я найду глаза, которые от меня не будут отворачиваться, это значит, что я победила! И сама себе сделала приятное — играла для всех, и для кого-то. Если эти глаза будут смотреть на меня, а не сморкаться в платок, не коситься на свою жену, друзей, не будут оглядываться и тускнеть, значит, я сыграла свою роль. Я не могу работать в пустые глаза. И мне всегда везло, многие глаза до сих пор в памяти! Я обожаю Николая Гумилева. Вот послушай:

Мой мальчик, ты так весел,
твой светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье,
отравляющем миры.
Ты не знаешь, ты не знаешь,
что такое эта скрипка!
Что такое темный ужас
начинателя игры!
Тот, кто взял ее однажды
в повелительные руки,
У того исчез навеки
безмятежный свет очей.
Духи ада любят слушать
эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки
по дороге скрипачей.
Надо вечно петь и плакать
этим струнам, звонким струнам.
Вечно должен биться, виться
обезумевший смычок...
И под солнцем, и под вьюгой,
под белеющим буруном,
И когда пылают Запад,
и когда горит Восток...
Ну как, здорово, да?

— Это прекрасные стихи. Как прекрасен свет души невинно убиенного Гумилева... А что бы ты хотела пожелать живым душам твоих поклонников, почитателей твоего таланта?

— Надо всем что-то ТВОРИТЬ! Это значит — любить друг друга и жизнь! Пусть все поют, музицируют. Давайте устроим такую веселую деревню на всю Россию. Пусть все играют кто как сможет на гармошках, гитарах, балалайках. МУЗЫКА спасет нас от суровых наших дней...

МАЛЕНЬКИЙ ЭПИЛОГ

Вот мы и расстались на время со своей землячкой, до нового концерта в России. Тома улетела в свой очередной Мюнхен или Цюрих. И я думаю: не о ней, нет, не о скрипачке Томе Сидоровой написал Пастернак. И, все-таки — о ней:

За Паганин диннопалым
бегут цыганско гурьбой,
Кто с чохом чех, кто с польским
балом,
а кто с венгерской немчурой
Девчонка, выскочка, горячка,
чей звук широк, как Енисей,
Утешь меня игрой своей:
смычок твой мнителен, скрипачка.
Утешь меня Шопеном чалым,
серьезным Брамсом, нет, постой:
Парижем, мощно-одичалым,
мучным и потным карнавалом,
иль брагой Вены золотой,
Играй же на разрыв аорты,
с кошачьей головой во рту.
Три черта было — ты четвертый,
последний чудный черт в цвету!

Фото А. Шабельникова

МИР НА ЛАДОНИ

Что не любит мистер Пиквик

Испытывал ли самый симпатичный из созданных фантазией Диккенса персонажей — мистер Пиквик чувство неприязни к кому-либо? Материала для вывода об этом мало. Но можно прочитать главу девятнадцатую «Посмертных записок Пиквикского клуба», чтобы узнать, что мистеру Пиквику делалось худо от... апельсиновой корки. В чем дело? Дело в том, что «Апельсиновой коркой» современники Диккенса прозвали известного английского государственного деятеля Роберта Пиля. Шутники, придумавшие столь оригинальное прозвище, обыграли два обстоятельства: фамилию Пиля, означавшую по-английски обычную корку, а также позицию этого политика в ирландских делах, где он неизменно поддерживал оранжистов, выражавших интересы протестантских верхов.

В. МОТЫЛЕВ

Реке угрожают джинсы

В 1990 году в палате представителей Конгресса США рассматривался законопроект о защите одной из живописных рек в штате Нью-Мексико от совершенно необычной опасности со стороны... джинсов. Дело в том, что молодежь для придания новым джинсам вида поношенных чистит их пемзой. Для реки Хемс именно пемза и представляет непосредственную угрозу, так как добывается она на ее берегах. Палата представителей решила записать часть русла этой реки в Национальную систему живописных рек страны. Но такая мера вряд ли сможет сдержать деятельность компании, владеющей правом на добычу пемзы на ее берегах. Чтобы прекратить разработку, палата приняла специальную поправку к закону, запрещающую правительству продавать земли по берегам рек, содержащих залежи пемзы. И хотя горнодобывающая компания может пока продолжать работы у реки Хемс, она не имеет права собственности на землю. К тому же, компания обязана после эксплуатации участка всю местность восстанавливать в первоначальном виде. Однако шумиха, поднятая вокруг пемзы, не прошла даром. Многие школьники дали торжественное обещание не носить джинсы, натертые пемзой.

Е. СОЛДАТКИН

В 1975 ГОДУ ИСКУССТВОВЕД Н. ГОРБАЧЕВА НА СТРАНИЦАХ НАШЕГО ЖУРНАЛА В ОБЗОРНОЙ СТАТЬЕ ВПЕРВЫЕ НАЗВАЛА ИМЯ И ПОКАЗАЛА РАБОТЫ ЮНОГО ХУДОЖНИКА ИГОРЯ ВИШНИ. И ВОТ ВТОРАЯ НАША ВСТРЕЧА С НИМ, УЖЕ ВЗРОСЛЫМ ХУДОЖНИКОМ.

Людмила
ЧЕКМЕНЕВА

Художник Игорь Вишня

«...жить, широко раскрыв глаза на все, что прекрасно... забыть, откуда и куда идешь, как тебя зовут, и смотреть глазами ребенка...» — так писал М. К. Чюрленис. Он был убежден, что подлинную красоту воспринимает только чистая, прекрасная душа.

Невольно вспоминаются эти слова, когда смотришь на детские работы Игоря Вишни.

Его звезда вспыхнула сразу и очень ярко. В 10 лет у него была уже персональная выставка в ДК Дзержинского, вызвавшая удивление и восторженные отзывы. Уже тогда его живопись творила на бумаге сказки, мифы и легенды, вводила в далекие странствия.

Мама Игоря — Вианора Вишня — занимается декоративной росписью (они часто художественным дуэтом выступают на выставках). От нее сын унаследовал видение цвета. Частые прогулки за город открывали ему мир красоты. Не случайно ведь в японской школьной программе есть урок любования природой... В 5—6 лет Игорь нарисовал деревенский пейзаж, причем изобразил те детали, на которые мама даже не обратила внимания.

Повезло Игорю и с руководителем изостудии Дворца пионеров. Им был В. Г. Гардт, недавно безвремено ушедший из жизни. Он обучал, не подавляя, а развивая фантазию и творческие способности у детей.

Меня поражала его одержимость творчеством. Когда бы я к ним ни пришла, всегда видела мальчика за мольбертом. Он работал часами. Живопись стала для него страстью.

Воображение захватил мир сказок и легенд древней Греции: Игорь создает цикл живописных работ (темпера) о странствиях Одиссея. Потом воображение уносит юного художника к творениям сказочника Андерсена. И снова возникает серия работ. Лучшая в ней — «Стойкий оловянный солдатик». Он мокнет под водосточной трубой, и столько горечи, печали в его позе, но отчаяния нет. А сколько цветов и оттенков в сбегающих струях воды! Не верится, что это писал 10-летний художник.

Потом была серия работ, посвященных приключениям Робинзона Крузо. Широкий простор для фантазии дал фильм «Миллион лет до нашей эры»...

Испытал он первые творческие радости и волнения: его оценили в Австралии, в Сиднее, присудив премию за акварель «Зима».

Часто во время работы Игорь слушал любимую пластинку, и под влиянием музыки возникли «Сказание о Рустаме», «Подвиг Ферхада», очень тонкая по цвету, лиричная композиция «Кай и Герда» и не по возрасту зрелая работа «Корабль Одиссея». Акварели проникнуты чистотой восприятия, непосредственностью изображения, романтической героикой.

К шестнадцати годам у него уже сформировались взгляды на искусство. Это был художник с хорошо развитым эстетическим вкусом. Но не все было безоблачно в пору учебы в художественном училище, затем в Академии художеств. Преподаватели пытались что-то в нем изменить, в чем-то переучить. И хотя менялись его вкусы, манера письма, но оставалось самое ценное — творческое «я».

Академические рисунки Игоря Вишни экспонировались на выставке студенческих работ Академии художеств в Нью-Йорке в 1988 году.

Но в своей живописи Игорь «забывает» о канонах. Воображение и полет мысли уводят его в мир фантазии, и тогда рождаются самые неожиданные темы, порой, казалось бы, несовместимые. С «Патриархом», «Иудеем», «Небесным Иерусалимом» соседствует «Мальчик с кубиком Рубика», «Очарованное дерево», «Российский герб» и даже «Танец Гермафродита».

В этой несовместимости отразилась сама жизнь во всей ее многогранности. Игорь Вишня предстает как художник и философ. Его творчество — это раздумья над жизнью. Яркое дарование художника нашло признание за рубежом: Его работы есть в частных собраниях США, Германии, Израиля. В этом году прошла выставка его работ в Копенгагене. Это единственная картинная галерея, занимающаяся пропагандой и продажей современного искусства.

Воображение ведет к новым поискам.

Игоря вдохновляют библейские сюжеты (он не расстается с миниатюрным изданием Библии). Его заветное желание — побывать на Востоке. Пока только фантазия помогает ему. «Христиане, покидающие Иерусалим», «Патриарх», «Небесный Иерусалим», «Искушение Иосифа» — полны глубокого философского обобщения, работам присущ лаконизм в стиле, драматизм в передаче образов. В зависимости от содержания яркая эмоциональность цвета сменяется приглушенной изысканной цветовой гаммой. В красивых по цвету женских портретах можно узнать черты жены художника Ларисы — музыканта по образованию, матери его шестилетнего сына.

Гимн жизни звучит в его «Обнаженных». Чтобы достичь выразительности, И. Вишня искажает пропорции человеческого тела, удлиняя его. Он считает, что подлинное искусство в вечном поиске и где кончается сходство фотографии с живописью, там начинается искусство.

Хочется закончить словами из книги отзывов: «...Вишня — определившийся мастер с самобытным видением и формой подачи... После Воловича-графика, Э. Неизвестно-го-скульптора появился и наш гениальный живописец — гордость Екатеринбурга. Бог любит троицу».

Слайды Вячеслава Донецкого

Игорь Вишня

Ночное свечение козы

Изборские ворота

Обнаженная в саду

Пуританский священник

